

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет»

На правах рукописи

Николаева Евдокия Дмитриевна

ГЕОЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО
РЕГИОНА: ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В XX —
НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Специальность: 1.6.13 – экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук,
профессор А.Г. Манаков

Псков, 2026

Оглавление	
Введение.....	6
Глава 1. Теоретические основы изучения геоэтнокультурного пространства.....	12
1.1 Геоэтнокультурное пространство как объект культурной географии.....	12
1.1.1 Взгляд на этнокультурное пространство в концепциях культурных ландшафтов и геоэтнокультурных систем.....	12
1.1.2 Этнокультурная составляющая в компонентной структуре геокультурного пространства.....	15
1.1.3 Геопространственный подход в конфессиональной географии.....	19
1.2 Элементы территориальной структуры геоэтнокультурного пространства.....	23
1.2.1 Опыт выделения элементов территориальной структуры геоэтнокультурных систем.....	23
1.2.2 Центр-периферийная структура национальных геопространств Центральноазиатского региона.....	26
1.2.3 Этноконтактные зоны в территориальной структуре геоэтнокультурного пространства.....	31
1.3 Методы изучения геоэтнокультурного пространства.....	34
1.3.1 Ключевые показатели, используемые при изучении структуры геоэтнокультурного пространства.....	34
1.3.2 Основные критерии выделения элементов территориальной структуры национальных геопространств.....	38
1.3.3 Методика выделения элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства и информационная база исследования....	42
Глава 2. Изменение этнической структуры населения региона с конца XIX века по начало 2020-х годов.....	47
2.1 Динамика численности народов региона и изменение этнической структуры городского и сельского населения с конца XIX века по начало 2020-х годов.....	47

2.1.1 Динамика численности титульного и нетитульного населения региона.....	47
2.1.2 Динамика численности коренных народов региона.....	51
2.1.3 Изменение этнической структуры городского и сельского населения. .	56
2.2 Изменение этнической структуры населения республик региона с 1926 года по начало 2020-х годов.....	62
2.2.1 Динамика численности и этнической структуры населения республик региона.....	62
2.2.2 Изменение этнической однородности городского и сельского населения республик региона.....	71
2.3 Изменения в распределении коренных народов Центральной Азии по республикам Российско-Центральноазиатского региона с 1939 г. по начало 2020-х гг.....	76
Глава 3. Геоэтнокультурное пространство Центральной Азии до и после национально-территориального размежевания 1920–30-х гг.....	84
3.1 Этническая ситуация в Центральной Азии в XVIII–XIX веках по материалам этнографических исследований.....	84
3.2 Геоэтнокультурное пространство региона в конце XIX века.....	89
3.2.1 Особенности Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года как источника по этнической географии Центральной Азии.....	89
3.2.2 Этнолингвистическая география региона по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года.....	91
3.2.3 Конфессиональная география региона по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года.....	96
3.3 Геоэтнокультурное пространство региона после национально-территориального размежевания Центральной Азии в 1920–1930-е годы.....	100

3.3.1 Национально-территориальное размежевание Центральной Азии в 1920–1930-е годы и последующие изменения статуса республик.....	100
3.3.2 Территориальные сдвиги в этнической структуре населения региона с 1897 по 1926 годы.....	106
3.3.3 Территориальные сдвиги в этнической структуре населения региона с 1926 по 1939 годы.....	112
Глава 4. Динамика территориальной структуры геоэтнокультурного пространства региона с 1939 года до 2020-х годов.....	119
4.1 Сдвиги в территориальной структуре геоэтнокультурного пространства региона с 1939 по 1959 годы.....	119
4.1.1 Динамика русского геопространства.....	119
4.1.2 Динамика национальных геопространств.....	123
4.1.3 Территориальные сдвиги в геоэтнокультурном пространстве региона.....	129
4.2 Сдвиги в территориальной структуре геоэтнокультурного пространства региона с 1959 по 1989 годы.....	134
4.2.1 Динамика русского геопространства.....	134
4.2.2 Динамика национальных геопространств.....	138
4.2.3 Территориальные сдвиги в геоэтнокультурном пространстве региона.....	143
4.3 Сдвиги в территориальной структуре геоэтнокультурного пространства региона с 1989 года по начало 2020-х годов.....	147
4.3.1 Динамика русского геопространства.....	147
4.3.2 Динамика национальных геопространств.....	151
4.3.3 Территориальные сдвиги в геоэтнокультурном пространстве региона.....	158

4.3.4 Современная территориальная структура геоэтнокультурного пространства Центральной Азии.....	161
Заключение.....	167
Литература.....	169
Информационные источники.....	199
Приложения.....	200

Введение

Актуальность темы исследования. Центральная Азия является единственным крупным регионом постсоветского пространства, испытывавшим значительный демографический рост после распада Советского Союза. За это время, на фоне полуторакратного увеличения численности населения Центральной Азии, произошел двукратный рост численности титульных народов республик региона. Следствием такой этнодемографической динамики стала радикальная перестройка этнической структуры населения Центральной Азии. Так, в течение постсоветского периода доля титульных народов республик в населении региона выросла с двух третей до девяти десятых, а русских – уменьшилась с пятой до двадцатой части населения.

Объектом диссертационного исследования является геоэтнокультурное пространство Центральной Азии, рассматриваемое как совокупность важнейших слоев геокультурного пространства региона (этнического, лингвистического и конфессионального).

В качестве **территориального объекта** исследования выступает крупный регион постсоветского пространства в составе пяти стран (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан и Туркменистан), в советское время обозначаемый как «Казахстан и Средняя Азия», а ныне часто называемый «Центральной Азией». В Российской империи территория региона рассматривалась как Средне-Азиатские владения, состоящие из двух частей: Киргизского края и Туркестана. Несмотря на дискуссионность географической привязки концепта «Центральная Азия», в исследовании применяется современное название региона как более короткое и относительно устоявшееся, причем вне зависимости от исследуемого временного интервала. В качестве его синонима используется название «Центральноазиатской регион».

Предмет исследования – компонентная и территориальная структура геоэтнокультурного пространства Центральной Азии.

Целью исследования является выявление особенностей динамики территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральной Азии с конца XIX в. по настоящее время.

Достижение обозначенной цели потребовало решение следующих **задач**:

– разработать методику выделения элементов территориальной структуры геопространств титульных народов республик (национальных геопространств) и геоэтнокультурного пространства региона как совокупности национальных геопространств;

– выявить основные тенденции в изменении компонентной структуры геоэтнокультурного пространства региона в разные временные интервалы с конца XIX в. по начало 2020-х гг., учитывая различия в динамике этнической структуры городского и сельского населения;

– дать оценку влияния национально-территориального размежевания 1920–1930-х гг. в Центральной Азии на изменение территориальной структуры геоэтнокультурного пространства региона;

– определить основные черты динамики территориальной структуры геоэтнокультурного пространства региона с 1939 г. по начало 2020-х гг. с разбивкой на три периода (1939–1959 гг., 1959–1989 гг., 1989–2020/2022 гг.);

– апробировать методику выделения элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральной Азии по этнической статистике на начало 2020-х гг. на уровне муниципальных образований.

Теоретическая и методологическая база исследования. В качестве теоретической основы исследования выступают концепции и иные разработки отечественной культурной и конфессиональной географии: концепция геоэтнокультурных систем (А.Г. Дружинин и С.Я. Суций), концепция геокультурного пространства (В.Н. Стрелецкий, А.Г. Дружинин, В.Н. Калущков, А.Г. Манаков, Р.Ф. Туровский и др.), концепция этноконтактных зон (Н.К. Теренина, Т.И. Герасименко, А.В. Лысенко, И.А. Иванов, А.С. Архипова и др.), концепция конфессионального геопространства (С.А. Горохов, И.А. Захаров), другие научные разработки в рамках конфессиональной

географии (О.А. Балабейкина, В.Л. Мартынов, С.И. Андриянова, С.Г. Сафронов, В.С. Дементьев, Р.Н. Кроток и др.) и этнической географии (Б.М. Эккель, А.Ю. Орлов, С.Г. Сафронов, С.Я. Суций, В.Н. Стрелецкий, З.А. Трифонова, А.Н. Буфетова, Е.А. Коломак, А.В. Шустов и др.). Также использовались работы зарубежных авторов, связанные с оценкой этнокультурной (этнической, этнолингвистической и т.п.) неоднородности территорий (J.H. Greenberg, A. Alesina, D.N. Posner, E. Papyrakis, J. Fearon, S.A. Churchill, Á. Németh и др.).

Информационную базу исследования составили итоги Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Всесоюзных переписей населения с 1926 по 1989 гг., а также проведенных в начале 2020-х гг. переписей и учетов населения государств Центральной Азии (в Таджикистане – в 2020 г., в Казахстане и Узбекистане – в 2021 г., в Киргизии и Туркменистане – в 2022 г.) и Российской Федерации (2021 г.).

Научная новизна работы состоит в следующем:

– предложена методика выделения элементов территориальной структуры отдельных этнических геопространств, а также всего геоэтнокультурного пространства региона, образуемого совокупностью этнических геопространств;

– выявлены особенности динамики территориальной структуры геопространств титульных этносов республик Центральной Азии и всего геоэтнокультурного пространства региона с конца XIX в. по 2020-е гг.;

– определены различия в динамике этнической структуры городского и сельского населения Центральноазиатского региона на протяжении XX в. и начала XXI в.;

– дана оценка степени однородности геоэтнокультурного пространства Центральной Азии на метаэтническом уровне по ряду временных срезов;

– осуществлена типология муниципальных образований государств Центральной Азии в соответствии с их принадлежностью к определенным элементам территориальной структуры геоэтнокультурного пространства и мусульманского геопространства на начало 2020-х гг.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в развитии научно-исследовательского аппарата отечественной культурной географии, в первую очередь, в рамках концепций геоэтнокультурных систем и геокультурного пространства.

Практическая значимость исследования. Полученные материалы внедрены в учебный процесс в Псковском государственном университете в рамках курса «География населения с основами демографии и этнографии», а также могут быть использованы в преподавании дисциплин по этнической географии и географии религий в других высших учебных заведениях страны. Разработанный в ходе работы научно-исследовательский инструментарий может быть применен при изучении динамики территориальной структуры этнокультурного пространства различных стран и регионов.

Степень достоверности, апробация результатов исследования и публикации. Степень достоверности полученных выводов обосновывается переработкой большого объема первичных, в т.ч. статистических данных с построением графиков, диаграмм и картосхем. Результаты проведенного исследования прошли апробацию на двух международных картографических форумах (Псков, 2024, 2025), трех международных научно-практических конференциях (Санкт-Петербург, 2024, 2025; Калининград, 2025), двух всероссийских научно-практических конференциях с международным участием (Санкт-Петербург, 2024; Петрозаводск, 2024), двух политико-географических чтениях имени О.В. Витковского (Москва, 2024, 2025). По теме диссертационного исследования опубликовано 12 работ общим объемом 10,1 п.л. (с личным вкладом 8,4 п.л.), включая 6 статей в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложений. Объем диссертации составляет 222 страницы, в т.ч. 167 страниц текста, 74 рисунка в тексте и 24 рисунка в приложении. Список литературы охватывает 264 источника, в т.ч. 30 – на иностранных языках. Статистические источники включают 6 наименований.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Разработанная в ходе исследования методика выделения элементов территориальной структуры этнических геопространств опирается на центр-периферийную модель, благодаря чему можно более детально исследовать как этнические ядра, так и окраинные (периферийные) части геопространств отдельных этносов, и это отличает ее от методики, предложенной в рамках концепции геоэтнокультурных систем. Кроме того, при выделении элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства используются также наработки в рамках концепции геокультурного пространства.

2. Апробация предложенных в исследовании методик позволила выявить, что национально-территориальное размежевание в Центральноазиатском регионе, проведенное в 1920–1930-е гг., не только закрепило внешние границы этнических ядер народов, признанных титульными в созданных в этот период советских республиках, но и задало тренд на укрепление этих ядер в перспективе, т.к. в последующем преобладал рост концентрации данных народов в пределах определенных в ходе размежевания республиканских границ.

3. Анализ динамики геоэтнокультурного пространства Центральной Азии с конца XIX в. по настоящее время показал, что переход к росту этнической однородности региона в пользу титульных народов центральноазиатских республик обозначился задолго до распада СССР, а именно, сразу после переписи 1959 г., и далее данный процесс шел с ускорением, став наиболее ощутимым в постсоветский период. Причем первые признаки данного перехода проявились в сельской местности южной части Центральной Азии уже с конца 1930-х гг.

4. На протяжении большей части периода исследования специфику геоэтнокультурного пространства Центральной Азии определял существенный культурный контраст между городскими поселениями и сельской местностью. В дореволюционный период этот контраст проявлялся в различии хозяйственно-бытовой культуры горожан и жителей окружающих территорий (оседлого земледельческого и кочевого населения). После национально-территориального

размежевания и вплоть до распада СССР в городских поселениях региона преобладало нетитульное население. Русские на протяжении длительного периода составляли большинство в населении столиц республик и многих других городов Центральной Азии (особенно на севере региона). В позднесоветское время началась перестройка этнической структуры городского населения региона в пользу титульных народов республик, фактически полностью завершившаяся в постсоветский период.

Глава 1. Теоретические основы изучения геоэтнокультурного пространства

1.1 Геоэтнокультурное пространство как объект культурной географии

1.1.1 Взгляд на этнокультурное пространство в концепциях культурных ландшафтов и геоэтнокультурных систем

В числе наиболее ранних концепций отечественной культурной географии, где этнокультурное пространство выступает в качестве отдельного понятия, следует назвать концепции культурных ландшафтов и геоэтнокультурных систем. Понятие «культурный ландшафт» имеет не менее чем вековую историю в мировой науке. В.Н. Стрелецкий [186] называет в качестве основоположника учения о культурном ландшафте немецкого географа Отто Шлютера [262], который в 1920 г. предложил использовать термин «культурный ландшафт» (нем. Kulturlandschaft) для обозначения тех ландшафтов, которые были преобразованы деятельностью человека [186, с. 75]. Р.Ф. Туровский [219, с. 9] относит появление культурно-ландшафтного подхода в зарубежной науке к 1925 г., связывая его с именем американского географа Карла Зауэра [261]. Карл Зауэр считается также основоположником культурной географии как отдельного направления географии человека. Будучи выходцем из семьи немецких иммигрантов, он создал гораздо более системную концепцию культурного ландшафта на фоне тех, которые разрабатывались в странах Европы [186, с. 79].

Если же говорить об отечественной школе культурной географии, пережившей «второй расцвет» в самом конце советского периода и в постсоветское время, то в первую очередь нужно отметить формирование во второй половине 1980-х гг. нового подхода к пониманию культурного ландшафта [43; 48], обозначенного Д.А. Дириным как «информационно-аксиологического» [70]. В соответствии с данным подходом, культурный ландшафт представляет собой геосистему, «в формировании и развитии которой активную роль играют духовные и интеллектуальные ценности, хранимые и передаваемые из поколения в поколение в виде информации...» [70, с. 30]. В развитие данного подхода наиболее значимый вклад внесли сотрудники НИИ

Культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева в г. Москве — Ю.А. Веденин [43–45; 48], М.В. Кулешова [46; 47; 116], Р.Ф. Туровский [219] и др.

Так, Ю.А. Веденин предложил считать частью культурного ландшафта, вместе с его природной составляющей, «результаты деятельности человека, воплощенные в объектах материальной и духовной культуры» [43, с. 49]. Таким образом, им были выделены в культурном ландшафте два слоя — природный и культурный, при этом «культурный слой включает как пласты материальной культуры, которые создают внешний облик культурного ландшафта, так и пласты духовной культуры» [45, с. 6–7].

На информационно-аксиологический подход опирается Р.Ф. Туровский, который в монографии «Культурные ландшафты России», опубликованной в 1998 г. [219], рассматривает совокупность культурных пространств, создающих свои ландшафты. В число выделенных им одиннадцати культурных пространств включены и те, которые составляют соответствующее нашему пониманию этнокультурное пространство. Это, в первую очередь, этническое, конфессиональное и лингвистическое пространства, а во-вторых, такие частные виды культурных пространств, как политико-историческое, художественное, научное, философское и др. пространства [219, с. 37–43]. Хотя сам термин «этнокультурное пространство» не вводится в исследовании Р.Ф. Туровского, тем не менее, нужно отметить наличие тесной взаимосвязи между используемыми им понятиями «культурный ландшафт» и «культурное пространство».

Вместе с термином «культурный ландшафт» в отечественной науке используются понятия «этнокультурный ландшафт» и «конфессиональный (религиозный) ландшафт». Последнее встречается не только в исследованиях географов [56; 171; 220], следующих культурно-ландшафтной традиции в конфессиональной географии (географии религий), но и в работах историков [18; 63; 153 и др.], которые понимают под религиозным ландшафтом часть культурного ландшафта, воспринимая его как систему, включающую природные и культурные объекты, используемые в религиозных практиках [153, с. 89].

Также нужно отметить, что в исследовании культурных ландшафтов часто выделяют этнокультурный подход, в фокусе которого находится изучение этнокультурных ландшафтов, являющихся результатом пространственного выражения культуры различных этнических групп [70]. Этнокультурные ландшафты рассматриваются в качестве «природно-культурных территориальных комплексов, сформировавшихся в результате эволюционного взаимодействия природы и местного этнического сообщества людей» [70, с. 15]. В российской науке концепцию этнокультурного ландшафтоведения развивают В.Н. Калуцков [103] и Д.А. Дишин [71]. Данная концепция имеет некоторые параллели с другими концепциями отечественной культурной географии, в частности, с концепцией геоэтнокультурных систем.

Авторами концепции геоэтнокультурных систем (ГЭКС) являются С.Я. Суций и А.Г. Дружинин, изложившие основные положения своей концепции в монографии «Очерки географии русской культуры», опубликованной в 1994 г. [193]. Авторы монографии подчеркнули, что проведенное ими исследование «посвящено анализу не просто геокультурных, а геоэтнокультурных феноменов..., и целиком «вписывается» в предметную сферу особого направления география культуры — геоэтнокультурологии» [193, с. 16].

В монографии С.Я. Суцего и А.Г. Дружинина дается несколько определений ГЭКС, которые взаимодополняют друг друга. В частности, под геоэтнокультурной системой понимается «территориальная (географическая) целостность..., формируемая взаимодействием этнических общностей, антропогенезированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования» [193, с. 17–18]. Особо подчеркивается, что ГЭКС являются «относительно устойчивой пространственно-временной социоприродной реальностью, которая выступает в качестве географической результирующей этногенеза и культурогенеза» [193, с. 20].

Еще одно определение ГЭКС строится на связи данного понятия с геокультурными системами и культурно-территориальными общностями. Так,

ГЭКС рассматривается как «особая культурно-территориальная общность, формирующаяся в процессе соразвития территории и соответствующего ей этнически организованного (и, следовательно, своеобразного в культурном отношении) населения» [193, с. 21]. При этом авторы концепции выделяют три уровня геоэтнокультурных систем: суперэтнический, этнический и субэтнический [193, с. 21]. А.Г. Дружинин подчеркивает, что геоэтнокультурные системы являются инвариантом геокультурных систем, формирующихся в ходе коэволюции этносферы и культуросферы [73, с. 66].

В работах разных авторов, опирающихся на концепцию ГЭКС, в т.ч. и при изучении этнической географии Центральноазиатского региона по итогам разных переписей населения и в межпереписные интервалы [96; 125; 127; 129; 133; 135; 152], достаточно часто можно встретить термин «этнокультурное пространство» (реже — «этническое пространство»). Под последним понимается совокупность национальных ГЭКС в пределах региона исследования. Но в полной мере данное понятие стало использоваться благодаря развитию в отечественной культурной географии концепции геокультурного пространства.

1.1.2 Этнокультурная составляющая в компонентной структуре геокультурного пространства

С конца XX в. в отечественной культурной географии началась разработка еще одной концепции, где понятие этнокультурного пространства стало одним из ключевых. Это концепция геокультурного пространства [73; 130; 131; 185 и др.]. Д.А. Дирин [69] считает, что представление о геокультурном пространстве является основополагающим концептом отечественной культурной географии [69, с. 146]. Определение геокультурного пространства давалось многими отечественными специалистами по культурной и гуманитарной географии, такими, как В.Л. Каганский [101], А.Г. Дружинин [73], А.Г. Манаков [123; 131], В.Н. Стрелецкий [185], В.Н. Калуцков [102], О.А. Лавренова [118], Д.Н. Замятин

[81], И.И. Митин [154] и др. Выделим из них те, которые были даны сторонниками традиционной, не феноменологической культурной географии.

Так, А.Г. Дружинин в работе 1999 г. [73] рассматривает геокультурное пространство как «инвариант географического пространства в целом, являющим собой совокупность пространственных отношений между различными геокультурными феноменами, развивающимися на конкретной территории» [73, с. 78]. В.Н. Стрелецкий в статье 2005 г. [185] отмечал, что геокультурное пространство выступает в качестве рамки, сферы, продукта и контекста человеческой деятельности.

Как считает Д.А. Дириин [69], наиболее емкое определение геокультурного пространства было дано А.Г. Манаковым в монографии, опубликованной в 2002 г. [123], где он обозначил геокультурное пространство как «структурный компонент географического пространства, сферу и продукт человеческой деятельности, представляющий собой совокупность взаимодействующих геокультурных систем, состоящих из геокультурных общностей людей разного порядка и элементов антропогенного (искусственного) происхождения» [123, с. 26–27]. При этом самое простое определение геокультурного пространства дал В.Н. Калуцков, понимающий под последним продукт взаимодействия культурного и географического пространств [102, с. 24].

А.Г. Манаков отмечает, что «одной из наиболее важных характеристик геокультурного пространства является его многослойность, вследствие чего геокультурное пространство обладает сложной компонентной структурой» [123, с. 31]. В частности, он выделяет такие слои геокультурного пространства, как этноконфессиональный, лингвистический, топонимический, социально-культурный, политико-культурный, эколого-культурный, хозяйственно-культурный и др. При этом, «каждый из слоев геокультурного пространства может рассматриваться по отдельности или же в увязке с другими слоями в разных сочетаниях» [123, с. 31]. Иногда эти слои рассматриваются как специфические геокультурные пространства. Так, В.Н. Калуцков выделяет отдельные геокультурные пространства, которые «связаны с распространением

на поверхности Земли конкретных явлений культуры, например, народов (этнокультурное пространство), языков (языковое пространство), конфессий (конфессиональное пространство) и т. д.» [102, с. 24].

Если в концепциях культурных ландшафтов и геоэтнокультурных систем природной составляющей отводится заметная роль даже в определении ключевых понятий, то в концепции геокультурного пространства природный ландшафт рассматривается «только как основа для формирования геокультурных систем, в результате чего экологический аспект исследований передает первенство хронологическому подходу» [123, с. 30]. Хотя геокультурное пространство, как и культурный ландшафт, представляет собой «результат исторических напластований, но изучение пласта современной культуры становится приоритетным. Другими словами, изучать историю формирования геокультурного пространства необходимо с позиций понимания его современной территориальной структуры» [123, с. 30].

В своих последующих работах А.Г. Манаков [124; 137; 234] предложил использовать понятие «этнокультурное пространство» для обозначения совокупности трех важнейших слоев геокультурного пространства: этнического, конфессионального и лингвистического [234, с. 12]. В качестве других слоев этнокультурного пространства им рассматриваются этнографический и топонимический слои [137, с. 13]. При этом он подчеркивает, что существуют значительные различия в выделении элементов территориальной структуры каждого из слоев этнокультурного пространства. Данные различия будут рассмотрены в следующих разделах работы. В качестве основного из слоев этнокультурного пространства выступает этнический слой. И именно на выделении и анализе динамики его компонентной и территориальной структуры будет сконцентрировано внимание в данном исследовании.

Важно отметить, что этнокультурное пространство обладает теми же основными характеристиками, что и геокультурное пространство. Так, этнокультурное пространство имеет сложную компонентную (многослойность) и морфологическую структуру. А.Г. Манаков [137] отмечает несколько

характеристик морфологической структуры этнокультурного пространства, из них наиболее важными с позиции исследования его территориальной структуры являются: 1) иерархичность; 2) мозаичность; 3) концентричность; 4) зональность; 5) секторность [137, с. 13].

Причем сложной компонентной и морфологической структурой обладает также каждый из слоев этнокультурного пространства, поэтому их изучение является отдельной научной задачей. В большей мере с этническим слоем этнокультурного пространства связан лингвистический слой, т. к. язык является одним из важнейших этнодифференцирующих признаков. Так, например, авторы концепции геоэтнокультурных систем отмечают, что «пространственная взаимозависимость между этнической культурой и соответствующим языком зачастую весьма сложная, требующая неоднозначных подходов, тем не менее, объективно существует, позволяя опираться на лингвогеографические подходы в исследовании геоэтнокультурных реалий» [193, с. 23].

Родной язык часто, но не всегда, является основанием для индивидуальной этнической самоидентификации. Тем не менее, этническая культура в большей мере связана именно с этнической самоидентификацией, поэтому в нашем исследовании лингвистический слой этнокультурного пространства рассматривается отдельно только в особых случаях, например, в соответствии с итогами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., когда фиксировалось распределение населения именно по языку, а не по этнической принадлежности.

Иное дело — конфессиональный слой этнокультурного пространства. С одной стороны, религиозная (конфессиональная) принадлежность населения определяет важнейшие черты его культуры, т.е. его культурную специфику в целом, причем даже в большей степени, чем этническая принадлежность. С другой стороны, существует тесная взаимосвязь между этническим и конфессиональным слоями этнокультурного пространства, которая нашла отражение в методике, позволяющей определить «потенциальную» конфессиональную структуру населения «исходя из традиционной религиозной

принадлежности этносов, проживающих на конкретной территории» [180, с. 452], что особенно актуально в условиях отсутствия статистики по вероисповеданию населения в пределах Центральноазиатского региона на протяжении всего советского периода, и в большинстве стран региона исследования в постсоветский период. Также необходимо отметить, что в конфессиональной географии (географии религий) были разработаны самостоятельные концепции, а также собственные методы изучения конфессионального пространства, которые требуют отдельного рассмотрения.

1.1.3 Геопространственный подход в конфессиональной географии

В связи с тем, что конфессиональный слой геокультурного пространства является одним из трех основных слоев, которые в сумме образуют этнокультурное пространство, следует рассмотреть использование геопространственного подхода в конфессиональной географии (географии религий). В наиболее ранних работах по конфессиональной географии вместо термина «конфессиональное пространство» использовалось понятие «конфессиональный (религиозный) ландшафт», т.к. данные исследования были выполнены в рамках господствующей в то время в отечественной культурной географии концепции культурных ландшафтов. Однако с начала XXI в., по мере развития концепции геокультурного пространства, стали преобладать исследования, оперирующие понятием «конфессиональное пространство» [6; 14; 15; 56; 223; 22–31 и др.].

Кроме того, в рамках отечественной конфессиональной географии во втором десятилетии XXI в. С.А. Гороховым, защитившим в 2017 г. докторскую диссертацию [58], была разработана концепция конфессионального геопространства. Под конфессиональным геопространством автор данной концепции понимает «систему развивающихся во времени и опосредованных территорией разнонаправленных отношений, во-первых, между социальными общностями, образованными совокупностями религиозно идентифицирующих

себя... индивидуумов, и, во-вторых, между этими же общностями и создаваемыми в результате их деятельности культовыми и внекультовыми объектами» [57, с. 37].

Именно конфессиональное геопространство С.А. Горохов рассматривает как объект исследования географии религий [59], и вместе с тем определяет место географии религий на стыке культурной и социальной географии. Но при этом он обращает внимание на то, что само понимание конфессионального геопространства имеет в большей мере социогеографический характер, оставляя в стороне социально-ландшафтные связи [57, с. 38].

В компонентной структуре конфессионального геопространства С.А. Горохов выделяет «геопространства отдельных религий (на макроуровне), религиозных направлений и течений (на мезоуровне), религиозных деноминаций и общин (на микроуровне)» [57, с. 40]. Территориальную структуру конфессионального геопространства автор строит по политико-административному принципу, выделяя конфессиональное пространство макрорегионов (групп стран), стран и субрегионов, а также территориальных единиц стран. Так, для каждой административно-территориальной единицы определяется тип конфессиональной структуры населения, например, доминирование одной религии, или преобладание одной религии со значительным удельным весом других религий, или же паритет двух и более религий. Именно такая методика применяется в кандидатской диссертации и других работах И.А. Захарова, выполненных в рамках концепции конфессионального геопространства [82–84].

Тем не менее, С.А. Горохов для выделения элементов территориальной структуры глобального конфессионального геопространства использует также центр-периферийную модель. Так, например, данная модель применяется им для классификации стран мира по прохождению пятой секулярной волны. В данном случае к внутреннему ядру отнесены такие страны, как Швеция, Нидерланды, Франция, Уругвай, к внешнему ядру — США, Канада, Аргентина, Австралия, Новая Зеландия, ряд европейских стран, к полупериферии — Мексика, Бразилия,

ЮАР, Польша, Норвегия и ряд др. стран, к периферии — Россия, некоторые страны Восточной Европы, все государства Азии и большинство стран Африки [57, рис. 40]. Однако центр-периферийная модель не используется автором для выделения конфессиональных ядер и периферии в пределах стран.

Первый опыт выделения элементов конфессионального пространства в пределах государств был предпринят С.Г. Сафроновым в работах [180; 182]. Так, автор, воспользовавшись геологической терминологией, для обозначения сфер влияния мировых религий предложил использовать понятие «конфессиональная плита». При этом он выделяет в пределах каждой плиты «ядра» — «территории, население которых преимущественно (более 50 %) исповедует ту или иную религию» [180, с. 453]. Границы между конфессиональными плитами «не всегда четкие и скорее представляют собой переходные контактные зоны» [182, с. 90]. Контактные зоны — «территории, где сталкиваются интересы двух или более мировых религий» [180, с. 453]. С.Г. Сафронов [180; 182] отмечает наличие на территории России трех конфессиональных плит: православной, мусульманской и буддийской. Мусульманская плита представлена в России двумя крупными ареалами-эксклавами (Поволжско-Уральский и Кавказский), а буддийская плита заходит в пределы страны тремя эксклавами (Бурятия, Тува и Калмыкия).

Терминология, предложенная С.Г. Сафроновым при выделении элементов территориальной структуры конфессионального пространства, некоторое время поддерживалась другими авторами — А.Г. Манаковым [134; 137], В.С. Дементьевым [65], О.А. Балабейкиной и А.Л. Дмитриевым [26, с. 49]. При этом А.Г. Манаков стал обозначать в пределах конфессиональных плит элементы территориальной структуры с опорой на центр-периферийную концепцию. Так, в пределах православного пространства России он предложил выделять православное мегаядро, включающее собственно «православное ядро (если доля населения, исповедующего православную религию превышает 90 % от числа указавших свою конфессиональную принадлежность) и окраину православного мегаядра (от 75 до 90 % православных), а также православную периферию, включающую внутреннюю периферию (полупериферию) и

внешнюю периферию, для разделения которых используется отметка в 50 % православного населения» [134, с. 15].

Но в отношении «малых» ядер конфессиональных плит, лишь частично заходящих в пределы России, автор предложил применять более низкие количественные критерии. Так, «для выделения «малых» ядер мусульманской плиты используется количественный критерий, соответствующий 20 % исповедующих ислам (от числа лиц, обозначивших свою конфессиональную принадлежность), а ядер буддийской плиты — 10 % исповедующих буддизм» [134, с. 15]. Также А.Г. Манаковым в соавторстве с П.Э. Суворковым [144] и В.С. Дементьевым [140] было предложено выделять, по аналогии с этноконтрактными зонами, два класса контрактных зон между конфессиональными плитами: неярко выраженные и ярко выраженные (критерии их разделения будут рассмотрены ниже). Разработанная А.Г. Манаковым методика выделения религиозных ядер и конфессиональных контрактных зон стала использоваться другими авторами при изучении конфессионального пространства России [67] и всего постсоветского пространства.

В работах Р.Н. Кроток [111–114] обозначился полный переход к структуризации конфессионального пространства в соответствии с концепциями геокультурного пространства и этноконтрактных зон. В качестве ключевых элементов территориальной структуры конфессионального пространства стали рассматриваться не «конфессиональные плиты, соответствующие основным территориям распространения мировых религий, а конфессиональные ядра (моноконфессиональные ареалы или территории с наиболее высокой долей приверженцев определенных религий), а также внутренние и внешние конфессиональные контрактные зоны» [112, с. 721], под которыми понимаются как зоны соприкосновения основных ареалов распространения религий, так и вообще территории смешанного конфессионального состава населения вне религиозных ядер. Это связано с тем, что «конфессиональные контрактные зоны могут проявляться в разных частях конфессионального пространства, а не только в зонах стыка мировых религий» [112, с. 721].

1.2 Элементы территориальной структуры геэтнокультурного пространства

1.2.1 Опыт выделения элементов территориальной структуры геэтнокультурных систем

В рассмотренной выше концепции геэтнокультурных систем ее авторами была предложена следующая модель территориальной структуры ГЭКС: 1 — ядро; 2 — периферия; 3 — контактная зона; 4 — поле. Разработчики концепции отмечают, что в качестве ядра ГЭКС «может рассматриваться и традиционная историческая территория формирования этноса, воспринимаемая сознанием этнической общности как ее культурно-географические «корни», и, одновременно, современные центры и ареалы зарождения и распространения инноваций, эпицентра культурного саморазвития» [193, с. 24]. При этом определение различных элементов территориальной структуры ГЭКС является «корректным только относительно конкретной геэтнокультурной системы..., территория, выступающая в одном случае как контактная зона, в иной ситуации предстает ядром и т.п.» [193, с. 24].

Полная схема территориальной структуры ГЭКС (на примере Великоорусской ГЭКС), предложенная авторами данной концепции, включает такие элементы, как «ядро, регионы (полупериферия и периферия, «переходные» зоны между регионами, а также территории, выступающие одновременно как «переходные» и внутренние ЭКЗ), этноконтактные зоны, социокультурное поле, геокультурное поле и геополитическое поле» [193, с. 98–101]. Наибольшим разнообразием характеризуется такой элемент, как «этноконтактные зоны, типология которых включает: 1) «внутренние» ЭКЗ, когда отсутствуют другие ГЭКС, но более 20 % составляет доля иноэтнического населения; 2) с определяющей доминантой великорусской компоненты; 3) с доминантой великорусской компоненты, когда национальные ГЭКС достаточно компактны и неразвиты; 4) с доминантой великорусской компоненты, когда национальные ГЭКС развиты и сходны по конфессии; 5) с равновесием великорусской и

местной составляющих; 6) с преобладанием местной компоненты; 7) с определяющей доминантой местной компоненты» [193, с. 100].

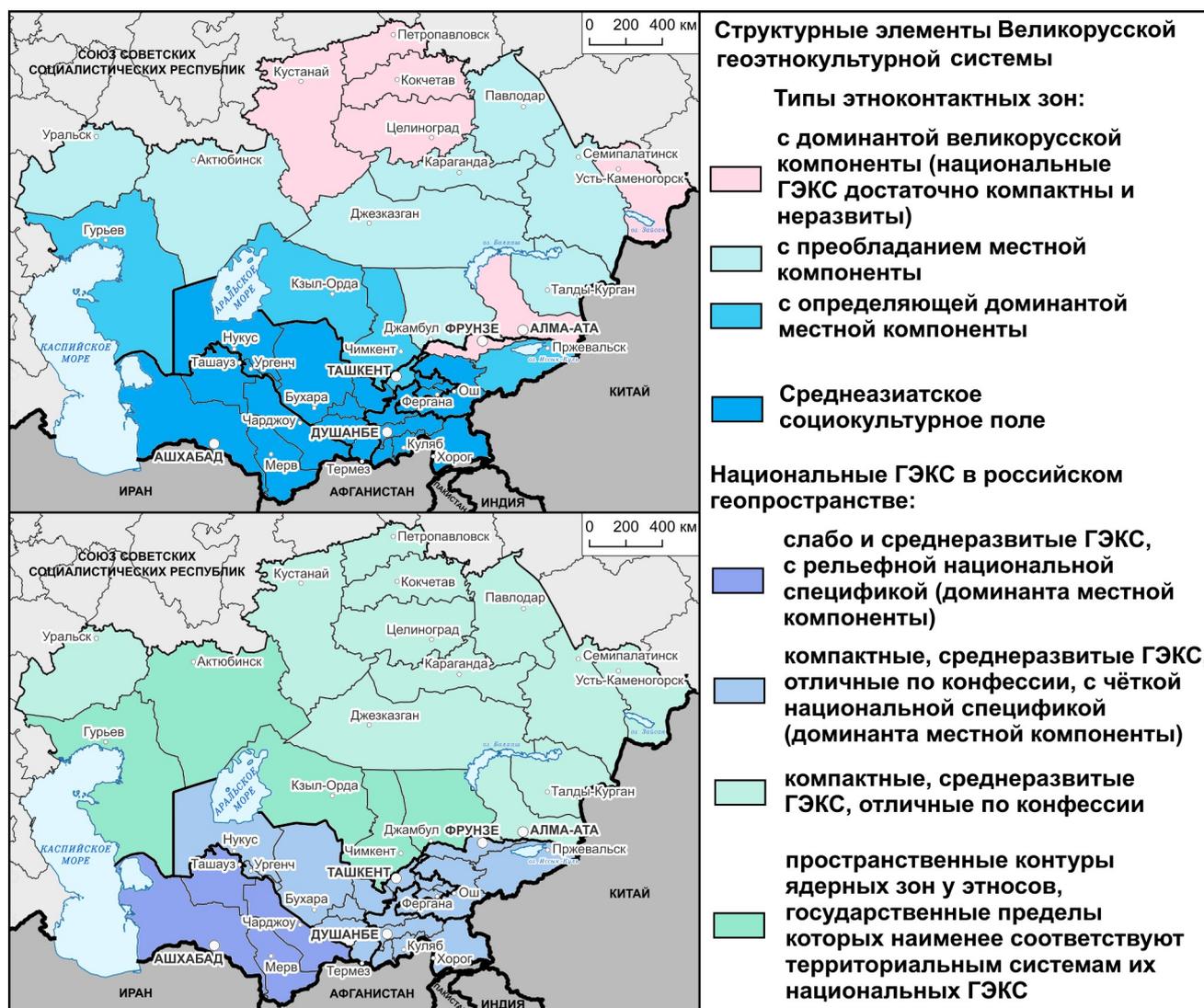

Рисунок 1 — Структурные элементы Великорусской ГЭКС и национальные ГЭКС в российском геопространстве в Центральной Азии на момент распада СССР (составлено автором по источнику [193, с. 98–100])

В территориальной структуре Великорусской ГЭКС в пределах Центральноазиатского региона на момент распада СССР авторами концепции были выделены следующие элементы [193, с. 98]: 1) ЭКЗ третьего типа (север и юго-восток Казахстана); 2) ЭКЗ шестого типа (средняя часть Казахстана); 3) ЭКЗ седьмого типа (южная часть Казахстана, восток Киргизии); 4) среднеазиатское социокультурное поле (Туркмения, Узбекистан и Таджикистан, запад Киргизии).

Также разработчиками концепции предложена схема территориальной структуры национальных ГЭКС (в т.ч. в пределах Центральноазиатского региона), рассмотренных в сфере влияния Великорусской ГЭКС, которая включает ядра, этноконттактные зоны, социокультурные поля национальных ГЭКС в великорусском геопространстве. Применительно к Казахской ГЭКС выделены «пространственные контуры ядерных зон у этносов, государственные пределы которых наименее соответствуют территориальным системам их национальных ГЭКС» [193, с. 99–100]. Причина последнего связана с тем, что на значительной части территории Казахстана титульный этнос к моменту распада СССР (согласно переписи населения 1989 г.) был в меньшинстве.

Очень сложной является типология национальных ГЭКС, рассмотренных в сфере влияния Великорусской ГЭКС. Так, С.Я. Суций и А.Г. Дружинин выделяют следующие «типы геоэтнокультурных систем: 1) слабо развитые национальные ГЭКС, «несобранные» в пространстве, с определяющей доминантой великорусской компоненты; 2) неразвитые ГЭКС, но более компактные, с доминантой великорусской компоненты; 3) слабо и среднеразвитые ГЭКС, с рельефной национальной спецификой (доминантой местной компоненты); 4) компактные, среднеразвитые ГЭКС, сходные по конфессии, с доминантой великорусской компоненты; 5) компактные, среднеразвитые ГЭКС, отличные по конфессии; 6) компактные, среднеразвитые ГЭКС отличные по конфессии, с четкой национальной спецификой (доминантой местной компоненты); 7) высокоразвитые ГЭКС, с рельефной национальной спецификой (доминантой местной компоненты)» [193, с. 100].

В пределах Центральной Азии на момент распада СССР были представлены: 1) третий тип национальных ГЭКС (в Туркмении); 2) пятый тип национальных ГЭКС (в Казахстане, с выделением обозначенных выше «пространственных контуров ядерных зон» в южной части республики); 3) шестой тип национальных ГЭКС (в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане) (см. рис. 1) [193, с. 99].

Также авторы концепции ГЭКС выделяют отдельно социокультурные центры национальных ГЭКС (со своими полуперифериями и перифериями) в том случае, если столицы республик с ближайшим окружением не вписываются в этнокультурные ядра национальных ГЭКС и сами представляют собой этноконттактные зоны (обычно внутренние). В итоге «картина синтетического геокультурного районирования получается весьма сложной» [193, с. 106]. Связано это с тем, что при выделении этнокультурных ядер национальных ГЭКС в качестве важнейшего критерия используется доля титульного населения, или же соотношение титульного и нетитульного (особенно русского) населения. В столицах и пристоличных регионах союзных республик в то время часто преобладало или составляло значительный процент нетитульное население, поэтому они и выпадали из этнокультурных ядер, если следовать обозначенному критерию. Однако в них была высока концентрация коренных народов относительно всего титульного населения республик, что не учитывалось предложенной авторами концепции методикой выделения этнокультурных ядер национальных ГЭКС. Поэтому они и ввели отдельно понятие «социокультурный центр ГЭКС», чтобы компенсировать данный недостаток методики.

1.2.2 Центр-периферийная структура национальных геопространств Центральноазиатского региона

Под национальными геопространствами в регионе исследования понимаются этнические пространства пяти титульных народов современных государств Центральной Азии (казахов, киргизов, узбеков, туркмен и таджиков), а также геопространство каракалпаков, ныне обладающих статусом титульного народа республики в составе Узбекистана. Также отдельно рассматривается русское геопространство, точнее, та его часть, которая представлена в Центральноазиатском регионе.

Благодаря специалистам по этнической и культурной географии России В.Н. Стрелецкому [187; 188] и С.Г. Сафронову [181] в территориальной

структуре этнического пространства страны принято выделять три ключевых элемента: 1) «русское мегаядро»; 2) национальные (или «иноэтнические») регионы; 3) переходные контактные зоны (или этноконтактные зоны). Схожий подход к выделению элементов территориальной структуры ГЭКС используют авторы соответствующей концепции, которые еще в большей степени опираются на модель «центр — периферия» (или «ядро — периферия»). Однако в полной мере данная модель реализуется только при определении структурных элементов Великорусской ГЭКС, в то время как национальные ГЭКС (в т.ч. в Центральноазиатском регионе) рассматриваются скорее с позиции их взаимодействия с Великорусской ГЭКС.

Развивая идеи авторов концепции ГЭКС, А.Г. Манаков [132; 133] предложил выделять в территориальной структуре Русской ГЭКС, в соответствии с удельным весом русских в населении административно-территориальных единиц, следующие элементы: 1) этническое ядро (с долей русских свыше 90 %); 2) контактная зона мегаядра (с долей русского населения от 75 до 90 %); 3) внутренняя периферия (при доле русских от 50 до 75 %); 4) внешняя периферия (с долей русских от 25 до 50 %); 5) сильное социокультурное поле (при доле русских от 10 до 25 %); 6) слабое социокультурное поле (если русских менее 10 %) и минимальное социокультурное поле (при доле русских менее 5 %).

Аналогичные названия элементов территориальной структуры ГЭКС, а также критерии их выделения, были использованы в работах Д.Ж. Искалиева и Т.И. Герасименко [96; 97] для анализа территориальной структуры Казахской ГЭКС. Авторами была составлена карта, где на уровне муниципальных образований Казахстана представлена территориальная структура Казахской геоттнокультурной системы по итогам переписей населения 2004 и 2021 гг. [96, с. 179, 180; 97, с. 338].

В своей кандидатской диссертации Д.Ж. Искалиев [96] обозначенные выше названия элементов территориальной структуры ГЭКС сопровождает дополнительными комментариями, а также выделяет их подтипы. Так,

«мегаядро Казахской ГЭКС делится на однородную часть этнического ядра (собственно этническое ядро) и внутреннюю слабо выраженную этноконтактную зону (контактную зону мегаядра). Внутренняя периферия Казахской ГЭКС (с долей титульного населения от 50 до 75 %) сопряжена с внешними ярко выраженными ЭКЗ. Внешняя периферия Казахской ГЭКС (с удельным весом титульного этноса от 25 до 50 %), соответствующая внешним наиболее ярко выраженным ЭКЗ, подразделяется на два подтипа в зависимости от доминирования казахской или неказахской культуры» [96, с. 73]. Социокультурное поле Казахской ГЭКС также делится на два подтипа в зависимости от доли казахов: 1) с сильным влиянием Казахской ГЭКС при 10–25 % титульного населения; 2) со слабым влиянием Казахской ГЭКС при доле титульного этноса менее 10 %. Вместе с тем, Д.Ж. Искалиев [96], в соответствии с предложениями, высказанными в монографии С.Я. Суцего и А.Г. Дружинина [193], отдельно выделяет социокультурные центры ГЭКС, в качестве которых рассматривает столицу Казахстана с прилегающими территориями, крупные города и административные центры областей.

Однако нужно отметить, что применительно к Центральноазиатскому региону А.Г. Манаков [133] предложил строить определение элементов территориальной структуры национальных ГЭКС на основе других количественных критериев. В первую очередь, он разделил «этнические ядра национальных ГЭКС по степени выраженности на три уровня: 1) ярко выраженные (с долей титульных народов свыше 75 %); 2) средне выраженные (с удельным весом титульных этносов от 50 до 75 %); 3) слабо выраженные (при доле титульного населения менее 50 %)» [133, с. 53]. Во-вторых, для развитых национальных ГЭКС предполагается наличие внутренней и внешней периферии (граница между ними соответствует 25 % титульного населения), а также этнокультурного поля (если доля титульных народов составляет менее 10 %). Для слабо развитых национальных ГЭКС предложено выделение этнического ядра уже при 25 % титульного населения, а периферийного пояса — при доле титульного этноса в интервале от 10 до 25 % [133].

Именно такой подход к выделению элементов территориальной структуры национальных ГЭКС был использован А.Г. Манаковым для анализа трансформация этнокультурного пространства Центральноазиатского региона после национально-государственного размежевания, осуществленного в 1924 г. (по итогам переписи населения 1926 г.) [125], и в периоды между переписями населения 1939 и 1959 гг. [129], 1959 и 1970 гг. [133], 1970 и 1989 гг. [152].

При этом в работах А.Г. Манакова, где проводится исследование территориальной структуры этнокультурного пространства Средней Азии в конце XIX в. (по итогам переписи населения Российской империи 1897 г.) [129], а также проанализирована трансформация этнокультурного пространства Казахстана и Средней Азии в позднесоветский период (между переписями населения 1970 и 1989 гг.) [152], представлена сводная таблица с элементами территориальной структуры этнокультурного пространства в пределах всего Советского Союза, где определены количественные критерии выделения (удельный вес русского населения и титульных народов республик) как самих ядер национальных ГЭКС (ярко, средне и слабо выраженных), этнического ядра и контактной зоны мегаядра Русской ГЭКС, так и периферии и этнокультурного поля (для национальных ГЭКС), и внутренней и внешней периферии, а также социокультурного поля Русской ГЭКС. Схожая сводная таблица применительно ко всему постсоветскому пространству присутствует и в других работах автора [124; 135], в одной из которых [135] проанализирована трансформация этнического пространства в странах Центральной Азии в постсоветский период.

В данном исследовании в качестве элементов территориальной структуры национальных геопространств, а также русского геопространства в Центральноазиатском регионе предлагается рассматривать (рис. 2): 1) внутреннее этническое ядро; 2) срединный пояс ядра; 3) внешний пояс ядра; 4) ближняя периферия; 5) дальняя периферия; 6) крайняя периферия и 7) этнокультурное поле. Таким образом, предложенное в рамках концепции ГЭКС разделение этнического ядра по степени выраженности на ярко, средне и слабо выраженное [133], заменено на более привычное в науках о Земле

выделение внутреннего ядра, а также двух ядерных поясов (срединного и внешнего), по сути составляющих внешнее ядро. Вместе с тем, к двум широко используемым в социально-экономической географии элементам периферии (ближней, или полупериферии, и дальней), добавлен третий элемент — крайняя периферия (такое понятие применяется, например, в лингвистике).

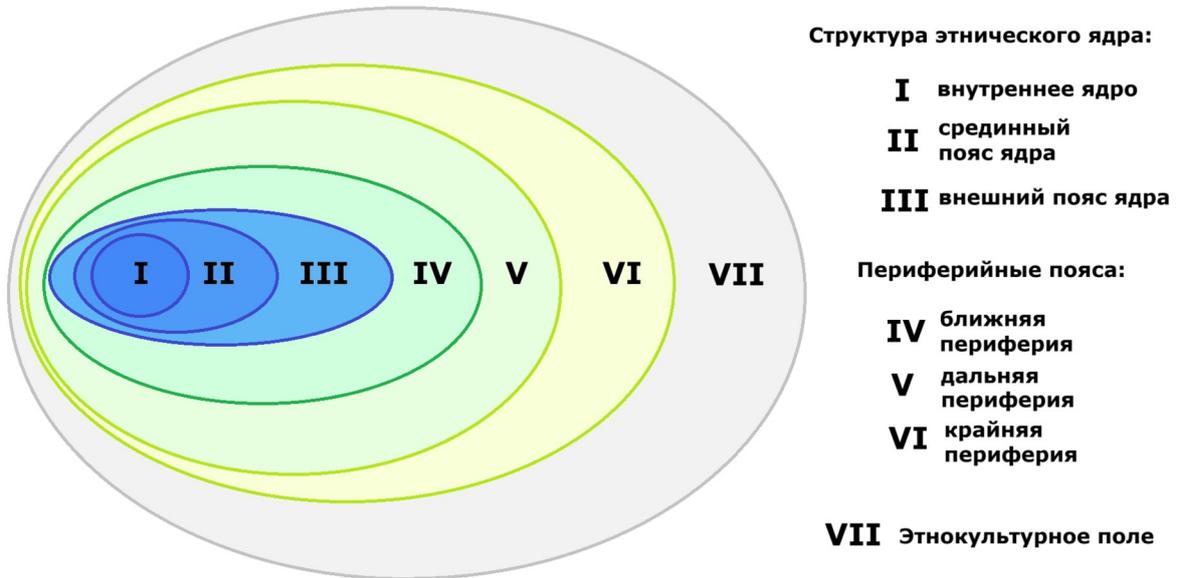

Рисунок 2 — Элементы территориальной структуры этнических геопространств (составлено автором)

В отличие от концепции геоэтнокультурных систем, где в территориальной структуре ГЭКС выделяются как периферийные пояса, так и этноконтактные зоны [193, с. 24], в территориальной структуре национальных геопространств рассматриваются только три периферийных пояса, но без ЭКЗ, что позволяет сконцентрировать внимание на выделении окраинных элементов геопространств титульных этносов Центральноазиатского региона вне зависимости от контакта с иными этническими системами. На наш взгляд, выделение в качестве основных элементов территориальной структуры этнических геопространств отдельно периферии и контактных зон является не логичным, т.к. периферии национальных геопространств сами по себе представляют ЭКЗ, хотя и разной степени выраженности. На это было обращено внимание и в работах, выполненных в рамках концепции ГЭКС, где

предлагалась привязка элементов ГЭКС, выделенных в соответствии с центр-периферийной моделью, к ЭКЗ разной степени выраженности [96, с. 73; 132]. При этом в практике картографирования национальных ГЭКС (например, Казахской ГЭКС) приоритет отдавался выделению периферийных поясов, но к этому прилагались дополнительные комментарии, дающие представление о характере контактной зоны (в случае Казахской ГЭКС обозначалась доминанта казахской или неказахской культуры) [96, с. 179–180].

Если в концепции ГЭКС все этническое пространство постсоветских стран рассматривалось сквозь призму взаимодействия Великорусской (или Русской) ГЭКС с национальными ГЭКС, то в нашем исследовании изучена как территориальная структура геопространств отдельных этносов, так и в целом геоэтнокультурное пространство Центральноазиатского региона, включающее совокупность взаимодействующих между собой национальных геопространств. Во втором случае больше внимания уделяется зонам контакта между национальными геопространствами региона, причем между всеми, а не только с русским геопространством. По этой причине нужно предварительно определить место этноконтактных зон в территориальной структуре геоэтнокультурного пространства Центральноазиатского региона.

1.2.3 Этноконтактные зоны в территориальной структуре геоэтнокультурного пространства

Понятие «этноконтактная зона» стало использоваться в отечественной науке еще до разработки концепций геоэтнокультурных систем и геокультурного пространства. Так, изучению этноконтактных зон в пределах европейской части СССР был посвящен сборник научных статей, изданных под эгидой Московского отделения Русского географического общества, который вышел в свет в 1989 г. [233]. Но в этих статьях внимание было сконцентрировано на исторических аспектах формирования и развития этноконтактных зон. При этом не предпринималось попыток картографирования этноконтактных зон, и

потому не были обозначены количественные критерии выделения этноконтактных зон, и, тем более, определения их территориальной структуры.

Однако реально в научный оборот, в первую очередь, в отечественной культурной географии, данное понятие было внедрено авторами концепции геоэтнокультурных систем. Контактные зоны стали рассматриваться в качестве одного из четырех основных элементов в принципиальной модели территориальной структуры геоэтнокультурной системы, включающей также ядро, периферию и поле ГЭКС [193, с. 24]. Этноконтактные зоны (ЭКЗ) были выделены как в территориальной структуре Великорусской ГЭКС, так и национальных ГЭКС [193, с. 98–101]. При этом этноконтактные зоны охватывают огромные территории в пределах Российской Федерации, особенно на окраинах ее европейской части и в значительной части Азиатской России [130; 137], а также в странах ближнего зарубежья [96; 97; 234]. Авторы концепции ГЭКС стали выделять отдельно внутренние ЭКЗ, находящиеся на полупериферии и периферии ГЭКС, но на некотором удалении от внешних границ ГЭКС, а также внешние ЭКЗ, расположенные на границах ГЭКС.

По сути, развитие концепции ГЭКС в отечественной культурной географии дало толчок разработкам двух новых концепций, тесно связанных как между собой, так и со своим предшественником. Это концепции геокультурного пространства и этноконтактных зон. Так, еще более значимая роль, чем в концепции ГЭКС, была отведена этноконтактным зонам в концепции геокультурного пространства. ЭКЗ в рамках данной концепции рассматриваются в качестве одного из важнейших элементов геокультурного пространства, являющегося результатом наложения двух и более этнокультурных систем.

В настоящее время достаточно устоявшимся можно считать рассмотренное выше выделение отечественными специалистами по этнической и культурной географии России трех ключевых элементов территориальной структуры этнического (или этнокультурного) пространства страны, одним из которых являются этноконтактные зоны [181; 187; 188].

Т.И. Герасименко подчеркивает, что этноконтактными зонами правильнее называть только те «участки геокультурного пространства, где происходят постоянные межэтнические контакты». Также она предлагает рассматривать ЭКЗ как «один из типов этнокультурных районов, формирующихся в местах межэтнического взаимодействия», или даже как «разновидность трансграничных регионов» [51, с. 153].

В ходе разработки концепции этноконтактных зон Т.И. Герасименко предложила несколько классификаций ЭКЗ: 1) по уровню иерархии (цивилизационный на макроуровне, региональный на мезоуровне, локальный на микроуровне [51, с. 156]; 2) по географическому положению (центральные, провинциальные, глубинные, приграничные и трансграничные); 3) по степени урбанизации (урбанизированные и сельские) [51, с. 157]; 4) по историко-географическим особенностям (сформировавшиеся в разные периоды досоветской эпохи или в советское время, или же находящиеся в стадии формирования в настоящее время; 5) по компонентной структуре ЭКЗ, т.е. по удельному весу этнических групп в структуре ЭКЗ (с доминированием одного из этносов или с примерно одинаковым соотношением этнических групп); 6) по формам межэтнического взаимодействия, названия которых были заимствованы из теории этногенеза Л.Н. Гумилева [62] (симбиозы, ксении, химеры и формы смешанного типа) [53; 54].

Еще на начальном этапе разработки концепций геокультурного пространства и этноконтактных зон А.Г. Манаков [123] предложил выделять «два класса ЭКЗ по степени выраженности: неярко выраженные и ярко выраженные» [123, с. 38]. В дальнейшем данная классификация ЭКЗ была расширена, и стали выделяться наиболее ярко выраженные ЭКЗ, или же полиэтничные территории, а с другой стороны, но в особых случаях, где доля иноэтничного населения достаточно низка, — слабо выраженные ЭКЗ [139; 200].

В нашем исследовании в пределах Центральноазиатского региона выделяются следующие классы этноконтактных зон по степени выраженности: 1) неярко выраженные; 2) ярко выраженные; 3) наиболее ярко выраженные.

Количественные критерии определения разных классов ЭКЗ рассмотрены в разделе, посвященном методике выделения элементов территориальной структуры геотнoкультурного пространства Центральноазиатского региона.

1.3 Методы изучения геотнoкультурного пространства

1.3.1 Ключевые показатели, используемые при изучении структуры геотнoкультурного пространства

В концепции геотнoкультурных систем в качестве основных показателей для выделения элементов Русской и национальных ГЭКС первоначально выступала доля (удельный вес) русского населения и титульных народов республик и других национальных автономий. В дальнейшем, для определения степени выраженности этноконтактных зон, стал применяться индекс этнической мозаичности. В отечественной науке индекс этнической мозаичности (ИЭМ) был предложен Б.М. Эккелем [232] в 1970-е гг. для оценки степени сложности национального состава населения республик, краев, областей, а также городских и сельских поселений. В зарубежной науке соответствующий показатель начал использоваться с 50-х гг. XX в., но там он изначально получил название «индекс лингвистической фракционализации» [252], а позже — «индекс этнической фракционализации» [238; 239; 242; 243; 247; 258–260 и др.]. Аналогичное название индекса иногда используют отечественные экономисты [241; 255], или же обозначают его как индекс этнической неоднородности [40; 41]. Индекс этнической мозаичности (ИЭМ) рассчитывается по формуле:

$$\text{ИЭМ} = \sum \pi_i (1 - \pi_i) = 1 - \sum (\pi_i)^2,$$

где π_i — доля (частота) i -й национальности во всем населении конкретного района, $\pi_i (1 - \pi_i)$ — теоретическая вероятность вступления в межэтнические контакты i -й национальности (все возможные контакты принимаются за единицу) [232, с. 34].

Традиционным является использование ИЭМ для оценки степени этнической неоднородности регионов России [49; 52; 136; 145; 165; 183; 197;

198; 213 и др.] и стран ближнего зарубежья, включая и государства Центральной Азии [96; 162; 195; 196 и др.]. При этом ИЭМ используется многими исследователями в качестве количественного критерия выделения и оценки степени выраженности этноконтактных зон [121; 201; 202; 212; 213].

Чаще всего используется следующая шкала ИЭМ для определения степени выраженности этноконтактных зон: 1) неярко выраженные ЭКЗ при ИЭМ от 0,2 до 0,4; 2) ярко выраженные ЭКЗ при ИЭМ от 0,4 до 0,6; 3) наиболее ярко выраженные ЭКЗ при ИЭМ свыше 0,6. В случае, если ИЭМ превышает 0,8, говорят о наиболее полиэтничной территории (в России к таким регионам относится только Дагестан). Если ИЭМ составляет менее 0,2, то тогда говорят о моноэтнической территории (в некоторых случаях в качестве критерия выделения моноэтнической территории используется величина $ИЭМ=0,1$, тогда в случае ИЭМ от 0,1 до 0,2 говорят о слабо выраженной ЭКЗ) [121; 123; 131; 137 и др.].

По аналогии с ИЭМ рассчитываются индекс языковой мозаичности (ИЯМ) [123; 127; 131; 137], применяемый для определения степени языковой неоднородности (обычно рассчитывается по итогам переписи населения 1897 г., когда фиксировалась не национальность, а родной язык жителей Российской империи), и индекс религиозной мозаичности (ИРМ) [67; 112], служащий для оценки степени выраженности конфессиональных контактных зон (ККЗ).

В ходе разработки концепции этноконтактных зон Н.К. Терениной [199; 205] был предложен еще один вариант ИЭМ, служащий для оценки степени выраженности двухкомпонентных (или двуэтнических) ЭКЗ. Данный показатель она обозначила как индекс этнической контактности (ИЭК). Иное название индекса связано с тем, что в его расчете присутствует коэффициент, которого нет в формуле расчета ИЭМ. Н.К. Терениной было предложено «рассчитывать ИЭК по следующей формуле:

$$ИЭК = k * 2 * n_A * n_B,$$

где n_A — удельный вес в населении региона представителей этноса A , n_B — удельный вес в населении региона представителей этноса B , k — поправочный коэффициент» [205, с. 742], позволяющий учесть «межэтнические расстояния»,

рассчитанные этнодемографом Е.Л. Сороко [184; 263] по частоте межэтнической брачности. В случае, если же между этносами *A* и *B* не определены «межэтнические расстояния», *k* в формуле расчета ИЭК принимается равным единице [205; 215]. Однако, может использоваться и как самостоятельный показатель, с помощью которого можно оценивать этническую контрастность республиканских и государственных границ [143; 204; 200; 207].

ИЭК стал использоваться в концепции этноконтактных зон главным образом при анализе этнической динамики территорий, а также для выделения фаз и стадий развития ЭКЗ [89; 138; 148; 199; 205; 208 и др.]. Этому способствовало внедрение картографических приемов, позволявших отобразить на карте не только величину индекса, но одновременно и соотношение двух рассматриваемых этнических групп, а также их динамики за межпереписные интервалы. Недостаток показателя, связанный с ограничением изучаемых этнических групп (т. к. индекс рассчитывается для межэтнических систем, состоящим только из двух компонентов), компенсировался группированием представителей этносов или по языковому принципу (например, по языковым группам и семьям), или по конфессиональной принадлежности, или по занимаемому статусу (например, титульные/нетитульные, коренные/некоренные и т. п.) [16; 17; 115; 122; 203; 206; 209–211].

В данном исследовании ИЭК не является ключевым показателем, но он был использован для анализа динамики в разные межпереписные интервалы метаэтнической неоднородности территории Центральноазиатского региона, а также отдельно городского и сельского населения административных единиц. Результаты этого анализа представлены в публикациях автора [160; 161].

В ходе разработки концепции конфессионального геопространства С.А. Горохов [57–59] обратил внимание на «два главных недостатка ИЭМ, которые ограничивают его использование при изучении компонентной структуры конфессионального пространства. Это, во-первых, нечеткость диапазона принимаемых значений, во-вторых, неявная зависимость значения индекса от количества религий в стране или регионе. Для преодоления этих

недостатков он предложил нормированный вариант ИЭМ, разделив его на $1 - 1/m$, где m — это количество религий (конфессий) в стране или регионе исследования» [57, с. 102]. С.А. Горохов обозначил данный показатель как модифицированный индекс мозаичности (МИМ). Вместе с индексом, значения которого укладываются в интервал от нуля до единицы, была предложена и шкала значений МИМ для выделения территорий с разной степенью конфессиональной (или этнической) гомогенности/гетерогенности. В соответствии с величиной МИМ С.А. Гороховым были выделены четыре категории территориальных ячеек: 1) крайне гетерогенные (от 0,821 до 1); 2) относительно гетерогенные (от 0,557 до 0,82); 3) относительно гомогенные (от 0,281 до 0,556); 4) крайне гомогенные (от 0 до 0,28); [57, с. 106]. МИМ нашел применение, в первую очередь, в конфессиональной географии (например, в работах [111; 113; 142 и др.]), он же апробировался в ходе разработки концепции этноконтактных зон (например, в работах [141; 147; 214 и др.]).

Апробация модифицированного ИЭМ в этнической географии показала, что и данный показатель не лишен недостатков. Так, если в конфессиональной географии приходится иметь дело с небольшим количеством религий (или конфессий), а также групп нерелигиозного населения, которые к тому же можно сгруппировать (например, всех лиц, не обозначивших свою религиозную принадлежность, или, с другой стороны, суммировать всех протестантов) [114], то в этнической географии сильно различается количество этнических групп (от нескольких до ста и более) в итоговой статистике разных переписей населения. Последнее является причиной, почему использование модифицированного варианта ИЭМ для анализа динамики индекса в межпереписные периоды в случае значительного расхождения количества зафиксированных этнических групп становится неправильным. Поэтому в данном исследовании не применяется модифицированный вариант ИЭМ.

Однако в данной работе используется индекс, противоположный ИЭМ, который называется индексом этнической однородности (ИЭО). Данный показатель рассчитывается по формуле:

$$\text{ИЭО} = \sum (\pi i)^2,$$

где πi — доля представителей i -й национальности в населении конкретного региона.

Причина использования показателя, противоположного ИЭМ, связана с той задачей, которую выполняет ИЭО в исследовании — оценка степени однородности геэтнокультурного пространства. Так, картографирование ИЭО позволяет увидеть, в первую очередь, выделенные более интенсивной окраской ядра национальных геопространств, т.е. более однородные в этническом плане территории. А использование ИЭМ по этой же причине более удобно для выделения и оценки степени выраженности этноконтактных зон, находящихся на стыках национальных геопространств.

Еще одним показателем, имеющим вспомогательное значение при выделении элементов территориальной структуры национальных геопространств, является коэффициент этнической концентрации, который используется для анализа особенностей расселения конкретных народов (этнических групп) в пределах определенных территорий, например, в России и всем постсоветском пространстве [216–218], в макрорегионах постсоветского пространства (Центральной Азии) [126; 256], в отдельных регионах России (Крыму) [146] и т. д. Коэффициент этнической концентрации (КЭК) рассчитывается по формуле:

$$\text{КЭК} = N_i / N * 100 \%,$$

где N_i — численность представителей определенного этноса в конкретной административно-территориальной единице; N — общая численность представителей данного этноса в пределах всего региона исследования.

1.3.2 Основные критерии выделения элементов территориальной структуры национальных геопространств

Отнесение административно-территориальных единиц к тем или иным элементам территориальной структуры национальных геопространств и

русского геопространства в Центральноазиатском регионе следует четырем основным критериям, три из которых являются количественными.

1. Первым количественным критерием является доля (удельный вес) рассматриваемого этноса в населении административно-территориальных единиц региона исследования. Следует отметить, что данный критерий выступает в качестве основного при выделении элементов территориальной структуры Русской и национальных ГЭКС в рамках соответствующей концепции [193]. Однако, при выделении элементов территориальной структуры национальных геопространств он не является основным сразу по нескольким причинам. Во-первых, доля титульных народов в Казахстане и Киргизии в советский период была намного ниже, чем в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане, поэтому к ним нельзя применять равные количественные критерии [133]. По этой причине выделение элементов территориальной структуры национальных геопространств на разные годы проведения переписей населения в регионе исследования зависит от доли титульных народов в своих республиках на момент проведения переписи.

В целом же при выделении элементов территориальной структуры как русского геопространства, так и некоторых национальных геопространств Центральноазиатского региона можно принять некоторые количественные критерии, используемые для выделения элементов территориальной структуры Русской и Казахской ГЭКС в работах А.Г. Манакова [129; 133; 152] и Д.Ж. Искалиева [96]. Наиболее очевидным является включение в состав внутренних этнических ядер мононациональных территорий (с долей этносов свыше 90 %). Критерием определения внешней границы этнического ядра (включая срединный и внешний пояса ядра) можно считать долю соответствующих этносов в 75 %, периферии — в 25 %.

Для выделения срединных и внешних поясов этнических ядер национальных геопространств можно также воспользоваться предложенными А.Г. Манаковым [133] критериями разделения этнических ядер национальных ГЭКС Казахстана и Средней Азии по итогам переписей 1959, 1970 и 1989 гг. на

три уровня по степени выраженности: ярко выраженные (с удельным весом свыше 75 % представителей этноса), средне выраженные (с долей от 50 до 75 %) и слабо выраженные (с долей от 25 до 50 %). Им же был предложен критерий в 10 % представителей этноса для определения внешних границ периферии национальных ГЭКС.

2. Вторым количественным критерием является величина индекса этнической однородности (ИЭО). В выделении элементов территориальной структуры национальных геопространств он является вспомогательным, но при этом его роль более значима при определении элементов территориальной структуры всего геотнoкультурного пространства Центральноазиатского региона, что будет рассмотрено ниже. Данным показателем лучше воспользоваться для структуризации этнического ядра. Так, при выделении внутреннего этнического ядра можно опираться на величину ИЭО не менее 0,8, а срединного и внешнего поясов ядра — на ИЭО не менее 0,6.

3. В качестве третьего количественного критерия выделения элементов территориальной структуры национальных геопространств Центральноазиатского региона предлагается использовать коэффициент этнической концентрации (КЭК), рассчитанный на уровне административно-территориальных единиц для русских и титульных народов республик Центральной Азии. Так как в концепции геотнoкультурных систем [193] главным критерием выделения ядер ГЭКС является удельный вес рассматриваемых этносов в населении административно-территориальных единиц (и вспомогательным критерием — величина индекса этнической мозаичности), то из ядер национальных ГЭКС выпадают крупные города, включая и столицы республик, отличающиеся неоднородным этническим составом населения, а в некоторые интервалы советского периода — даже значительным перевесом нетитульного (особенно русского) населения. Поэтому авторы концепции ГЭКС были вынуждены вне ядерных зон национальных ГЭКС выделять социокультурные центры ГЭКС (столицы и другие крупные

города), которые одновременно рассматривались как внутренние этноконтактные зоны [193, с. 106].

Однако в столицах, как и других крупных городах, обычно сконцентрирована значительная часть титульного населения республик, и было бы нелогично исключать их из этнических ядер национальных геопространств только исходя из критерия невысокой доли в них титульных этносов. Учет концентрации представителей титульных народов республик в разных административно-территориальных единицах позволяет скорректировать представление об ядрах национальных геопространств. Исходя из уровня концентрации титульных народов в столицах республик, последние могут быть включены в срединный или внешний пояса этнических ядер национальных геопространств. При этом они могут рассматриваться одновременно и как социокультурные центры национальных геопространств, как это предложено в концепции ГЭКС.

Следует отметить, что КЭЖ в данном исследовании рассчитывался в границах всех административно-территориальных единиц в пределах макрорегиона, охватывающего Российскую Федерацию и Центральную Азию (Российско-Центральноазиатского региона). Это, во-первых, позволило изучить динамику русского геопространства в Центральной Азии во взаимной увязкой с его динамикой на территории России, во-вторых, учесть миграции в Россию титульных народов республик Центральной Азии в советское и постсоветское время.

4. Четвертым критерием является выделение, по возможности, всех шести элементов территориальной структуры национальных геопространств по итогам всех рассматриваемых переписей населения. По этой причине количественные критерии выделения элементов территориальной структуры национальных геопространств должны определяться отдельно для каждого случая, исходя из специфики данных геопространств, как это делается, например, при выделении конфессиональных геопространств [114], причем они могут заметно различаться также и в разные временные интервалы. Даже в случае, если на всей территории

республик доля титульного народа превышает 90 %, т.е. формально всю территорию республики можно считать моноэтничной, это не означает, что вся данная территория должна быть включена во внутреннее этническое ядро. Этническое геопространство неоднородно, и на любой территории встречаются участки, где доля представителей определенного этноса несколько повышена, или понижена по сравнению, например, со средней долей по республике. И потому даже в случае, если вся территория республики является моноэтничной, в ее пределах можно выделить как внутреннее этническое ядро (с наиболее высокой долей титульного населения), так и срединный и внешний пояса национальных геопространств. По аналогии, могут различаться количественные критерии и при определении границ ближней, дальней и крайней периферий национальных геопространств [158].

1.3.3 Методика выделения элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства и информационная база исследования

Методика выделения элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства региона исследования включает две последовательные процедуры. Первая процедура состоит в выделении элементов территориальной структуры русского геопространства и национальных геопространств [132] в пределах Центральной Азии. Данная процедура осуществляется по обозначенным выше критериям.

На первом этапе работы в рамках данной процедуры создается серия картосхем по итогам каждой переписи населения, где на уровне административно-территориальных единиц (АТЕ) ранга регионов, или ниже (уездов в 1897 г.; АССР, АО, губерний и округов в 1926 г.; АССР, АО и областей с 1939 по 1989 гг.; соответствующие областям АТЕ в постсоветский период) представлены такие количественные характеристики, как доля русских и титульных народов республик, а также концентрация русских и титульных народов (в данном случае, рассчитанная для каждой АТЕ в пределах Российско-

Центральноазиатского региона). На основании этих количественных характеристик, и основываясь на других обозначенных выше критериях, определяются и отображаются на картосхемах элементы территориальной структуры русского и национальных геопространств в регионе исследования по итогам каждой переписи населения.

Вторая процедура состоит в выделении элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства региона исследования. Первым этапом работы в рамках второй процедуры является выявление и картографирование основных элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства на основании величины индекса этнической однородности (ИЭО). Территориальные ячейки с величиной ИЭО свыше 0,8 рассматриваются как этнически однородные, с величиной ИЭО от 0,6 до 0,8 — как неярко выраженные ЭКЗ, с ИЭО от 0,4 до 0,6 — как ярко выраженные ЭКЗ, с ИЭО от 0,2 до 0,4 — как наиболее ярко выраженные ЭКЗ. Также особо, в качестве наиболее полиэтничной территории, выделяется единственный регион, где ИЭО составляет менее 0,2. Это Дагестан, расположенный в России, но пограничный (через Каспийское море) с регионом исследования.

На завершающем этапе работы соединяются характеристики АТЕ, полученные по итогам осуществления первой процедуры исследования и первого этапа работ в рамках второй процедуры. В итоге создается картосхема с обозначенными на ней основными элементами территориальной структуры геопространства Центральноазиатского региона (с прилегающими российскими территориями). В качестве таковых элементов выступают: 1) моноэтнические ядра русского и национальных геопространств; 2) относительно этнически однородные части ядер (включающие срединные и внешние ядерные пояса) национальных геопространств; 3) ярко выраженные зоны контакта национальных геопространств. Причем отдельно представлены, и, соответственно, выделены на картосхеме разными цветами, ярко выраженные зоны контакта между всеми титульными народами Центральноазиатского региона, а также между ними и русским населением. Кроме того, отдельно

выделены внутрироссийские ЭКЗ (на территориях России, прилегающих к Центральноазиатскому региону).

В типологии ярко выраженных контактных зон между этническими геопространствами региона исследования, в первую очередь, отражена компонентная структура ЭКЗ. При этом в типологии учитывается не только компонентный состав ЭКЗ (включающий обычно два или три этноса с высоким удельным весом в населении АТЕ), но и доминирование или перевес в населении АТЕ представителей конкретного этнического компонента.

В исследовании осуществлен анализ этнической структуры АТЕ в пределах Центральноазиатского региона и соседних территорий России по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [266; 270], Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959 и 1989 гг. [266; 270], а также переписи населения Российской Федерации 2021 г. и последних национальных переписей и учетов населения в государствах Центральной Азии (в Таджикистане — в 2020 г., в Казахстане и Узбекистане — в 2021 г., в Киргизии и Туркменистане — в 2022 г.) [265; 267–270]. Кроме того, при анализе динамики этнической структуры населения в пределах республик Центральной Азии, а также при расчете показателей ИЭО и КЭК за временной интервал с 1897 г. по 2020/2022 г. использовались результаты Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 гг. [266; 270].

Для анализа динамики территориальной структуры национальных геопространств в пределах Центральноазиатского региона были выбраны следующие временные интервалы: 1) с 1897 по 1926 гг.; 2) с 1926 по 1939 гг.; 3) с 1939 по 1959 гг.; 4) с 1959 по 1989 гг.; 5) с 1989 по 2020/2022 гг. Можно отметить две основные причины такого выбора. Во-первых, это обеспечение сопоставимости интервалов даже не столько по времени (один из интервалов составляет 13 лет, еще один — 20 лет, остальные — примерно 30 лет), а столько по степени трансформации геоэтнокультурного пространства. С этим связан пропуск в ходе картографического анализа итогов двух Всесоюзных переписей населения — 1970 и 1979 гг., т. к. их учет не вносит изменения в представление о

тренде динамики геоэтнокультурного пространства Центральноазиатского региона в период между переписями населения 1959 и 1989 гг. Во-вторых, в постсоветский период (между последней Всесоюзной переписью населения 1989 г. и раундом национальных переписей на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в.) в странах Центральной Азии имеются официальные итоги далеко не по всем переписям населения [234]. Например, в Туркменистане в постсоветский период опубликованы только итоги переписи 2022 г., а в ряде других республик не проводились или же не были представлены официальные результаты переписей населения в двух предшествующих раундах — на рубеже XX и XXI вв., и на рубеже первого и второго десятилетий XXI в.

Картографический анализ динамики территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральноазиатского региона по обозначенным выше временным интервалам проводится путем сравнения двух картосхем (на одном рисунке) за годы, ограничивающие данные временные интервалы. Связано это с несопоставимостью сеток административно-территориального деления (АТД) в пределах региона исследования в разные годы проведения переписей населения. Из-за отсутствия этнической статистики на более низком уровне АТЕ нет возможности привязать данную статистику к сопоставимым за разные годы сеткам АТД. Особенно это касается таких количественных показателей, как ИЭО и КЭК, расчет которых производится строго в границах АТЕ на момент проведения соответствующих переписей населения.

Таким образом, картографический анализ динамики территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральной Азии осуществлен в основном на уровне АТЕ ранга регионов, или несколько ниже (уездов в 1897 г.; АССР, АО, губерний и округов в 1926 г.; АССР, АО и областей с 1939 по 1989 гг.; АТЕ, соответствующие советским областям, АССР и АО, в постсоветский период). Исключение составляет последний раунд переписей населения (2020/2022 г.), по итогам которого составлена картосхема, где представлены

элементы территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральноазиатского региона по АТЕ муниципального уровня.

Выводы по главе 1. Подход к выделению элементов территориальной структуры геоэтнокультурных систем, разработанный в рамках соответствующей концепции, требует заметной корректировки. Так, методика определения элементов территориальной структуры геоэтнокультурных систем, формируемых титульными народами стран ближнего зарубежья, строится исходя из их взаимодействия с русским геопространством. Однако в настоящее время русское геопространство сохраняет значительное присутствие в пределах Центральноазиатского региона только на территории Казахстана. Вместе с тем, предлагается перейти полностью к центр-периферийной модели при определении элементов территориальной структуры национальных геопространств (т.е. геопространств титульных этносов республик) Центральной Азии. Поэтому в их территориальной структуре не выделяются этноконтактные зоны, но последние являются важнейшим структурным элементом всего геоэтнокультурного пространства региона, представляющего собой результат наложения составляющих его этнических геопространств.

В диссертационном исследовании предложено выделять следующие элементы территориальной структуры этнических геопространств: внутреннее ядро, срединный и внешний пояса ядра, ближняя периферия (полупериферия), дальняя и крайняя периферия, этнокультурное поле. При этом в качестве основных элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства выступают: моноэтнические ядра национальных геопространств, относительно этнически однородные части ядер национальных геопространств и ярко выраженные зоны контакта национальных геопространств (разных типов в зависимости от участвующих в контактах этносов).

Глава 2. Изменение этнической структуры населения региона с конца XIX века по начало 2020-х годов

2.1 Динамика численности народов региона и изменение этнической структуры городского и сельского населения с конца XIX века по начало 2020-х годов

2.1.1 Динамика численности титульного и нетитульного населения региона

С момента проведения Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. и до начала 20-х гг. XXI в., когда был проведен последний раунд национальных переписей населения Центральноазиатского региона, по имеющейся статистике численность населения в регионе выросла примерно в десять раз — с 7,7 млн до 77,4 млн чел. (рис. 3). Но нужно отметить, что реальная численность населения Центральной Азии в конце XIX в. была несколько больше. Дело в том, что перепись населения 1897 г. не охватывала подавляющую часть населения Хивинского ханства и Бухарского эмирата, находящихся под протекторатом Российской империи (за исключением 14 тыс. непосредственных подданных России).

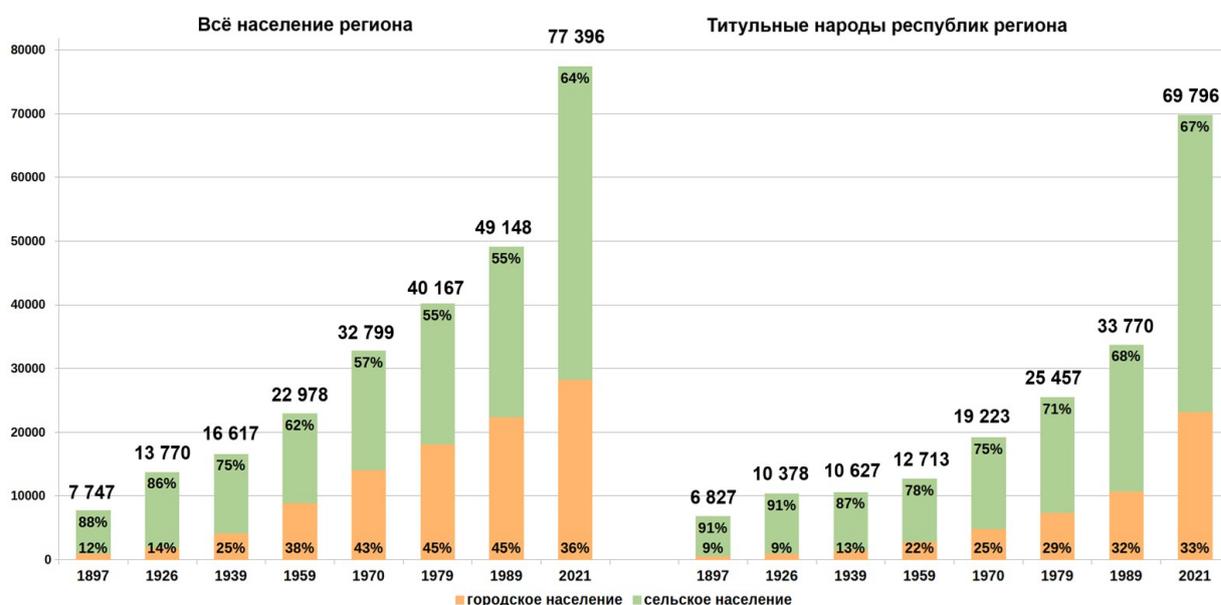

Рисунок 3 — Динамика численности всего населения Центральноазиатского региона и титульного населения республик региона с 1897 по 2020/2022 гг.

(составлено автором по [265–270])

Реальная численность населения региона в конце XIX в. может быть оценена в интервале от 9 до 10 млн чел. ($9,5 \pm$ млн чел.), т.е. общая численность населения Центральной Азии за прошедшее время выросла примерно в 8 раз. Неучет населения Хивинского ханства и Бухарского эмирата сказался и на занижении численности нескольких народов, которые ныне являются титульными в Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане, т.е. в основном туркменов, узбеков, каракалпаков и таджиков.

По итогам переписей населения, с 1897 г. по начало 2020-х гг. численность титульных народов республик Центральноазиатского региона выросла с 6,8 млн до 69,8 млн чел. (см. рис. 3), т.е. более, чем в 10 раз. Хотя, исходя из данной выше оценки, их реальная численность, скорее всего, выросла в 8–8,5 раз.

На рисунке, где отображена динамика численности всего населения Центральноазиатского региона, а также численности титульных народов республик, видно, что наиболее быстрыми темпами население региона, особенно титульного, росло в постсоветский период, когда оно увеличилось примерно за три десятилетия (с 1989 г. по начало 2020-х гг.) более чем в 1,5 раза, а численность титульных народов республик — более чем в 2 раза. При этом за весь советский период, который продолжался семь десятилетий (для оценки динамики берется статистика по итогам переписей 1926 и 1989 гг.) население региона выросло более чем в 3,5 раза, а титульных народов республик — в 3,25 раза.

Доля городского населения Центральноазиатского региона с конца XIX в. по настоящее время выросла с 12 % до 36 %. Однако уровень урбанизированности титульных народов республик региона по итогам всех переписей населения был ниже, чем всего населения региона. С 1897 г. по начало 2020-х гг. урбанизированность титульных народов республик Центральной Азии выросла с 9 % до 33 %. Но в постсоветский период разрыв между долей городского населения среди всего населения региона и титульными народами республик стал уменьшаться. В качестве главной причины этого

можно считать уменьшение в целом уровня урбанизации в Центральноазиатском регионе в постсоветское время. Так, максимальный уровень урбанизации в регионе пришелся на 1980-е гг., когда в городских поселениях проживало 45 % населения региона. В то время урбанизированность титульных народов республик была примерно в 1,5 раза ниже, чем всего населения, что свидетельствовало о высоком удельном весе в городском населении нетитульных народов. Однако из-за значительного оттока из Центральноазиатского региона нетитульного населения, и роста миграций титульных народов в городские поселения, к началу 2020-х гг. доля городского населения среди титульных народов республик была лишь на 3 % меньше, чем среди всего населения Центральноазиатского региона.

Отмеченные выше тренды динамики населения подтверждаются диаграммами, где отображена динамика численности нетитульных народов республик региона и отдельно русского населения (рис. 4). Наиболее динамичный рост численности нетитульных народов республик наблюдается в советский период, особенно до 70-х гг. XX в., когда численность данной категории населения выросла с 3,4 млн чел. (1926 г.) по 13,6 млн чел. (1970 г.), т.е. в 4 раза, а в позднесоветский период (с 1970 по 1989 гг.) — всего в 1,13 раза (с 13,6 до 15,4 млн чел.).

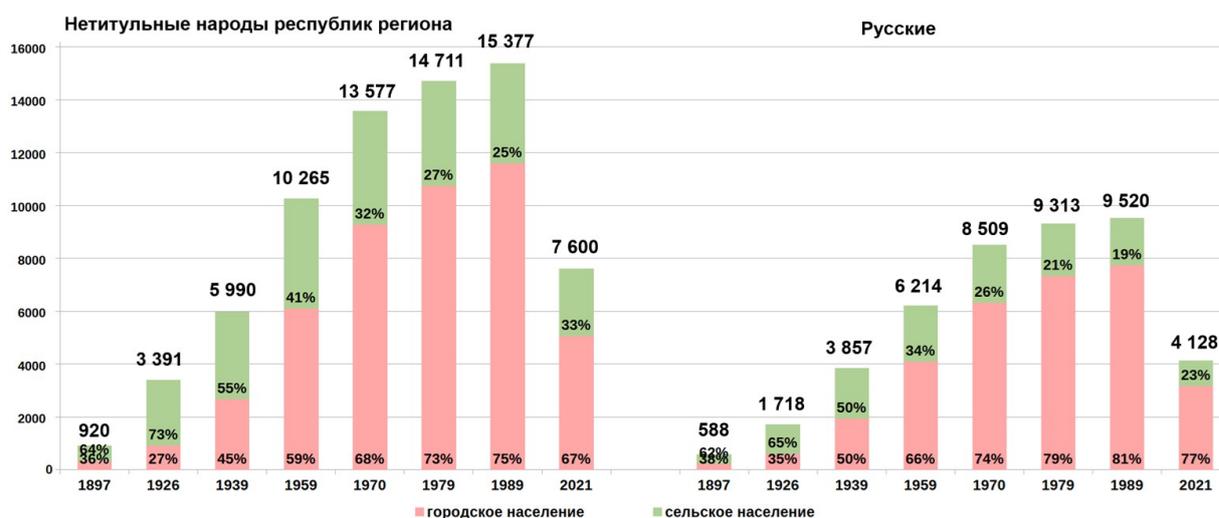

Рисунок 4 — Динамика численности нетитульных народов

Центральноазиатского региона и русского населения с 1897 по 2020/2022 гг.

(составлено автором по [265–270])

В постсоветский период (точнее, между переписями населения 1989 г. и началом 2020-х гг.) численность нетитульных народов региона сократилась в 2 раза (с 15,4 до 7,6 млн чел.). В советский период наблюдался рост урбанизированности нетитульных народов региона — с 1926 по 1989 гг. доля городского населения среди них выросла с 27 % до 75 %, но в постсоветский период наметилась обратная тенденция — сокращение их уровня урбанизации (до 67 % в начале 2020-х гг.), что во многом связано и с изменением этнической структуры нетитульного населения Центральноазиатского региона, вызванного миграционным оттоком, в первую очередь, русского населения.

Численность русских в Центральноазиатском регионе увеличивалась вплоть до распада СССР, но темпы их роста, как и всего нетитульного населения, замедлились в 1970-е и 1980-е гг. (см. рис. 4). С 1926 по 1970 гг. численность русских в регионе выросла почти в 5 раз (с 1,7 до 8,5 млн чел.), а с 1970 по 1989 гг. — всего в 1,12 раза (с 8,5 до 9,5 млн чел.). Но в постсоветский период (точнее, с 1989 г. по начало 2020-х гг.) численность русских в регионе уменьшилась в 2,3 раза (с 9,5 до 4,1 млн чел.), т.е. сокращение численности русских происходило быстрее, чем всего нетитульного населения

Центральноазиатского региона. Также нужно отметить более высокий уровень урбанизированности русского населения по сравнению с другими нетитульными народами Центральной Азии. В 1926 г. доля городского населения среди русских составляла 35 %, в 1939 г. она достигла уже половины, а к 1989 г. выросла до 82 %, и немного снизилась только к 20-м гг. XXI в. (до 77 %). Последнее свидетельствует о более интенсивном миграционном оттоке русских в постсоветский период из городских поселений Центральноазиатского региона по сравнению с сельскими.

2.1.2 Динамика численности коренных народов региона

Наиболее многочисленным народом Центральноазиатского региона в настоящее время являются узбеки. Их численность в 2021 г. составляла 32,5 млн чел. (рис. 5). Им в 2,25 раза уступают по численности казахи (14,36 млн чел. в 2021 г., 14,45 млн чел. в 2025 г.).

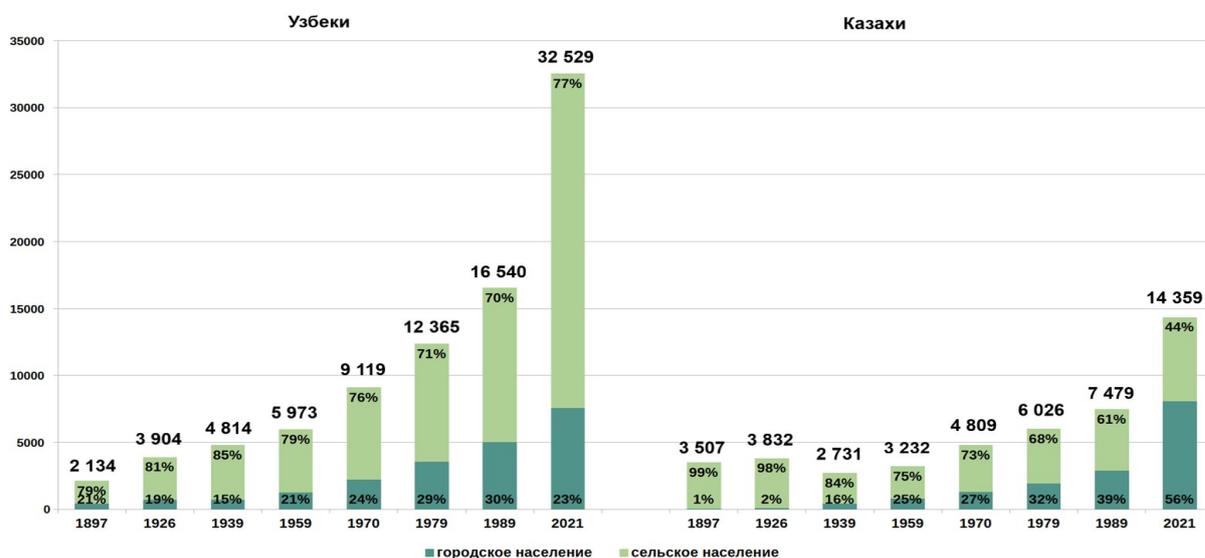

Рисунок 5 — Динамика численности узбеков и казахов в Центральноазиатском регионе с 1897 по 2021 гг. (составлено автором по [265; 266; 268; 270])

Однако в конце XIX в. и начале XX в. численность узбеков и казахов была примерно на одном уровне. Хотя здесь нужно дать пояснение. Перепись 1897 г. фиксировала отдельно узбеков, и отдельно сартов, которые в советское время

(в т.ч. во время переписи 1926 г.) уже рассматривались как узбеки. В сумме узбеки и сарты в 1897 г. составляли 2,1 млн чел., что было заметно меньше, чем казахов (точнее, киргиз-кайсаков, но за вычетом киргиз-кайсаков на территории современной Киргизии, которых в последующем стали обозначать как киргизов) — 3,5 млн чел. Но при этом значительная часть узбеков (и сартов) в 1897 г. проживала на территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата и не была охвачена переписью населения [151]. Так как перепись 1926 г. зафиксировала чуть большую численность узбеков по сравнению с казахами (3,9 млн против 3,8 млн), то можно предположить, что и в 1897 г. их численность различалась незначительно.

В советское время численность узбеков росла быстрее, чем других титульных народов республик Центральноазиатского региона, с 1926 по 1989 гг. выросла с 3,9 до 16,5 млн чел., т.е. в 4,24 раза. Также опережали темпы роста численности узбеков средние по региону и в постсоветский период, когда их количество увеличилась почти в 2 раза (с 16,5 до 32,5 млн чел.). На этом фоне казахи характеризуются достаточно низкими темпами роста численности [234]. Причем с 1926 по 1939 гг. произошло даже сокращение их численности, что было связано с голодом на территории Казахстана в этот период, приведшим как к повышенной смертности, так и к миграционному оттоку в соседние с СССР государства — особенно в Китай и Монголию.

С 1939 по 1989 гг. численность казахов выросла с 2,7 млн до 7,5 млн чел., т.е. в 2,74 раза. Но в постсоветское время рост численности казахов ускорился, и с 1989 по 2021 гг. их количество увеличилось в 1,92 раза. Таким образом, темпы роста их численности оказались лишь немного ниже, чем у узбеков. Это объясняется не только ростом рождаемости у казахов, но и возвращением на свою историческую родину потомков тех казахов, которые мигрировали в соседние страны в 1920–30-е гг.

Доля городского населения среди узбеков медленно росла в советский период, достигнув 30 % в 1989 г., но в постсоветское время стала уменьшаться (до 23 % в 2021 г.), что объясняется повышенным естественным приростом

узбеков среди сельского населения. Иная динамика доли городского населения характерна для казахов. Будучи крайне низкой вплоть до 30-х гг. XX в. (даже в 1926 г. — всего 2 %), в последующем урбанизированность казахов росла быстрее, чем у узбеков, к 1989 г. поднявшись до 39 %, а в постсоветское время совершила новый рывок, достигнув 56 % в 2021 г. Таким образом, в постсоветский период произошло массовое переселение казахов в города, и они стали самым урбанизированным среди титульных народов государств Центральноазиатского региона.

Третьим по численности народом Центральной Азии являются таджики, которых в начале 2020-х гг. стало более 10 млн чел. (рис. 6). Как отмечалось выше, их численность по итогам переписи 1897 г. несколько занижена, но в советский период их количество выросло в 4,25 раза (с 979 тыс. чел. в 1926 г. до 4,2 млн чел. в 1989 г.) [234], а в постсоветское время — в 2,42 раза (с 4,2 до 10,1 млн чел. в 2020 г.). То есть таджики в настоящее время являются самым быстрорастущим народом Центральной Азии.

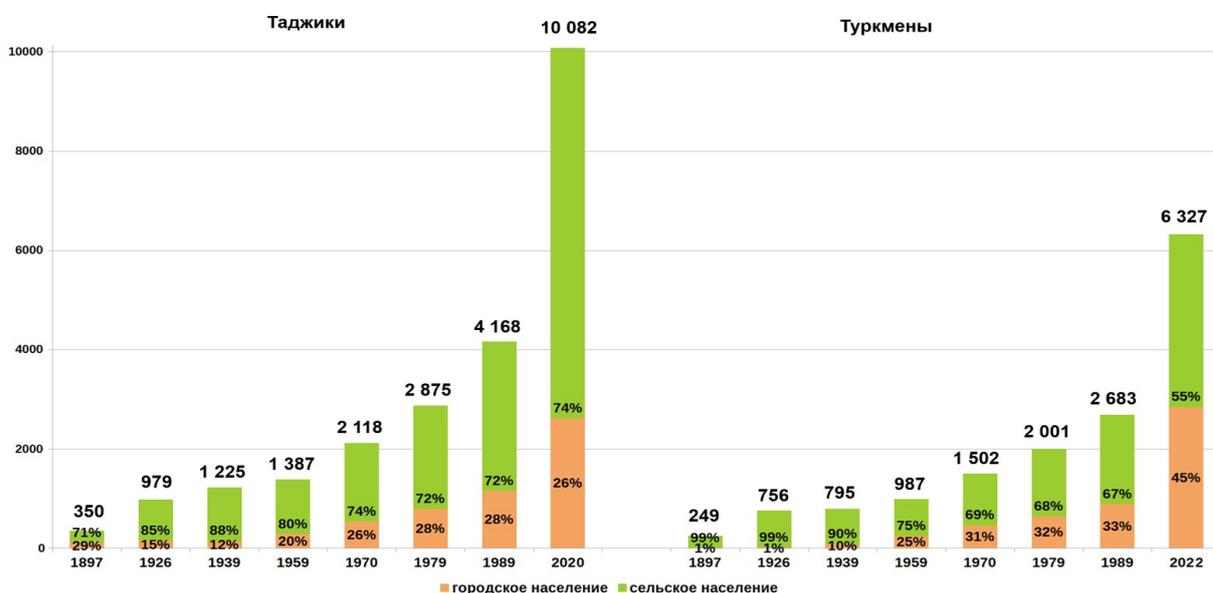

Рисунок 6 — Динамика численности таджиков и туркмен в Центральной Азии с 1897 г. по 2020/2022 г. (составлено автором по [266; 267; 270])

Четвертым по численности титульным народом в странах Центральной Азии являются туркмены. По итогам переписи населения 2022 г. их численность

составила 6,3 млн чел. (см. рис. 6). Итоги переписи 1897 г. дали заниженную численность туркменов по причине, указанной выше. В советский период их численность выросла более чем в 3,5 раза (с 756 тыс. чел. в 1926 г. до 2,7 млн чел. в 1989 г.), что немного больше, чем в среднем для титульных народов региона [151]. В постсоветский период (точнее, с 1889 по 2022 гг.) численность туркменов увеличилась в 2,36 раза, что также превышает средние по региону темпы роста титульных народов.

Интересный результат дает сравнение динамики урбанизированности таджиков и туркменов на фоне узбеков и казахов. Доля городского населения среди таджиков менялась примерно так же, как и у узбеков, — к 1989 г. выросла до 28 %, но в постсоветское время уменьшилась до 26 %, свидетельствуя о более высоком естественном приросте среди сельского населения в этот период. В то же время урбанизированность туркменов, как и казахов, достаточно стабильно росла, достигнув 33 % в позднесоветское время, и 45 % — к 2022 г. Туркмены в настоящее время занимают второе место по урбанизированности среди титульных народов региона, уступая в этом плане только казахам.

Пятую позицию по численности среди коренных народов Центральноазиатского региона занимают киргизы, количество которых по статистике за 2021 г. превысило 5,7 млн чел. (рис. 7). Их численность стабильно увеличивалась в советское время, за исключением небольшого сбоя (резкого замедления темпов роста) в динамике в 1960-е гг. Нужно отметить, что по итогам переписи населения Российской империи за 1897 г. к кара-киргизам были добавлены киргиз-кайсаки, проживавшие на территории современной Киргизии, что позволило оценить общую численность киргизов в конце XIX в. в 481 тыс. чел. Между переписями 1926 и 1989 гг. численность киргизов выросла с 762 тыс. чел. до 2,5 млн чел., или в 3,26 раза, что примерно соответствует средним темпам динамики среди титульных народов республик Центральноазиатского региона. С 1989 по 2021 гг. их численность выросла с 2,5 до 5,7 млн чел., т.е. в 2,31 раза, что заметно больше средних темпов роста титульных народов региона.

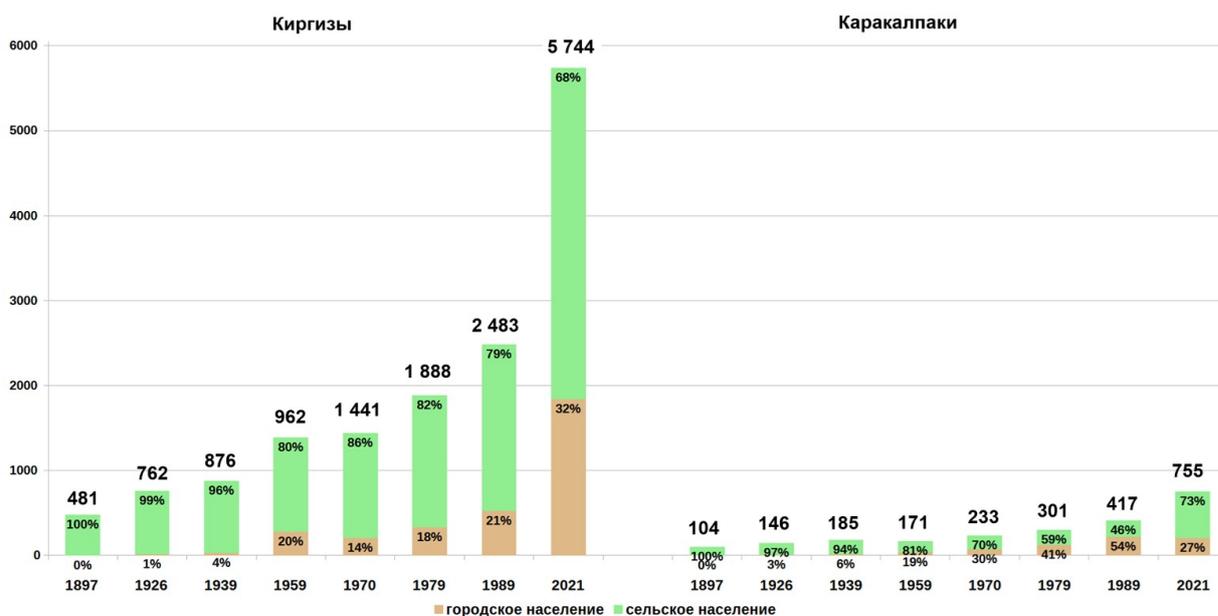

Рисунок 7 — Динамика численности киргизов и каракалпаков в Центральноазиатском регионе с 1897 по 2021 гг. (составлено автором по [266; 268–270])

Доля городского населения среди киргизов росла неравномерно. В 1959 г. она достигла 20 %, но затем уменьшилась (до 14 % в 1970 г.) и вновь превысила 20 % только к 1989 г. В постсоветское время урбанизированность киргизов росла быстрее, которая к 2021 г. достигла 32 %, что свидетельствует об ускорении миграций киргизов в этот период в городские поселения.

И, наконец, рассмотрим динамику численности каракалпаков, которые также являются титульным народом, но в автономной республике, входящей в состав Узбекистана (см. рис. 7). Их численность с 1897 по 2021 гг. выросла со 104 тыс. (возможно, немного больше, т.к. часть их могла проживать на территории Хивинского ханства, где не проводилась перепись 1897 г.) до 755 тыс. чел., т.е. более чем в 7 раз, что немного ниже средних темпов динамики титульных народов региона. В постсоветский период их численность выросла в 1,8 раза, но нужно обратить внимание на резкое уменьшение доли городского населения среди каракалпаков [151], которая с 1989 по 2021 гг. снизилась с 54 % до 27 %. Как и у большинства других коренных народов Центральной Азии, у каракалпаков наблюдался высокий естественный прирост в первую очередь

среди сельского населения, но при этом даже произошло небольшое уменьшение численности городского населения.

2.1.3 Изменение этнической структуры городского и сельского населения

Временной интервал между Первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и раундом национальных переписей населения на рубеже 20-х и 30-х гг. XXI в. четко разделяется на два периода по динамике этнической структуры населения Центральноазиатского региона (рис. 8). В качестве рубежа этих периодов выступает перепись 1959 г., на которую пришлась максимальная доля русского населения (27 %), а также и других нетитульных народов региона (18 %). До 1959 г. росла доля нетитульного населения и уменьшался удельный вес титульных народов республик региона, с 1959 г. тренд сменился на противоположный, который лишь стал более очевидным в постсоветский период. В «рубежном» 1959 г. доля нетитульных народов Центральноазиатского региона достигла 45 %, соответственно, доля титульных народов республик составляла 55 %.

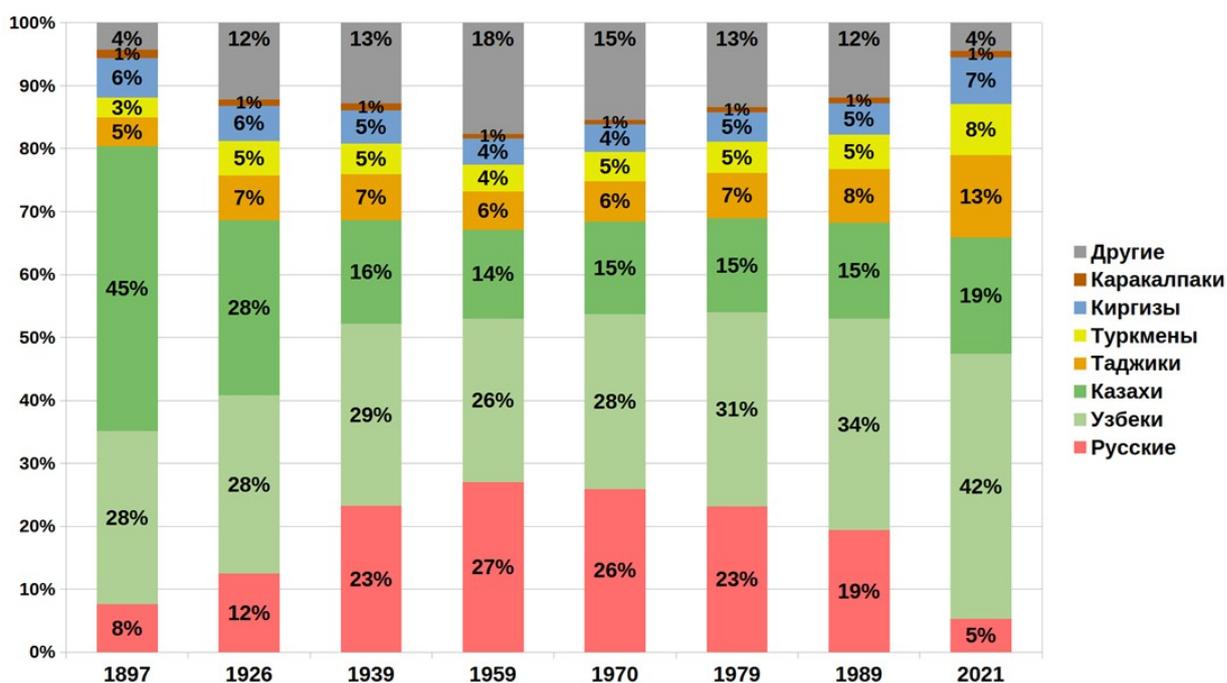

Рисунок 8 — Изменение этнической структуры населения Центральноазиатского региона между переписями 1897 и 2020/2022 гг. (составлено автором по [265–270])

В дореволюционный период, скорее всего, доля узбеков (вместе с сартами) мало отличалась от доли казахов (киргиз-кайсаков), т.к. значительная часть первых проживала на территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата, не охваченных переписью населения 1897 г. [151]. Об этом косвенно свидетельствуют итоги переписи населения 1926 г., когда доля узбеков и казахов была примерно на одном уровне (28 %). Далее произошло резкое уменьшение доли казахов (по причинам, указанным выше и более подробно рассмотренных в следующей главе диссертации), которая в 1959 г. достигла своего минимума — 14 %, и держалась лишь не немного более высоком уровне (15 %) в течение всего позднесоветского периода, перейдя к росту только в постсоветский период, достигнув 19 % в 2021 г.

Доля узбеков испытала заметное падение с 1939 до 1959 гг. (с 29 до 26 %), далее обозначился четкий тренд на рост удельного веса узбеков в населении Центральноазиатского региона, и их доля с 1959 по 1989 гг. выросла с 26 до

34 %, а в постсоветское время — до 42 %. Тем самым, узбеки обеспечили себе демографическое лидерство в регионе на несколько десятилетий вперед. Также очень динамично в постсоветский период росла доля таджиков (с 8 % в 1989 г. до 13 % в 2021 г.), которые, в случае сохранения таких же темпов роста, смогут уже в ближней перспективе составить конкуренцию казахам по численности. Так, с 1989 г. доля казахов в населении Центральной Азии выросла на 4 %, а таджиков — на 5 % (которые совершили «рывок» с более низкой базы).

Менее значительными на протяжении всего периода исследования были колебания доли в населении Центральноазиатского региона туркменов и киргизов, а также каракалпаков. Доля туркменов с 1959 по 1989 гг. выросла незначительно — с 4 до 5 % [151], затем резко прибавила в постсоветский период — до 8 %, хотя данный рост все же ниже, чем трех рассмотренных выше народов. Схожая динамика доли в советский период наблюдался и у киргизов, но в постсоветский период их удельный вес вырос менее значительно, чем у туркменов — до 7 %.

Что касается динамики доли русского населения, то с 1897 по 1959 гг. она выросла на 19 %, с 1959 по 1989 гг. сократилась на 8 %, а в постсоветский период — еще на 14 %. В итоге к 2021 г. доля русских составляла в населении Центральноазиатского региона 5 %, что на 3 % меньше, чем в дореволюционный период. Аналогичную динамику демонстрировала доля других нетитульных народов региона, которая с 1897 по 1959 гг. выросла на 14 %, затем уменьшилась на 6 % к 1989 г. и еще на 8 % — к 2021 г. В сумме нетитульные народы в 2021 г. составляли 9 % населения Центральноазиатского региона, что на 3 % меньше, чем в 1897 г. Хотя, с учетом поправки, связанной с тем, что Первая всеобщая перепись населения Российской империи не проводилась на территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата [151], следует говорить, скорее, о примерном соответствии доли нетитульных народов региона в 1897 и 2021 гг.

Выше уже было обращено внимание на то, что титульные и нетитульные народы региона крайне неравномерно распределялись между городскими и сельскими поселениями. В качестве примера можно рассмотреть уровень

урбанизации среди народов, проживающих в Центральноазиатском регионе в конце советского периода (по итогам переписи 1989 г.). Так, в категории наиболее урбанизированных (доля горожан среди которых превышала 80 %) оказались евреи, армяне, ряд северокавказских народов, татары, корейцы и русские (рис. 9).

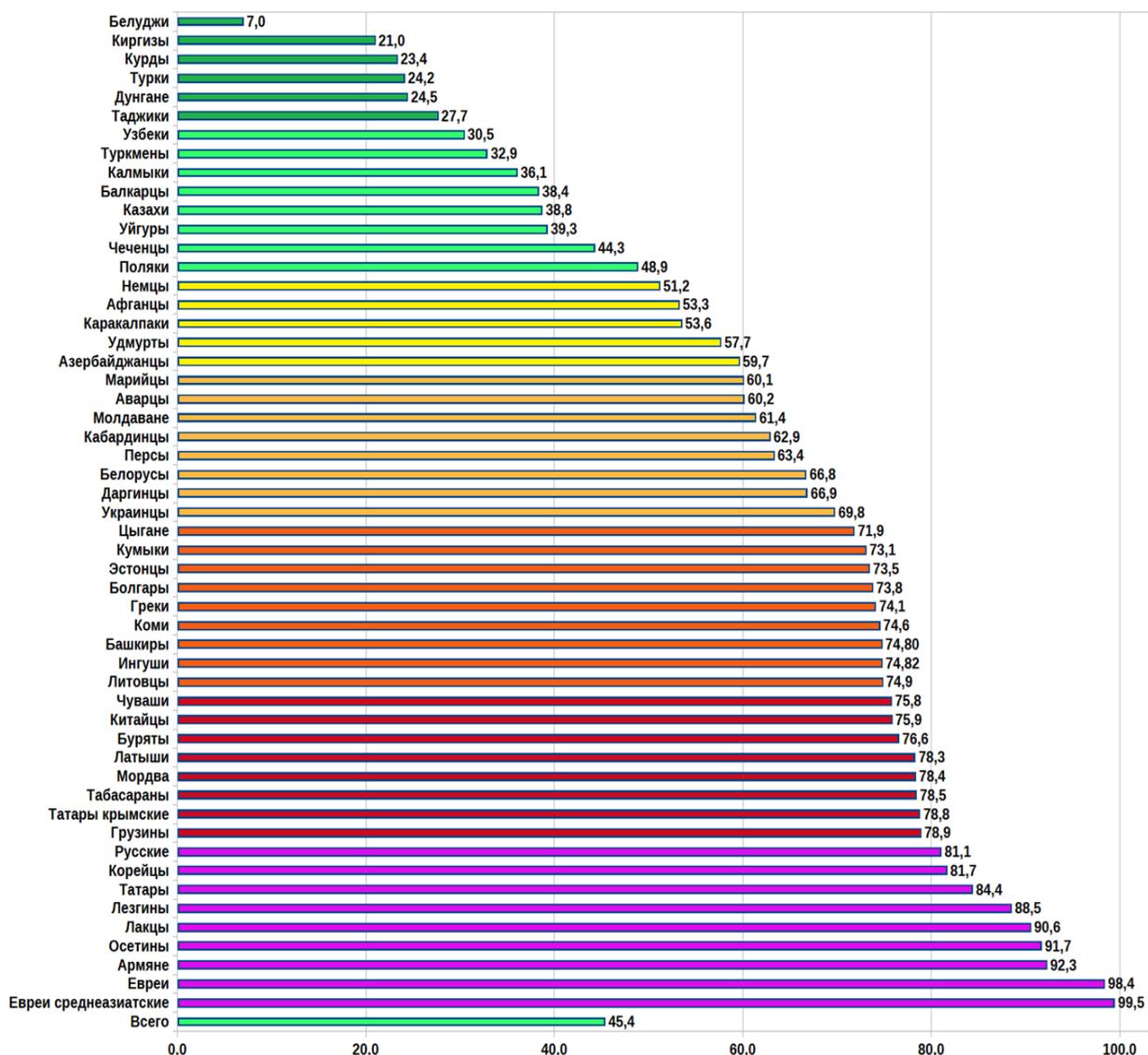

Рисунок 9 — Доля городского населения среди титульных и нетитульных народов, проживающих в Центральноазиатском регионе, по итогам переписи населения 1989 г. (составлено автором по [266])

С противоположной стороны по урбанизированности в 1989 г. оказались фактически все титульные народы республик Центральноазиатского региона:

киргизы (с долей горожан 21 %), таджики (27,7 %), узбеки (30,5 %), туркмены (32,9 %), казахи (38,8 %). Однако нужно отметить, что в постсоветский период, как было показано в предыдущем анализе, значительно повысили свою урбанизированность казахи и туркмены.

На протяжении всего периода исследования заметно менялась этническая структура городского и сельского населения. Хотя в целом сохранялись отмеченные выше тренды динамики этнической структуры населения городских и сельских поселений, но существовал значительный разрыв между этнической структурой городов и сельской местности. Так, в городских поселениях в дореволюционный период почти половину жителей составляли узбеки и сарты, а русские (великороссы) — около четверти населения (рис. 10).

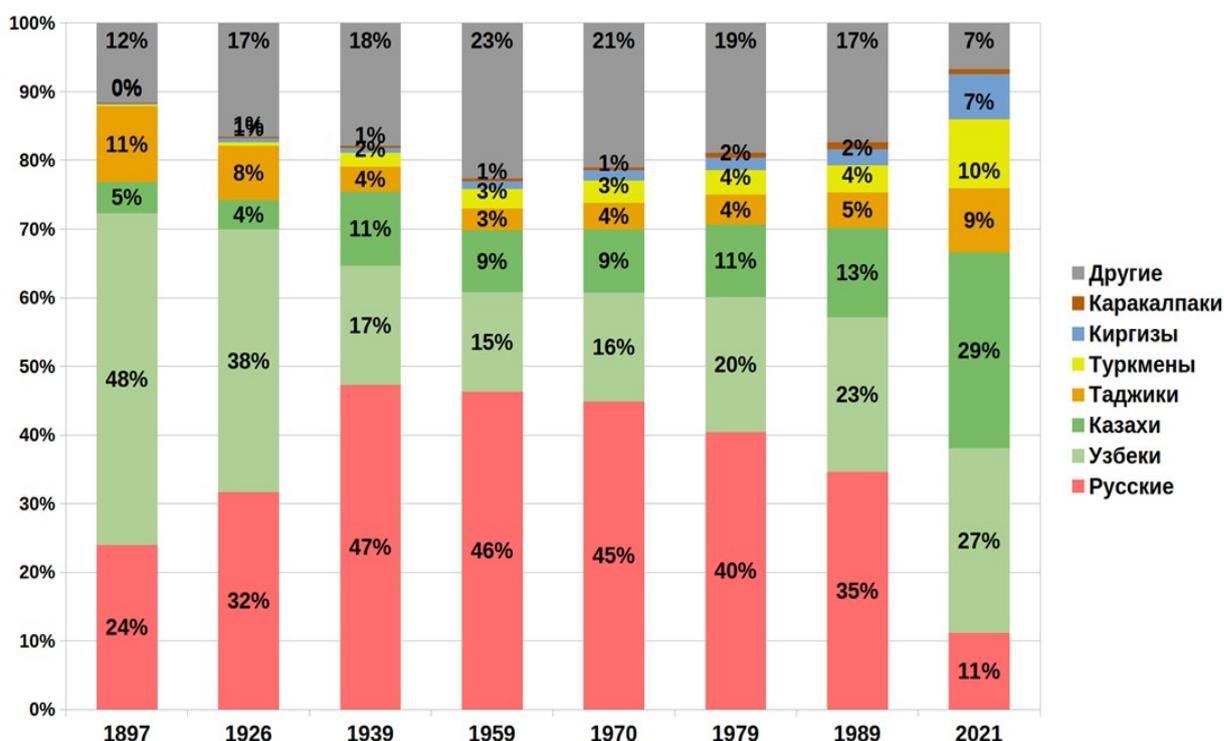

Рисунок 10 — Изменение этнической структуры городского населения Центральноазиатского региона между переписями 1897 и 2020/2022 гг.

(составлено автором по [265–270])

Затем в городах начала расти доля русских и других нетитульных народов. Доля русских в городских поселениях достигла максимума в 1939 г. (47 %),

а других нетитульных народов — в 1959 г. (23 %). Но в сумме нетитульное население уже в 1926 г. приблизилось к половине городских жителей (49 %), и достигло максимума в 1959 г. (69 %). К 1989 г. среди горожан доля нетитульного населения сократилась до 52 % (в т.ч. русских — до 35 %), а к 2021 г. — до 18 % (в т.ч. русских — до 11 %).

Таким образом, в постсоветский период городские поселения Центральноазиатского региона стали в полной мере национальными по этнической структуре населения. В городском населении наиболее многочисленную группу стали составлять казахи (29 % в 2021 г.), вторую по численности — узбеки (27 %), третью — туркмены (10 %), четвертую — таджики (9 %), пятую — киргизы (7 %). В целом рост удельного веса титульных народов в городском населении региона начался с 1959 г., но до конца советского периода он был небольшим. В постсоветское время урбанизация ускорила, особенно среди казахов и туркменов, в меньшей степени — среди таджиков и киргизов. В 1959 г. в городском населении региона среди титульных народов были в наибольшей степени представлены узбеки (15 %). Узбеки и в 1989 г. оставались первыми в этом плане (23 %), и только в постсоветский период они уступили лидерство казахам.

Совсем иной на протяжении всего периода исследования была этническая структура сельского населения региона (рис. 11). Среди сельских жителей доля нетитульного населения достигла максимума в 1959 г. (29 %, в т.ч. 15 % — русские).

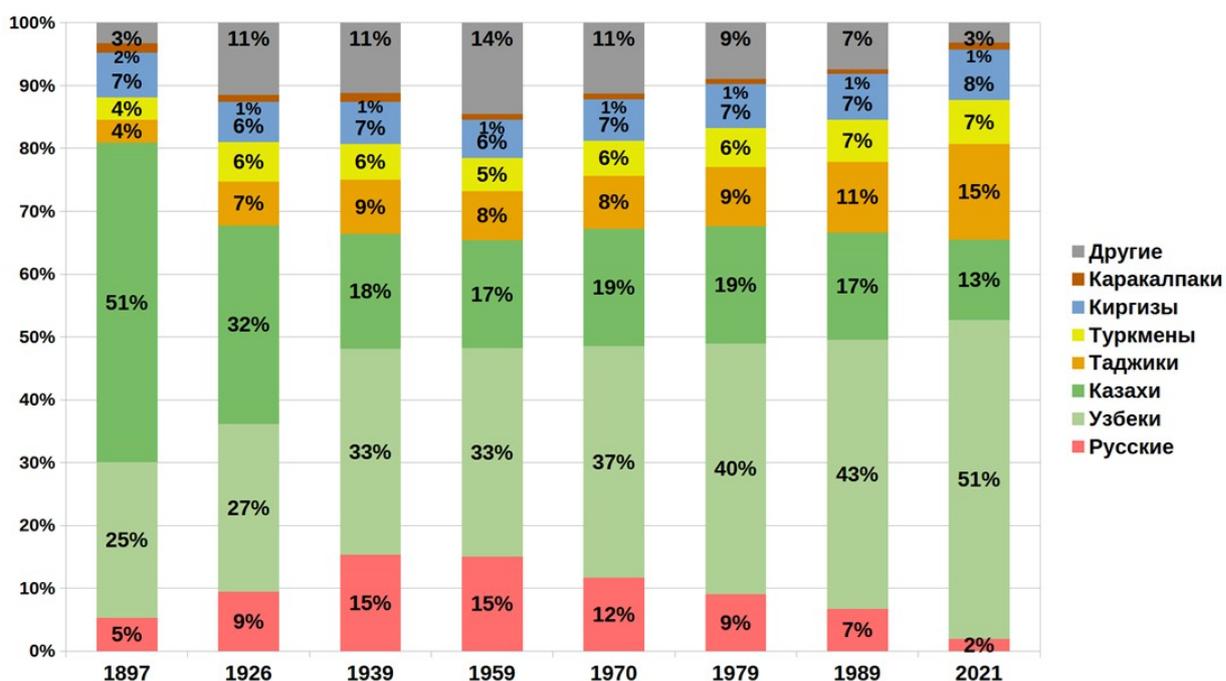

Рисунок 11 — Изменение этнической структуры сельского населения Центральноазиатского региона между переписями 1897 и 2020/2022 гг. (составлено автором по [265–270])

В 2021 г. в сельской местности удельный вес нетитульных народов сократился до 5 % (2 % — русские), что даже ниже, чем в 1897 г. При этом более половины сельских жителей региона сейчас составляют узбеки (51 %), а казахи (13 %), которые занимали вторую позицию на протяжении большей части советского периода (а в 1926 г. были даже лидерами), уступили его в последнее время таджикам (15 %).

2.2 Изменение этнической структуры населения республик региона с 1926 года по начало 2020-х годов

2.2.1 Динамика численности и этнической структуры населения республик региона

Наиболее многонаселенной республикой Центральноазиатского региона в настоящее время является Узбекистан (рис. 12). В 2021 г. численность

населения республики составляла 34,56 млн чел., которая по сравнению с 1926 г. выросла в 7,28 раза (в 1926 г. — 4,75 млн чел.). С 1926 по 1989 гг. рост населения республики составил 4,17 раза, с 1989 по 2021 гг. — 1,74 раза.

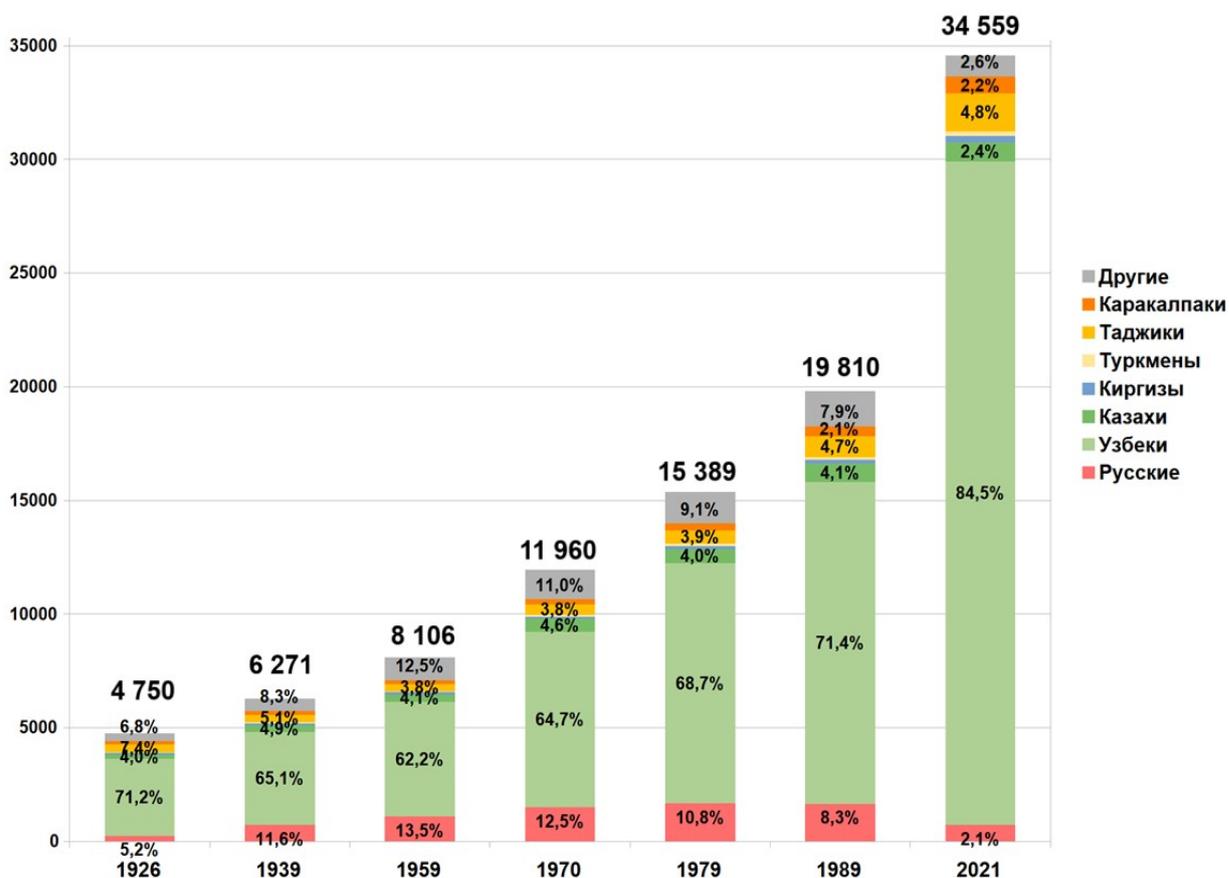

Рисунок 12 — Изменение численности и этнической структуры населения Узбекистана между переписями 1926 и 2021 гг. (составлено автором по [266; 268; 270])

Максимальная доля некоренных народов региона в Узбекистане пришлось на 1959 г., когда доля русских достигала 13,5 %, а других некоренных народов — 12,5 %. В этом же году была минимальной доля титульного народа республики — 62,2 %. К 1989 г. доля русских в населении республики уменьшилась до 8,3 %, а узбеков — выросла до 71,4 %, превысив уровень 1926 г. К 2021 г. доля русских сократилась до 2,1 %, а удельный вес узбеков достиг 84,5 %.

Однако по доле титульного населения республика занимает среднее место в Центральноазиатском регионе, в ее этнической структуре представлено

несколько достаточно многочисленных этнических групп. Наиболее крупной из этнических групп Узбекистана в настоящее время являются таджики (4,8 % в 2021 г.), доля которых была максимальной в 1926 г. (7,4 %), а минимальную зафиксировали переписи населения 1959 и 1970 гг. (3,8 %), после чего их удельный вес стал медленно расти.

Второй по величине этнической группой Узбекистана являются казахи (2,4 % в 2021 г.), но их удельный вес в течение периода с 1959 по 1979 гг. превышал долю таджиков, составляя свыше 4 %. Особенно значительное уменьшение удельного веса казахов (на 1,7 п.п.) произошло в период с 1989 по 2021 гг. Третьими по численности являются каракалпаки (2,2 % в 2021 г.), которые рассматриваются также и как один из титульных народов Центральноазиатского региона, т.к. у них имеется своя республика, входящая в состав Узбекистана. Их доля немного выросла в постсоветский период, но в тройку лидирующих этнических групп в Узбекистане каракалпаки вошли по причине резкого падения удельного веса русских.

Второй по численности населения республикой Центральноазиатского региона является Казахстан (19,2 млн чел. в 2021 г., 20,3 млн чел. в 2025 г.) (рис. 13). В динамике численности населения республики с 1926 г. по 2020-е гг. наблюдались как падения (с 1926 по 1939 гг., и с 1989 по 1999 гг.), так и рост (с 1939 по 1989 гг. и с 1999 г. по настоящее время). Первое падение численности населения республики (в 1920–30-е гг. было вызвано резким сокращением численности казахов (их доля между 1926 и 1939 гг. уменьшилась с 58,5 % до 37,8 %), которое не компенсировалось даже значительным притоком русского населения (рост доли в этот период с 20,6 до 40 %).

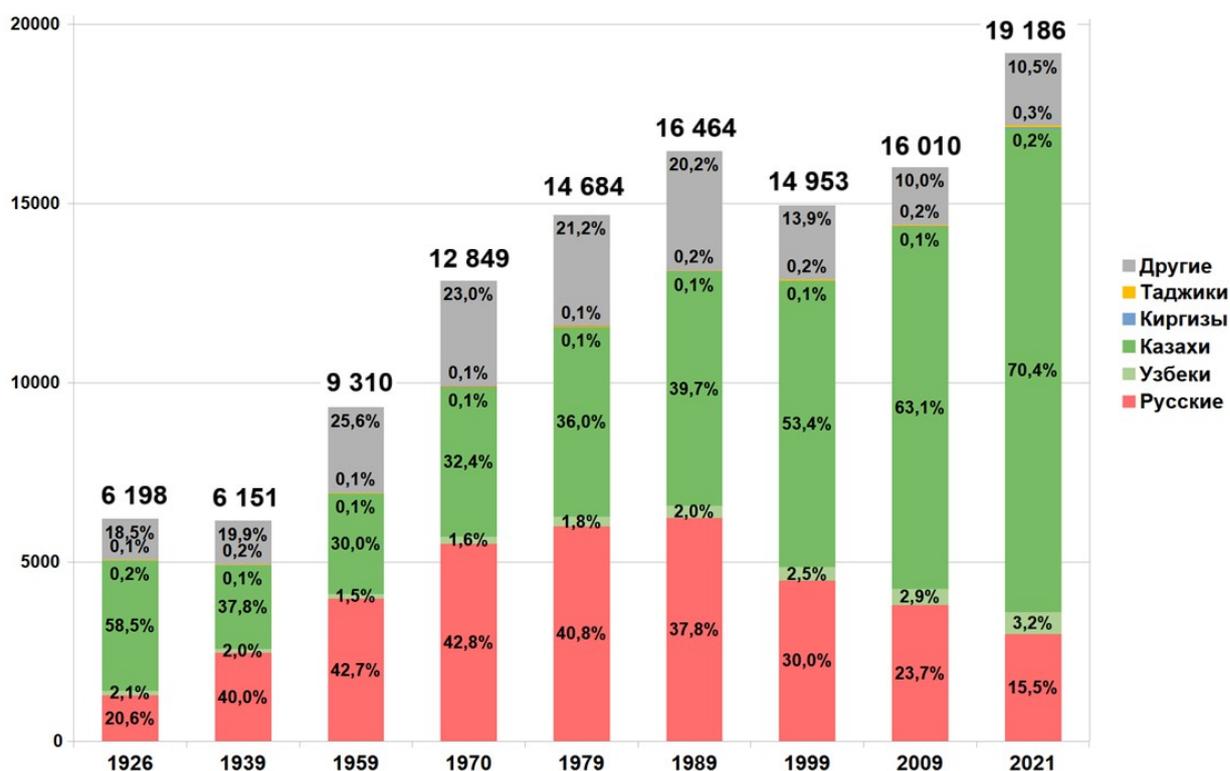

Рисунок 13 — Изменение численности и этнической структуры населения Казахстана между переписями 1926 и 2021 гг. (составлено автором по [265; 266; 270])

К 1959 г. доля казахов сократилась еще больше — до 30 %, что было связано с миграционным притоком других народов с целью освоения целины на севере Казахстана (доля русских к 1959 г. выросла до 42,7 %, а других некоренных народов — до 25,6 %). Доля русских в Казахстане достигла максимума в 1970 г. (42,8 %), однако доля других некоренных народов республики начала уменьшаться (23 %), а доля казахов — расти (до 32,4 %). В дальнейшем наблюдался только рост доли титульного этноса республики, достигнувшей максимума в настоящее время (71,3 % в 2025 г.), происходивший на фоне падения доли русских (до 14,6 % в 2025 г., т.е. на 28,2 п.п. по сравнению с 1970 г.) и других некоренных народов (до 10,5 % в 2021 г., т.е. на 15,1 п.п. по сравнению с 1959 г.).

Таким образом, начиная с переписи населения 1939 г. и вплоть до начала 1980-х гг. казахи являлись этническим меньшинством в своей республике

(с долей менее 38 %), уступая лидерство русскому населению (составлявших свыше 40 % населения Казахстана). Лишь последняя советская перепись 1989 г. зафиксировала превышение доли казахов над русскими (39,7 % против 37,8 %). Ускорившийся после распада СССР миграционный отток русского населения и других некоренных народов привел к сокращению численности Казахстана в первое постсоветское десятилетие (с 16,5 до 15 млн чел.). Но одновременно ускорился демографический рост титульного этноса, сопровождавшийся притоком казахов из-за рубежа республики, и уже к 1999 г. их доля превышала половину населения Казахстана (53,4 %). В дальнейшем темпы роста титульного этноса еще более возросли, компенсируя миграционный отток нетитульного населения, и в XXI в. обозначилось стабильное увеличение населения Казахстана.

Из других этнических групп Казахстана нужно особо отметить узбеков, доля которых выросла в период между 1959 и 2025 гг. с 1,5 % до 3,3 %. также в число сравнительно крупных этнических групп в Казахстане, кроме русских (14,6 % в 2025 г.), ныне входят украинцы (1,8 %), уйгуры (1,5 %), немцы (1,1 %), татары (1,08 %), азербайджанцы (0,8 %) и корейцы (0,6 %).

Третьей по численности населения республикой региона является Таджикистан (рис. 14). Население Таджикистана выросло с 1926 по 2020 гг. в 11,7 раза (с 827 тыс. чел. до 9,7 млн чел.). Минимальной была доля титульного этноса в Таджикистане в 1959 г. (53,1 %), к 2020 г. удельный вес таджиков в населении республики достиг 86,1 %. Причем вторым этническим компонентом в республике всегда были узбеки, их доля была достаточно стабильной в течение всего советского периода (21,2 % в 1926 г., 23,5 % в 1989 г.), но значительный рост доли титульного этноса в постсоветский период был связан именно с более чем двукратным падением доли узбеков (до 11,3 %).

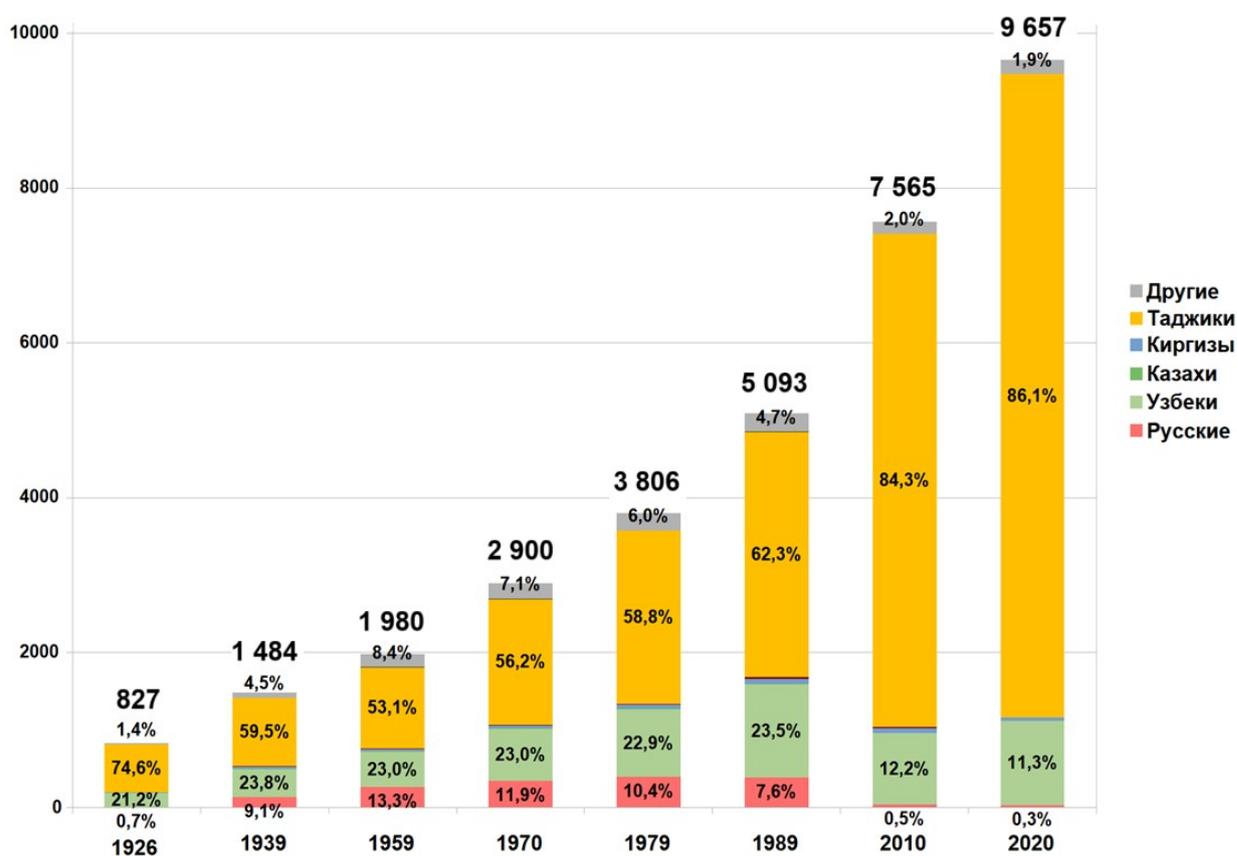

Рисунок 14 — Изменение численности и этнической структуры населения Таджикистана между переписями 1926 и 2020 гг. (составлено автором по [266; 270])

Хотя нужно отметить также и почти полное выбытие из Таджикистана русского населения, доля которого была максимальной в 1959 г. (13,3 %), к концу советского периода (1989 г.) сократилась до 7,6 %, а в 2020 г. составила всего 0,3 %. Также крайне низкой является доля других некоренных народов Центральноазиатского региона (1,9 % в 2020 г.).

Четвертой по численности населения республикой региона является Туркменистан (рис. 15), численность жителей которого с 1926 по 2022 гг. выросла более чем в 7 раз (с 1,0 до 7,05 млн чел.), причем наиболее интенсивный рост (в 2 раза) пришелся на постсоветский период. Наименьшая доля титульного этноса в республике была зафиксирована в 1939 г. (59,2 %), когда была максимальной доля русского населения (18,6 %). В дальнейшем происходило

падение доли русских (до 9,5 % в 1989 г. и до 1,6 % в 2022 г.) и увеличение удельного веса титульного этноса (до 72 % в 1989 г. и до 86,7 % в 2022 г.).

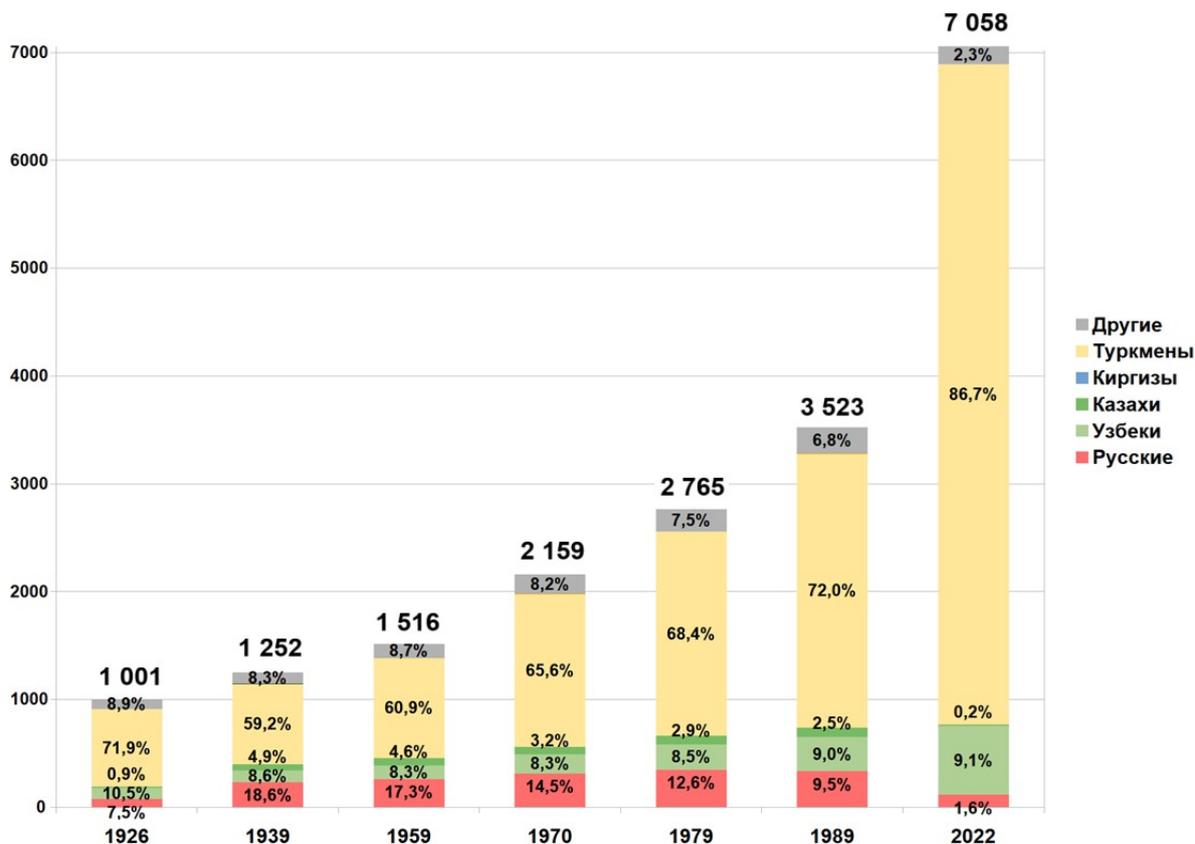

Рисунок 15 — Изменение численности и этнической структуры населения Туркменистана между переписями 1926 и 2020 гг. (составлено автором по [265–270])

Ныне первой по численности этнической группой Туркменистана являются узбеки, их доля в 2022 г. составила 9,1 %. Их удельный вес на протяжении всего периода с 1926 г. характеризуется относительной стабильностью, укладываясь в пределы от 8,3 % (1959 и 1970 гг.) до 10,5 % (1926 г.). Из других этнических групп нужно отметить казахов, доля которых была максимальной в 1939 г. (4,9 %), а к 2022 г. сократилась до 0,2 %.

На пятую позицию среди республик Центральной Азии по численности населения в постсоветский период перешел Кыргызстан (Киргизия), уступив четвертое место Туркменистану (Туркмении). Хотя численность населения республики достаточно стабильно росла в течение всего периода с 1926 г. (рост с

1926 по 2022 гг. был почти семикратный) (рис. 16), но проведенные в республиках в 2022 г. переписи населения показали все-таки небольшое отставание Кыргызстана от Туркменистана (на 122 тыс.).

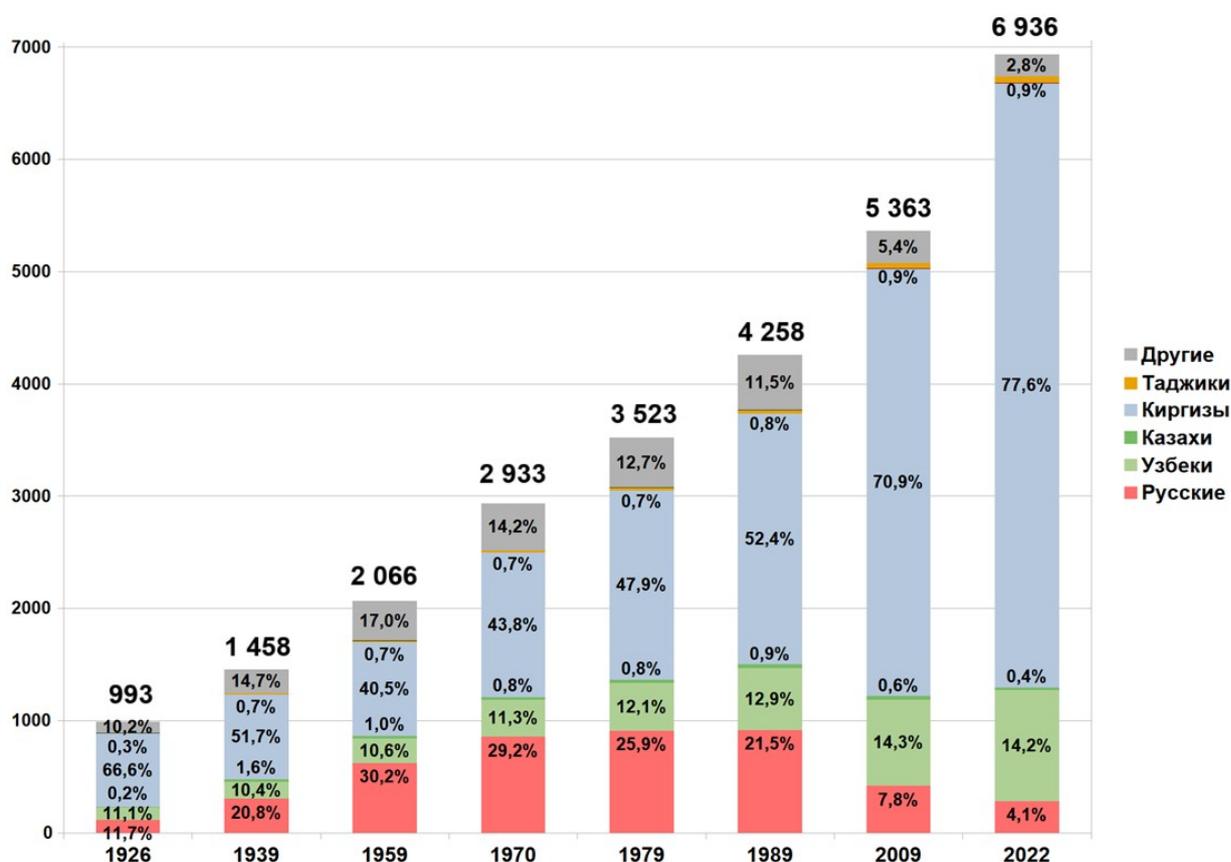

Рисунок 16 — Изменение численности и этнической структуры населения Кыргызстана между переписями 1926 и 2020 гг. (составлено автором по [265–270])

Заметную роль в отставании Кыргызстана от Туркменистана по численности населения в постсоветский период сыграл значительный миграционный отток русского населения и других нетитульных народов. Доля русских в населении республики была максимальной в 1959 г. (30,2 %), которая начала сокращаться еще в советское время (в 1989 г. — 21,5 %), но резко уменьшилась в постсоветское время (до 4,1 % в 2022 г.). Доля других нетитульных народов снизилась с 17,0 % в 1959 г. до 11,5 % в 1989 г., и до 2,8 % в 2022 г. Доля титульного народа в населении Киргизии была минимальной в 1959 г. (40,5 %), и вплоть до 1980-х гг. составляла менее половины населения

республики. Но в постсоветское время обозначился ускоренный рост численности и доли киргизов, и их удельный вес с 1989 по 2022 гг. вырос с 52,4 % до 77,6 %. На второе место среди этнических групп в Кыргызстане в постсоветское время перешли узбеки, их доля в 2022 г. составляла 14,2 %. С 1939 г. доля узбеков в Киргизии медленно, но стабильно росла, прибавив за это время 3,8 п.п.

И, наконец, рассмотрим динамику численности и этнической структуры населения Каракалпакстана, который имеет статус республики в составе Узбекистана (рис. 17).

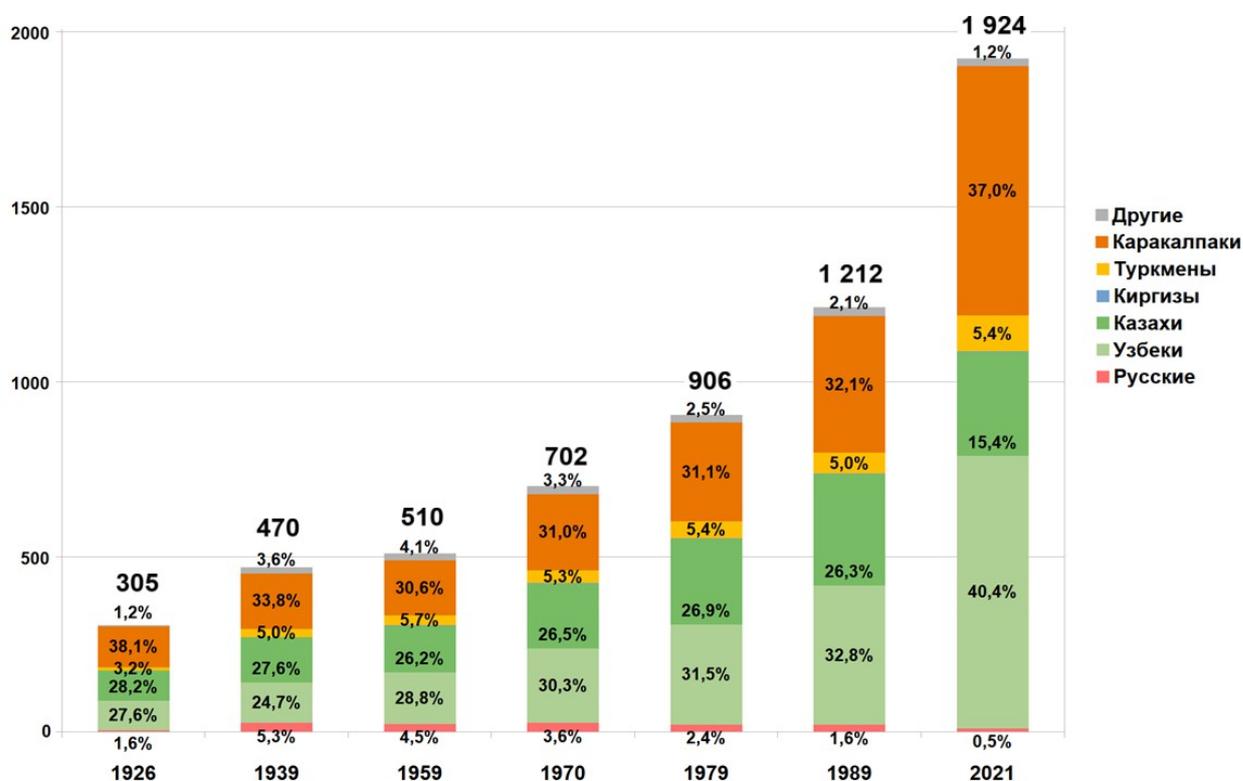

Рисунок 17 — Изменение численности и этнической структуры населения Каракалпакстана между переписями 1926 и 2021 гг. (составлено автором по [266; 268; 270])

Численность населения Каракалпакстана с 1926 по 2021 гг. выросла с 305 тыс. чел. до 1,9 млн чел., т.е. в 6,3 раза. Население Каракалпакстана традиционно включает три сопоставимых по численности этнических компонента — каракалпаков, узбеков и казахов. Доля каракалпаков на

протяжении всего периода с 1926 г. превышала 30 % населения автономии, но по результатам переписей населения с 1979 г. по настоящее время они уступают узбекам, доля которых также превзошла 30 % [151]. Наиболее значительный перевес узбеков (40,4 %) над каракалпаками (37,0 %) обозначился по итогам переписи населения 2021 г.

Однако нужно отметить, что рост удельного веса и узбеков, и каракалпаков в постсоветский период связан с резким падением доли казахов. Удельный вес последних в населении автономии стабильно уменьшался с 1926 г. (28,2 %, когда они по численности уступали только каракалпакам, превосходя узбеков) по настоящее время (в 2021 г. их доля составляла всего 15,4 %, но при этом узбекам они начали уступать уже с 1959 г.). Еще одним заметным этническим компонентом в населении Каракалпакстана являются туркмены. Их доля была относительно стабильной, превышая на протяжении почти всего периода 5 % (5,4 % в 2021 г.), за исключением 1926 г. (3,2 %).

2.2.2 Изменение этнической однородности городского и сельского населения республик региона

Как было отмечено выше, для оценки степени этнической однородности территорий в исследовании используется индекс этнической однородности (ИЭО) — показатель, противоположный индексу этнической мозаичности (ИЭМ). Ранее исследователями была рассчитана величина ИЭМ в пределах Центральноазиатского региона по итогам переписей населения между 1897 г. и рубежом первого и второго десятилетий XXI в. [126; 256]. Однако не была изучена динамика ИЭМ отдельно для городского и сельского населения региона, что представляет самостоятельный научный интерес.

Общей закономерностью динамики ИЭО с 1926 г. по начало 2020-х гг., как в пределах региона исследования, так и отдельно в республиках Центральной Азии, является снижение показателя до 1939 г., затем некоторая стабилизация ИЭО (с заметной тенденцией к росту) вплоть до конца советского периода

(последней советской переписи населения 1989 г.) и резкое увеличение индекса этнической однородности в постсоветское время (рис. 18).

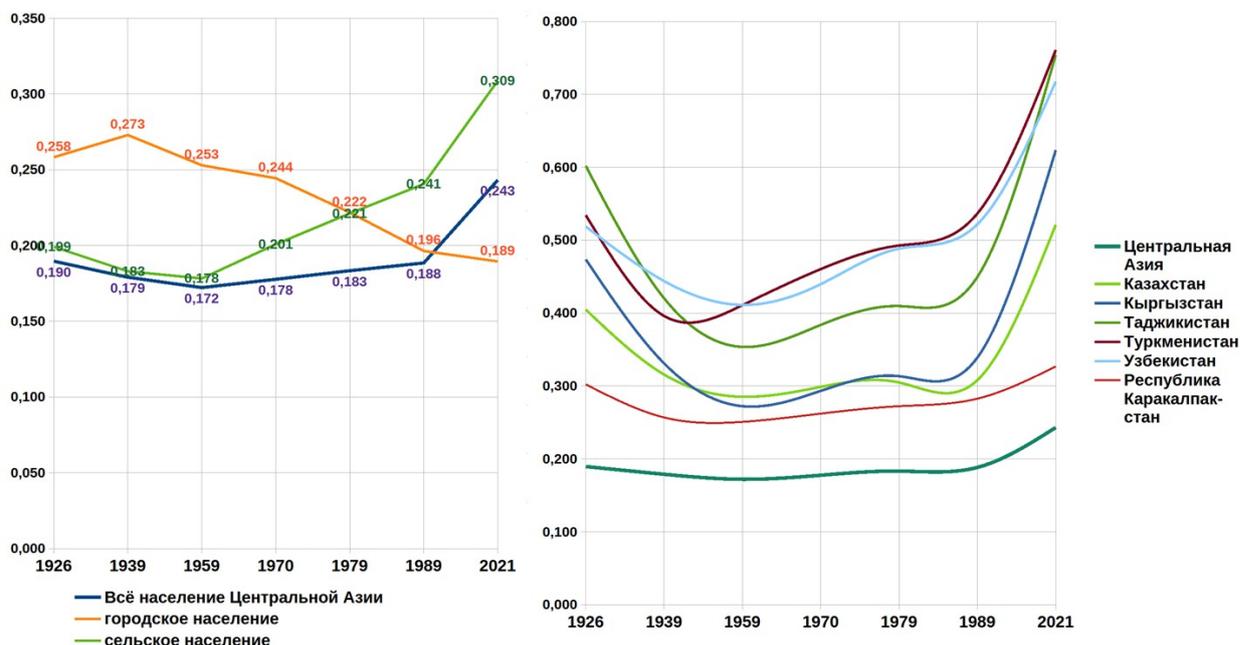

Рисунок 18 — Динамика индекса этнической однородности в пределах Центральной Азии (все население, городское и сельское население) и по республикам региона с 1926 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

Но нужно учесть, что в пределах Центральноазиатского региона в период исследования достаточно многочисленными были шесть этносов, пять из которых являются титульными народами республик (шестой многочисленный этнос — русские), и изменение величины ИЭО в пределах всего региона в большей мере связана с динамикой численности и соотношением удельного веса трех наиболее крупных из этих этносов — узбеков, казахов и русских, который в постсоветский период по сути заменили таджики (см. рис. 8).

Динамика ИЭО среди городского населения Центральноазиатского региона определяется также изменением соотношения удельного веса представителей обозначенных этносов, но в большей мере зависит от доли русского этноса (см. рис. 10), а среди сельского населения — от доли узбеков (см. рис. 11). Так, с началом падения доли русских в городском населении

Центральноазиатского региона с 1939 г. обозначился тренд на уменьшение ИЭО среди городского населения (см. рис. 18). А явный тренд на увеличение этнической однородности сельского населения с 1959 г. обозначился благодаря стабильному росту доли узбеков среди сельских жителей региона.

Особенности динамики ИЭО в республиках Центральноазиатского региона связаны с изменением соотношения главных компонентов этнического пространства республик, к которым в советский период относились титульные народы республик и русское население. Приток русских в Центральноазиатский регион в период с 1926 по 1959 гг. способствовал снижению этнической однородности республик. С 1959 по 1989 гг. медленный рост этнической однородности республик объясняется более высоким естественным приростом титульных народов по сравнению с русским населением, и начавшимся оттоком русских из Центральноазиатского региона. В постсоветский период ускорился отток из региона как русского населения, так и других нетитульных народов, что, вместе с увеличившимся естественным приростом коренного населения, привело к резкому росту удельного веса титульных народов, а значит, и ИЭО во всех республиках Центральной Азии.

На протяжении почти всего периода с 1926 г. по начало 2020-х гг. лидерство по этнической однородности удерживали Туркменистан (Туркмения) и Узбекистан, но в постсоветское время по ИЭО их догнал ранее несколько отстававший Таджикистан. Наименее этнически однородными среди республик региона на протяжении всего периода были Кыргызстан (Киргизия) и Казахстан (см. рис. 18). Хотя формально лидерство по этнической неоднородности следует отдать Каракалпакстану, однако он рассматривается «вне конкурса» среди республик региона, т.к. является автономной частью Узбекистана.

Динамика ИЭО среди городского и сельского населения Узбекистана имело схожие тренды, но при этом сельское население всегда было намного более этнически однородным (рис. 19).

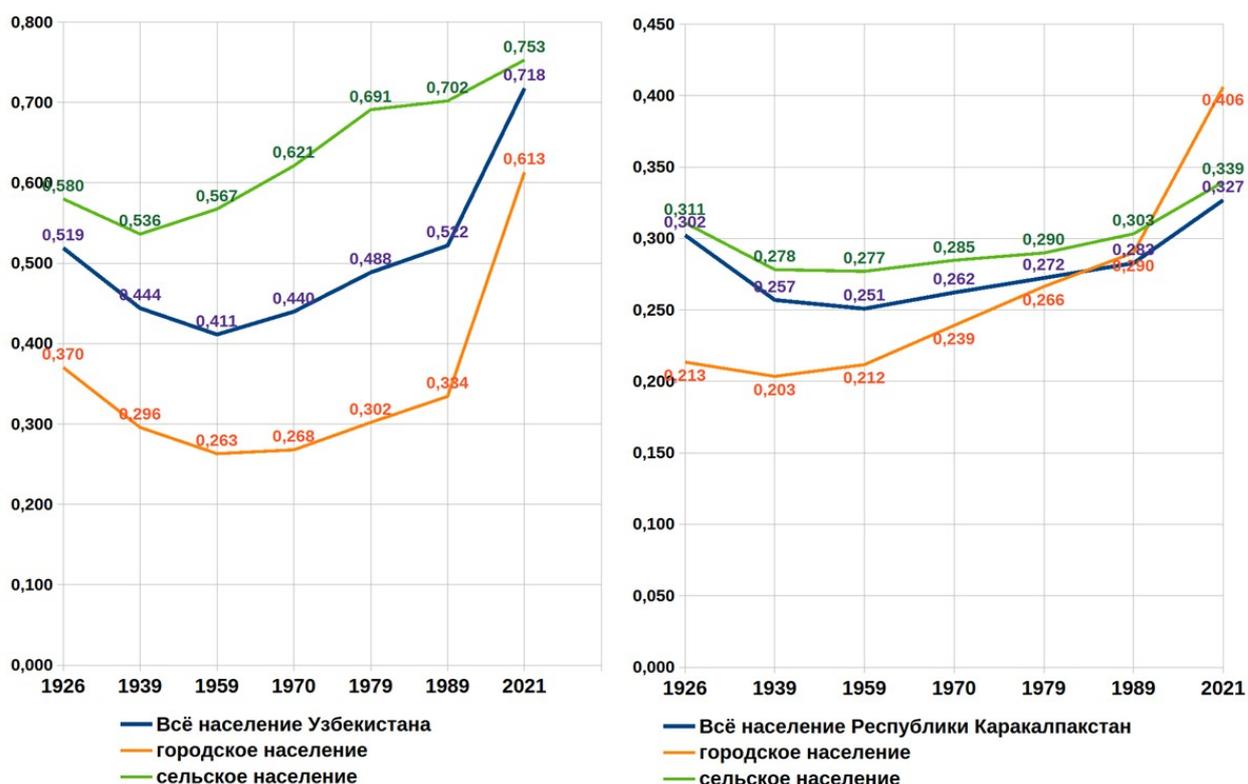

Рисунок 19 — Динамика индекса этнической однородности в Узбекистане и Каракалпакстане (все население, городское и сельское население) с 1926 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

Однако в постсоветский период индекс этнической однородности городского населения резко вырос, лишь немного не дотянув до величины индекса для сельского населения. В Каракалпакстане, являющемся автономией Узбекистана, разница между уровнем этнической однородности городского и сельского населения в советский период была небольшой, а в постсоветское время городское население стало даже более этнически однородным, чем сельское.

На протяжении большей части советского времени этническая однородность городского населения Казахстана была выше, чем сельского (рис. 20), что объясняется преобладанием в городах русского населения, в то время как в сельской местности была очень пестрая этническая структура населения.

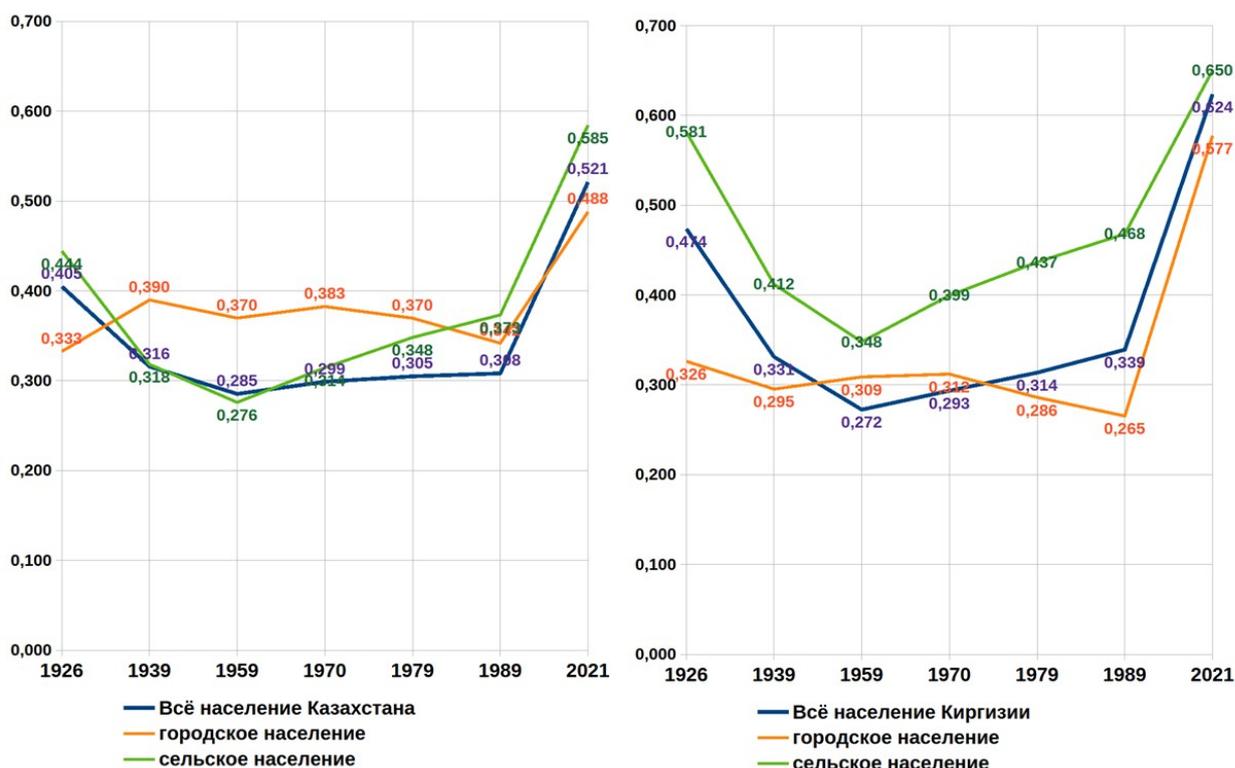

Рисунок 20 — Динамика индекса этнической однородности в Казахстане и Киргизии (все население, городское и сельское население) с 1926 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

Тем не менее, в постсоветский период в сельской местности Казахстана ИЭО стал даже выше, чем в городских поселениях, хотя и в последних ИЭО также сильно вырос из-за выезда русского населения. В Киргизии, наоборот, большую часть периода в сельской местности ИЭО был выше. При этом в городских поселениях индекс однородности резко вырос в постсоветский период, когда там произошла почти полная замена русского населения на титульный этнос.

Динамика ИЭО среди городского и сельского населения Туркмении и Таджикистана (рис. 21) имеет сходство с аналогичной динамикой в Узбекистане (см. рис. 19). Но, во-первых, нужно отметить очень высокий уровень этнической однородности сельской местности Туркмении на протяжении всего советского периода. Во-вторых, в Таджикистане этническая однородность городского населения в постсоветский период стала даже выше, чем сельского, что

объясняется почти полным выездом русских из республики, где ранее они проживали преимущественно в городских поселениях.

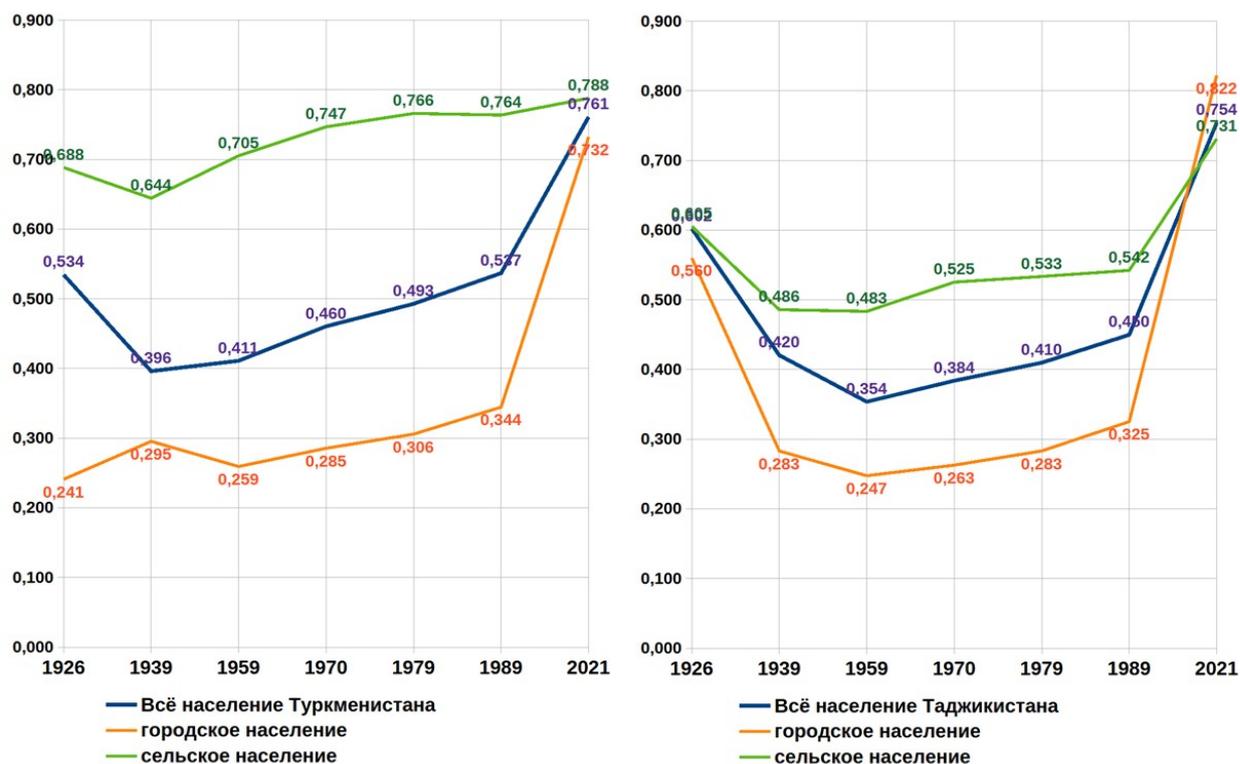

Рисунок 21 — Динамика индекса этнической однородности в Туркмении и Таджикистане (все население, городское и сельское население) с 1926 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [266; 267; 270])

2.3 Изменения в распределении коренных народов Центральной Азии по республикам Российско-Центральноазиатского региона с 1939 г. по начало 2020-х гг.

Как было отмечено в методических разделах диссертации, для анализа расселения этносов в пределах государства или групп стран используется коэффициент этнической концентрации (КЭК), показывающий долю представителей этноса, проживающих в конкретной административно-территориальной единице, от общей численности этноса в пределах региона исследования [216–218; 146]. В данном разделе КЭК рассчитан по итогам переписей населения с 1939 г. по начало 2020-х гг. для наиболее

многочисленных коренных этносов Центральной Азии, являющихся титульными в республиках региона. Но анализируется распределение представителей этих этносов не по административно-территориальным единицам, а по республикам в пределах Российско-Центральноазиатского региона.

На изменение в распределении народов по территориальным ячейкам в разные временные интервалы влияют те же факторы, что и на динамику их численности на конкретной территории — естественное движение, миграции и ассимиляционные процессы. Однако, в качестве более значимых факторов следует отметить миграционные и ассимиляционные процессы, т.к. естественное движение этносов в большей мере определяется культурной традицией и не очень значительно дифференцируется в региональном плане.

Уровень концентрации узбеков на территории своей республики характеризовался значительной стабильностью в советское время (в пределах от 84 до 85 %), однако в постсоветский период вырос до 88,9 % (рис. 22).

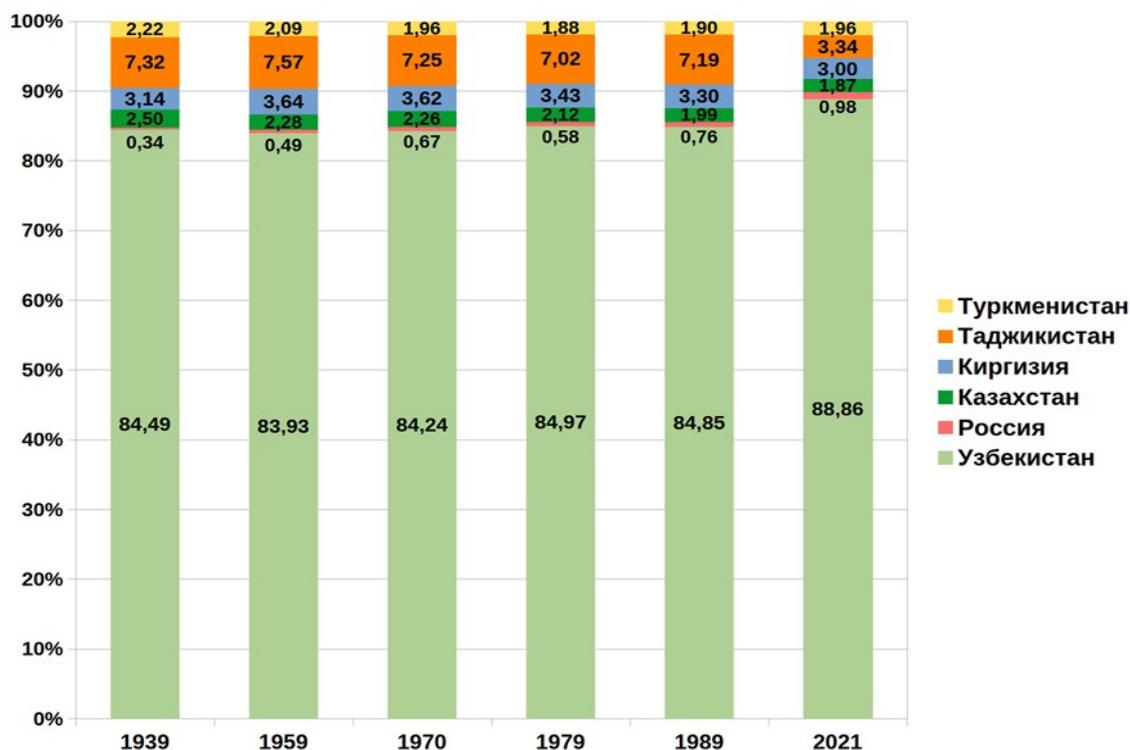

Рисунок 22 — Изменение коэффициента этнической концентрации узбеков в республиках Российско-Центральноазиатского региона с 1939 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

Последнее связано с более чем двукратным уменьшением их концентрации в Таджикистане (с 7,19 % в 1989 г. до 3,34 % в начале 2020-х гг.). Это может быть объяснено как миграционным оттоком узбеков из Таджикистана, так и их ассимиляцией (точнее, их обозначением как таджиков). Концентрация узбеков в других республиках Российско-Центральноазиатского региона изменялась незначительно. Так, концентрация узбеков в Киргизии в исследуемый период держалась на уровне от 3,00 % до 3,64 %, в Казахстане — от 1,87 % (в 2021 г.) до 2,50 % (в 1939 г.), в Туркмении — от 1,88 % (в 1979 г.) до 2,22 % (в 1939 г.), в России — от 0,34 % (в 1939 г.) до 0,98 % (в 2021 г.). В постсоветский период (точнее, с 1989 г.) концентрация представителей титульного этноса Узбекистана, кроме своей республики, выросла в Российской Федерации (на 0,22 п.п.) и в Туркменистане (на 0,06 п.п.), и уменьшилась в остальных республиках.

Уровень концентрации казахов в своей республике имел общую тенденцию к росту на протяжении всего периода с 1939 г., за исключением небольшого сбоя в период между переписями населения 1979 и 1989 гг. (рис. 23).

Рисунок 23 — Изменение коэффициента этнической концентрации казахов в республиках Российско-Центральноазиатского региона с 1939 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

В советское время КЭК казахов в своей республике вырос с 75,38 % до 80,52 %, а в постсоветский период поднялся сразу почти на 10 п.п., достигнув 90,23 % в 2021 г. Наиболее значительно КЭК казахов сократился в России (с 11,55 % в 1939 г. до 7,84 % в 1989 г. и до 3,95 % в 2021 г.), что, вероятнее всего, связано с ассимиляцией казахов в Российской Федерации, не компенсируемой их миграциями в Россию в постсоветский период. Вместе с тем, в постсоветское время произошло пополнение представителей титульного этноса в самом Казахстане за счет миграционного притока казахов из других стран — Китая, Монголии и др. Вероятно, с этим же связано падение КЭК казахов в Узбекистане (с 9,96 % в 1989 г. до 5,49 % в 2021 г.), хотя в советское время данный показатель держался примерно на одном уровне (между 9,27 % и 10,39 %). Также следует отметить значительное уменьшение КЭК казахов в Туркменистане (с 1,08 % в 1989 г. до 0,08 % в 2021 г.), который также мало изменялся в советский период (между 1 и 2 %).

Менее значительно в постсоветский период увеличился в своей республике КЭК киргизов — с 88,31 % в 1989 г. до 90,7 % в начале 2020-х гг. (рис. 24).

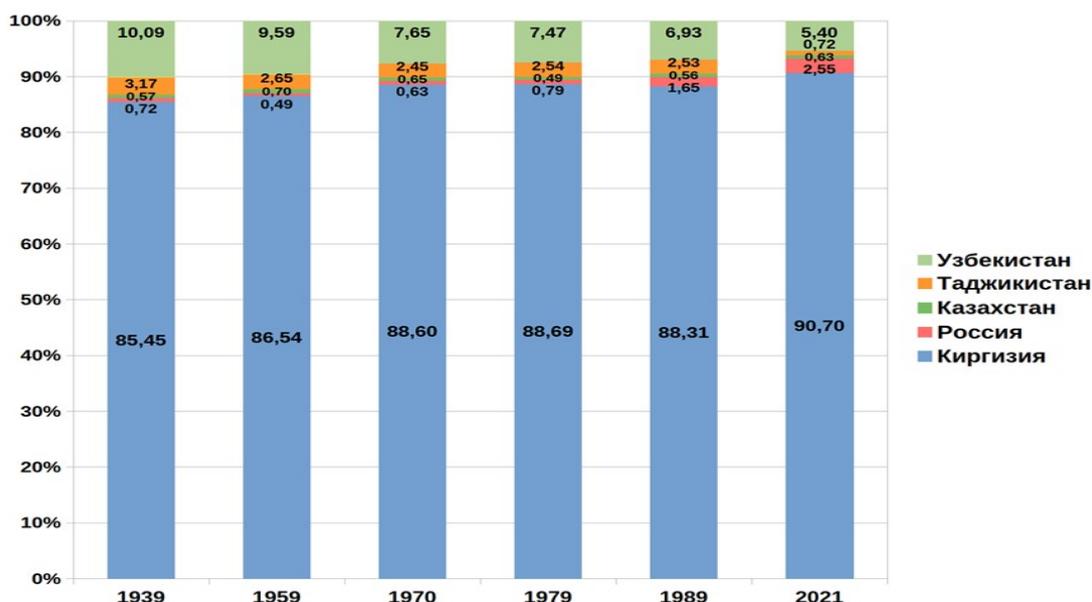

Рисунок 24 — Изменение коэффициента этнической концентрации киргизов в республиках Российско-Центральноазиатского региона с 1939 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

Но и на протяжении советского периода наблюдался рост концентрации киргизов в Киргизии (с 85,45 % в 1939 г.). Происходило это благодаря постепенному, но стабильному уменьшению КЭК киргизов в Узбекистане (с 10,09 % в 1939 г. до 5,40 % в начале 2020-х гг.) и в Таджикистане (с 3,17 % в 1939 г. до 2,53 % в 1989 г., и до 0,72 % в начале 2020-х гг.). Это объясняется, в первую очередь, приведением этнических ареалов в Ферганской долине в большее соответствие с политическими границами. Частично уменьшение КЭК в Узбекистане и Таджикистане компенсировалось ростом КЭК киргизов в России (с 0,72 % в 1939 г. до 1,65 % в 1989 г. и 2,55 % в начале 2020-х гг.), что связано с ростом миграций киргизов в Российскую Федерацию по экономическим причинам.

Уровень концентрации таджиков в Таджикистане в советское время имел тенденцию к росту (за исключением небольшого падения с 1979 по 1989 гг.), хотя в целом в этот период нужно отметить достаточно низкие значения КЭК таджиков в своей республике (71,99 % в 1939 г., 77,32 % в 1979 г., 75,42 % в 1989 г.). В постсоветский период данный показатель подтянулся, достигнув 79,92 % в начале 2020-х гг. (рис. 25).

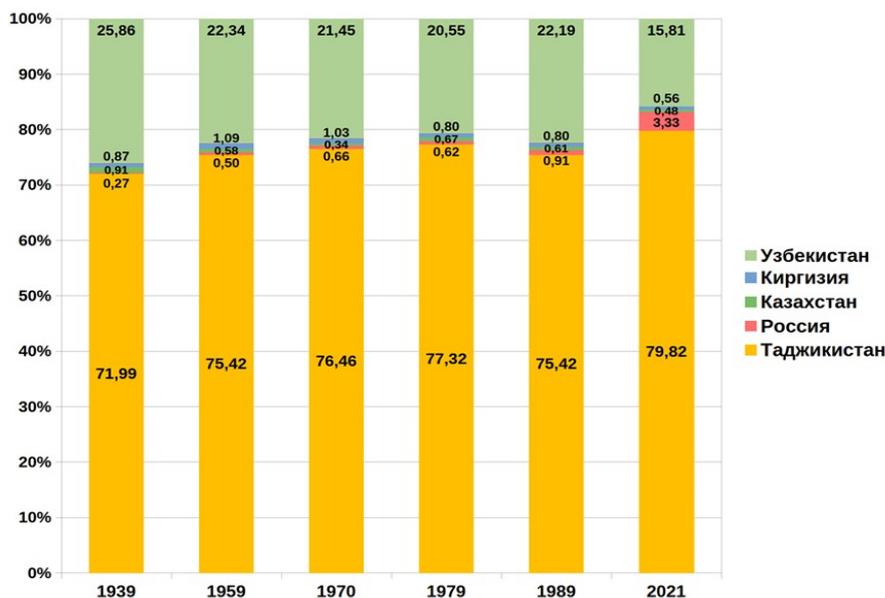

Рисунок 25 — Изменение коэффициента этнической концентрации таджиков в республиках Российско-Центральноазиатского региона с 1939 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

Последнее является следствием уменьшения КЭК таджиков в Узбекистане (25,86 % в 1939 г., 22,19 % в 1989 г. и 15,81 % в начале 2020-х гг.), что могло произойти как по причине миграционного оттока, так и ассимиляции таджиков. Но в постсоветский период сильно вырос КЭК таджиков в Российской Федерации (с 0,91 % в 1989 г. до 3,33 % в начале 2020-х гг.), что объясняется значительным миграционным потоком таджиков в Россию по экономическим причинам. Концентрация таджиков в Киргизии в течение периода исследования имела тенденцию к уменьшению (от 0,91 % в 1939 г. до 0,61 % в 1989 г. и 0,48 % в начале 2020-х гг.).

Наиболее высоким уровнем концентрации в своей республике характеризуются туркмены (рис. 26), причем этот показатель превышал 90 % на протяжении всего периода исследования (с 91,72 % в 1939 г., 93,15 % в 1989 г. и 95,85 % в начале 2020-х гг.).

Рисунок 26 — Изменение коэффициента этнической концентрации туркменов в республиках Российско-Центральноазиатского региона с 1939 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

Рост КЭЖ туркменов в своей республике в советское время и особенно в постсоветский период вызван уменьшением КЭЖ туркменов в Узбекистане (с 5,76 % в 1939 г. до 4,46 % в 1989 г. и 3,23 % в начале 2020-х гг.) и России (с 1,60 % в 1939 г. до 1,46 % в 1989 г. и 0,65 % в начале 2020-х гг.), что, возможно, связано в первую очередь с ассимиляционными процессами.

И, наконец, нужно отметить достаточно высокий уровень концентрации каракалпаков (рис. 27) в пределах своей автономии в составе Узбекистана, который превышает 90 % с 1959 г. (в 1939 г. составлял 85,43 %). К 2021 г. КЭЖ каракалпаков в своей республике достиг 94,13 %. За постсоветский период наблюдалось падение их концентрации в России (с 1,46 % в 1989 г. до 0,11 % в 2021 г.) и Туркменистане (с 0,72 % в 1989 г. до 0,32 % в 2021 г.). При этом максимальный уровень концентрации каракалпаков в Туркмении наблюдался в 1939 г. (1,91 %), а значит, в последующем он постепенно снижался. В России наибольший КЭЖ каракалпаков пришелся на конец советского периода, и в дальнейшем уменьшился, скорее всего, вследствие ассимиляции на фоне прекращения миграций из Каракалпакстана.

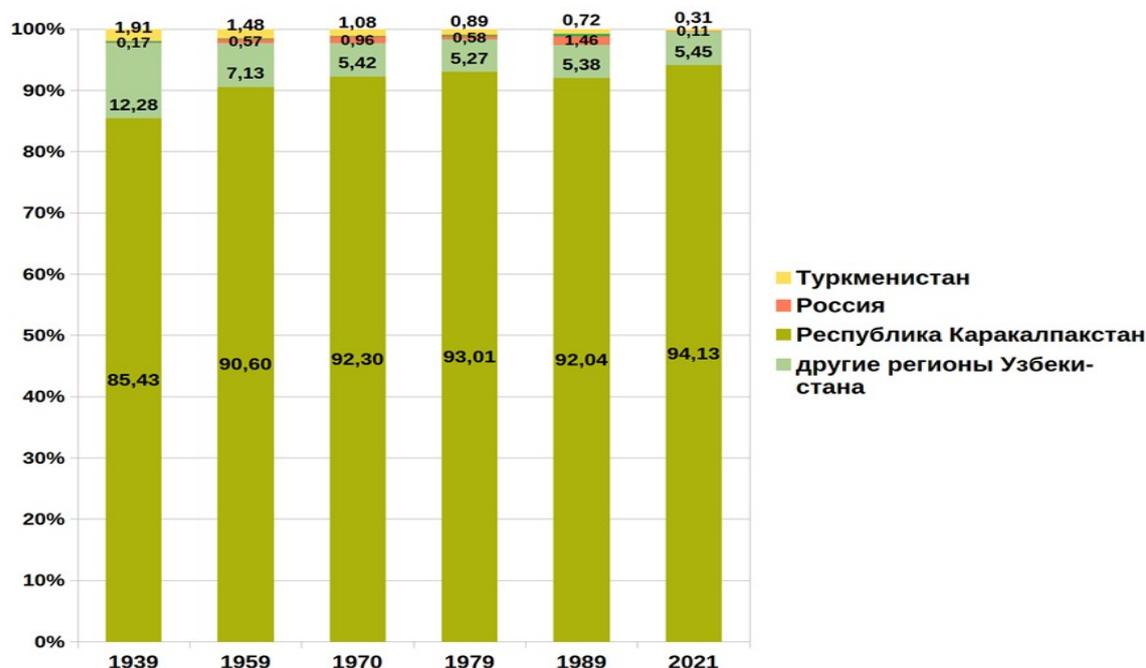

Рисунок 27 — Изменение коэффициента этнической концентрации каракалпаков в республиках Российско-Центральноазиатского региона с 1939 г. по начало 2020-х гг. (рассчитано автором по [265–270])

Выводы по главе 2. Существует значительное различие между динамикой уровня этнической однородности городского и сельского населения Центральной Азии. Этническая однородность сельского населения региона снижалась в первые десятилетия советской власти, и формально достигла минимума в 1959 г., после чего начался ее стабильный рост, ускорившийся в постсоветский период. Пик этнической однородности городских поселений в Центральной Азии был зафиксирован переписью 1939 г., но это было связано с тем, что тогда почти половину городского населения составляли русские, с уменьшением доли которых в последующем стала снижаться и этническая однородность городских поселений региона, достигшая в настоящее время минимума за последний столетний интервал.

Глава 3. Геоэтнокультурное пространство Центральной Азии до и после национально-территориального размежевания 1920–30-х гг.

3.1 Этническая ситуация в Центральной Азии в XVIII–XIX веках по материалам этнографических исследований

Вплоть до проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. этническую ситуацию на территории Центральной Азии можно обрисовать только на основе результатов этнографических исследований, как проведенных в то время [50; 61; 168 и др.], так и современных, где также дается оценка дореволюционных источников с позиции этнографической науки [5; 19; 35; 87; 120; 156; 170; 173; 190; 225 и др.]. Так, один из современных исследователей исторической этнографии Центральной Азии, С.Н. Абашин [4; 235] отмечает, что в XVIII в. среди населения Центральной Азии не было никакого порядка в отношении национальной идентичности. Идентификация происходила только по косвенным признакам: вероисповеданию, сословиям, хозяйственной принадлежности, территории проживания и по родовому делению.

Также С.Н. Абашин [2] подчеркивает, что самого понятия «Центральная Азия» не было, часть территорий региона подчинялась Кавказу, часть входила в состав Западно-Сибирского губернаторства. Это говорит о том, что административной целостностью регион не обладал. К тому же, территории Центральной Азии имели разную длительность существования в составе Российской империи. Интересно, что временной промежуток начала правления Российской империи (конец XVIII в.) в Туркестане исследован гораздо более детально, тогда как период 1900–1910 гг. отличается в общем скудностью информации и концентрируется только вокруг двух крупных событий — переселенческой политики и национального казахского движения. Туркестан был изначально не столь значим для метрополии, как, например, регионы Поволжья, Сибири и Кавказа, и идея «обрусения» территорий пришла сюда достаточно поздно. Еще одним существенным недостатком исследований региона автор

видит то, что его изучают, с одной стороны, русисты, ориентированные в большей степени на русскоязычные материалы, с другой стороны — востоковеды, ориентированные на документы, написанные на восточных языках, и на архивы, находящиеся преимущественно в восточных странах, а также на ученых — жителей Востока. В этих исследованиях нет единства, которое для данного региона необходимо.

С.П. Поляков в монографии «Историческая этнография Средней Азии и Казахстана» [170] создает достаточно полное представление о культуре этносов, населяющих данную территорию. Им дается развернутая характеристика хозяйства и социальной организации населения, при этом учитываются географические факторы. Одна из глав книги посвящена этнической истории Центральной Азии, там же приведена периодизация формирования этнического пространства региона, начиная с каменного века, и заканчивая XIX столетием. Народы Центральной Азии автором монографии разделены на две большие группы: 1) сформированные собственно на территории региона; 2) сформированные в результате переселения из других мест. В первую группу входят узбеки, казахи, таджики, киргизы, туркмены, каракалпаки, уйгуры, во вторую — ирани, евреи, курды, русские, украинцы, белорусы, дунгане, немцы, армяне, татары.

С.П. Поляков [170] подчеркивает, что для изучения этногенеза данной территории нет полного массива данных. Последнее началось с исследования происхождения этнонимов, но данный подход имеет ряд недостатков, т.к. в конечном итоге речь идет о лингвистическом анализе создания этнонимов, и этой работой занимаются в основном лингвисты скорее в рамках осмысления истории языка, нежели изучения формирования этносов. Но, несомненно, часть таких работ может быть включена в комплексное исследование культурных особенностей региона. Также автор приводит и другие методы изучения этногенеза, основанные на антропологических, исторических, политических, археологических и этнографических данных. На основе комплексного исследования, включающего в себя материалы из данных научных направлений,

автором монографии дается характеристика каждого этноса. В данных характеристиках заметное место занимает и географическая составляющая этногенеза.

С.Н. Брежнева [39] отмечает, что дореволюционный Туркестан представлял собой в этническом отношении пространство крайне неоднородное. Более того, понятие этничности совсем не было сформировано в сознании местных жителей. Они именовали себя либо по конфессиональной принадлежности, либо по территории, на которой они проживали. С завоеваниями Российской империей Туркестана вопрос о более глубоком и систематичном изучении этносов и племен, проживавших на данных территориях, начал решаться. Первоначально появлялись сведения о разделении народов на оседлые и кочевые. Затем были описаны киргизы. Сначала киргизами именовали всех казахов. Это объясняется ошибкой в официальных источниках, появившихся еще в XVIII в. С того времени в Российской империи казахов именовали киргизами, с разделением киргизов на киргиз-кайсаков (казаков, современных казахов), обитателей степных краев, и кара-киргизов (современных киргизов), преимущественно проживающих в горных районах. Причем представители этих двух групп враждовали.

С.Н. Абашин [4; 235] тоже обращает внимание на неопределенность этнического разграничения кара-киргизов и киргиз-кайсаков. В XVIII в. не существовало единого мнения о том, один ли это народ, или разные. К тому же, отдельно рассматривали еще и киргизов — жителей оазисов, противопоставленных степным и горным киргизам, которые вели оседлый образ жизни. Также выделяли близкие к ним племена кипчаков и кураминцев. Так что сохранял свою дискуссионность вопрос, кого именовать киргизами.

Киргиз-кайсаки и кара-киргизы являлись представителями кочевого населения. Оседлым населением являлись в основном многочисленные узбекские племена, являвшиеся потомками тюрков и персидских народов еще со времен древнего государства Согдианы. Отюреченное население бывшей Согдианы являлось наиболее развитым, здесь не было родоплеменного деления.

Много тюркских племен прибыло на территорию Центральной Азии в XIII в. и частично в XVI в., и принесло с собой этноним «узбек». Это такие народы, как мангыты, кунграты, конегесы, кипчаки. Туркмены являются потомками древнего тюркского этноса огузов (IX в.), которые впоследствии переселились на запад. Кроме них, территорию дореволюционного Туркестана населяли арабы, уйгуры, евреи и ногаи.

Отдельно нужно отметить таджиков, являющихся древним земледельческим народом персидского происхождения, попавшим под власть узбеков. В ходе взаимодействия узбеки переняли некоторые элементы культуры от таджиков. В качестве главного отличия данных этносов выступает язык. Так, таджики являются ираноязычными, а узбеки — тюркоязычными. Кроме таджиков, к иранской языковой группе индоевропейской семьи относились ирани (маври), цыгане — мазанг, люлли, джуги.

Тем не менее, исследователи подчеркивают также еще и проблему сложности этнического разграничения в дореволюционный период таджиков и узбеков, т.к. оба народа хорошо владели как персидским, так и узбекским языками, и имели сходства в ведении хозяйственной деятельности. Но современные исследователи приводят примеры из исторических источников, подчеркивающие, наоборот, различия между таджиками и узбеками. Так, в частности, таджики в дореволюционной литературе представлены как более благородные и образованные люди с более «интеллигентным» кротким нравом.

Ш.Д. Батырбаева [32] дает описание этнодемографической ситуации, сложившейся на территории Киргизии к началу XX в. Нужно отметить, что Киргизия в XIX в. не совпадала с современной территорией республики. В дореволюционный период Киргизия административно была разделена на две части: северную и южную. В северную часть включалась преимущественно территория Семиреченской области, в южную входила часть Ферганской долины с городом Ош. В XIX в. демографическая ситуация в данных областях в значительной степени определялась миграционными процессами. Заселение северной части Киргизии русским населением началось с 40-х гг. XIX в. и

происходило достаточно равномерно. В то время приграничные территории Российской империи обычно первоначально заселялись казаками. После завоевания северных территорий Киргизии в 1850-е — 1860-е гг. для укрепления позиций в новых районах сюда начали активно переселяться русские колонисты. Такая политика продолжалась до конца 80-х гг. XIX в. Далее, по причине нескольких периодов неурожайных лет в центральной части России вплоть до начала XX в., произошло переселение на территорию Киргизии достаточно больших масс русских крестьян. Новая переселенческая волна из Центральной России была связана с аграрной реформой Столыпина в 1904–1906 гг., в этот период на данные территории были переселены также выходцы из Украины.

Заселение южных территорий Киргизии началось позднее. Это было связано с тем, что завоевание южных земель (Кокандского ханства с близлежащей территорией) Российской империей произошло лишь в 1876 г. Таким образом Ш.Д. Батырбаева [32] подчеркивает, что к началу XX в. на территории Киргизии сформировалось полиэтничное пространство, обусловленное в большей мере миграционной политикой Российской империи.

Особо следует осветить проблему сартов, которая ставилась как в начале XX в. [168], так и поднимается в современных исследованиях, особенно С.Н. Абашина [1; 4] и Т.О. Омурзаковой [164]. Так, данными авторами отмечается, что этим этнонимом обозначали народ, переходный между таджиками и узбеками. Исследователи отмечают, что первоначально сартов относили скорее к таджикам, нежели к узбекам. Но некоторые этнографы считали, что это в корне не верно и настаивали на том, чтобы оставить этноним «сарты» для обозначения особого этноса. Во времена Российской империи этот народ являлся довольно крупным, имеющим развитые культуру и экономические связи. Также исследователи освещают вопрос исчезновения сартов, отмечая, что с 1886 г. употребление этнонима «сарт» вышло из оборота. Однако, сам вопрос, стоящий не только перед этнографами, но и населением дореволюционного Туркестана по поводу использования этнонима «сарты», уже

свидетельствовал о том, что в пределах региона появилось понимание в необходимости этнической самоидентификации.

Таким образом, в XIX в. Российская империя не ставила перед собой задачи административного управления посредством разделения территории Центральной Азии на национальные образования. При этом, изучение и осмысление национальностей Туркестана и киргизских степей выступало скорее в качестве интереса со стороны этнографической науки того времени. В последующем, а именно уже в XX в. при советской власти результаты этого научного интереса выросли в инструмент национально-территориального размежевания.

3.2 Геоэтнокультурное пространство региона в конце XIX века

3.2.1 Особенности Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года как источника по этнической географии Центральной Азии

Первая перепись населения на территории Центральной Азии, как и всей Российской империи, состоялась в 1897 г. Это единственный источник, официально представляющий данные об этнической обстановке в регионе на рубеже XIX и XX вв. К сожалению, документ имеет ряд недостатков, затрудняющих систематизацию и анализ данных. Во-первых, это неопределенность территории проведения переписи — в конце XIX в. еще не произошла территориальная реформа, и в перепись включены лишь данные по уездам различных областей. Во-вторых, документ не учитывает национальную самоидентификацию населения, единственным диагностическим признаком для определения этнической принадлежности является язык [90]. Но языковая принадлежность не всегда напрямую свидетельствует об этнической принадлежности, являясь лишь ее косвенным признаком. Поэтому для интерпретации данных потребовалось составление целого массива данных по языкам исследуемого региона и соответствующим этносам.

С.Н. Абашин [2; 4], обращаясь к материалам переписи населения 1897 г., акцентирует внимание на том, что многие исследователи впоследствии не руководствовались методикой, разработанной специально для этой переписи, что касалось и интерпретации результатов. Основанием послужило опять же, как отмечается и в других работах, не совсем корректное определение национальности, основанное лишь на результате опроса о родном языке.

Больше всего неточностей в материалах переписи населения 1897 г. касается территории Казахстана. Во-первых, границы современного Казахстана не совпадают с границами административных единиц в регионе по состоянию на конец XIX в., и это нужно учитывать при обработке результатов переписи. Во-вторых, самым существенным недостатком всей переписи в целом, и переписи Казахстана в частности, явилось отсутствие прямого вопроса о национальной принадлежности. Вместо этого в бланках обозначалась графа о родном языке. В связи с этим на современной территории Казахстана возникла еще одна сложность. Дело в том, что киргизский язык тогда соответствовал как национальности киргиз-кайсаки, т.е. казахам, так и кара-киргизам — собственно киргизам. По этой причине заполнение данных в графе «родной язык» интерпретировалось по-разному и создавало путаницу. Так, в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях киргизы были учтены вместе с казахами. Некоторые исследователи относили к казахам и кипчаков, и, соответственно, такие интерпретации создавали разночтения в отношении общей численности казахов.

Важным уточнением к переписи населения Казахстана является и то, что для Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областей был принят во внимание документ, учитывающий отступления от общего порядка проведения переписи. Данный документ позволял кочевым народам не заполнять целый ряд данных, тем самым оставляя пробел в общем массиве информации. Еще одним существенным недостатком переписи является организационная часть работы. Не проводились разъяснительные мероприятия о значимости переписи, в связи с чем часть населения уклонялась от участия или давала неправильные сведения [90].

Тем не менее, результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. включены в научный оборот, и на основе данной статистики проведено достаточно много исследований, в т.ч. и по этнодемографии и этнической географии Центральноазиатского региона на рубеже XIX и XX вв. [2; 109; 127; 163; 225; 235; 240]. Хотя нужно отметить еще и факт проведения в 1916 г. переписи населения [169], промежуточной между первой всероссийской 1897 г. и первой всесоюзной 1926 г., однако ее материалов нет в открытом доступе.

3.2.2 Этнолингвистическая география региона по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Численность населения Центральноазиатского региона, но без территорий Хивинского ханства и Бухарского эмирата, согласно итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. составляла 7 млн 747 тыс. чел., 12 % из которых проживало в городских поселениях и 88 % — за их пределами. С учетом населения Хивинского ханства и Бухарского эмирата численность населения региона в конце XIX в. можно оценить в интервале от 9 до 10 млн чел. (9,5± млн чел.).

Почти половину населения региона (3,8 млн чел., или 49 % населения региона) согласно итогам переписи населения 1897 г. составляли киргиз-кайсаки, подавляющая часть которых была затем причислена к казахам. Однако киргиз-кайсаки, проживающие в Пишпекском и Пржевальском уездах Семиреченской области (в пределах современной территории Кыргызстана), в последующем были объединены с кара-киргизами и названы киргизами [151]. Поэтому численность киргиз-кайсаков, затем получивших название «казахи», оценивается в 3,5 млн чел. (45,3 % населения региона).

Вторыми в регионе по численности в 1897 г. были сарты (968 тыс. чел., или 12,5 % населения), которые в последующем были приписаны к узбекам [1]. Собственно узбеки тогда составляли 726,4 тыс. чел. (9,4 % населения региона).

Также к узбекам в последующем были причислены и многие другие тюркоязычные племена, которые в сумме составляли 440 тыс. чел. (5,7 % населения региона). В сумме все «узбеки» тогда составляли 2,1 млн чел., или 27,5 % населения региона.

Кара-киргизов в 1897 г. было зафиксировано 201,7 тыс. чел. (2,6 % населения региона), но численность всех киргизов (вместе с юго-восточной частью киргиз-кайсаков) оценивается в 481,5 тыс. чел. (6,2 %). Также к будущим титульным народам республик региона относятся туркмены, численность которых в 1897 г. составляла 248,8 тыс. чел. (3,2 %), и таджики — 350 тыс. чел. (4,5 %). Численность кара-калпаков составляла 104,3 тыс. чел. (1,35 %). Но нужно отметить, что реальная численность будущих титульных народов региона, особенно узбеков, туркменов и таджиков была намного больше, т.к. их значительная часть проживала на территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата, не охваченных переписью населения 1897 г. [151]. С учетом этого, например, численность «узбеков» (т.е. этнических групп, которые затем были обозначены данным этнонимом) можно оценить примерно на уровне «казахов».

Численность великороссов в 1897 г. составляла 588 тыс. чел., или 8 % населения региона, однако реально, с учетом подданных Хивинского ханства и Бухарского эмирата, их доля в населении Центральной Азии была заметно меньше, примерно на уровне 6–6,5 %.

Расселение наиболее многочисленных народов, точнее, носителей соответствующих языков, в пределах Центральноазиатского региона согласно результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. представлено на рисунках 28 и 29. Доля великороссов была наиболее высока на северных окраинах региона, а также повышена в его восточной части (в Семиреченской области — 7,8 %), и на юго-западе (в Закаспийской области — 7,3 %). Минимальной была доля великороссов во внутренних районах Центральной Азии, точнее, в центральной части южной половины региона:

в Сыр-Дарьинской области — 2,2 %, Самаркандской области — 1,45 % и Ферганской области — 0,5 % [127].

Таджики были сконцентрированы в пределах двух областей: в Самаркандской (с долей в населении — 26,8 %, в т.ч. в Ходженском уезде — 50,9 %, Самаркандском уезде — 36 %, а в самом г. Самарканд — 66,8 %) и Ферганской (с долей в населении области — 7,3 %, в т.ч. в Наманганском уезде — 16,2 %). Но основная часть таджиков не была охвачена переписью, т.к. проживала на территории Бухарского эмирата.

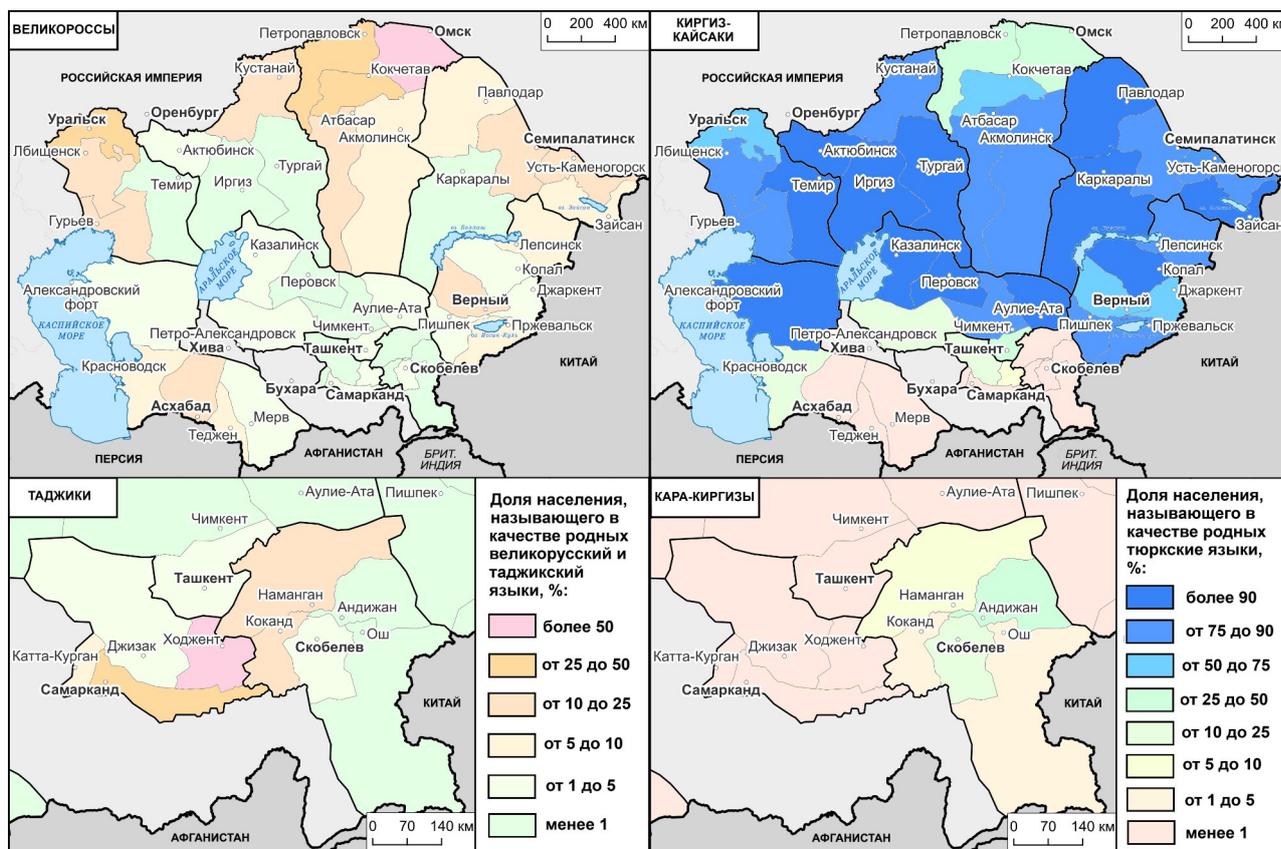

Рисунок 28 — Расселение великороссов, таджиков, киргиз-кайсаков и кара-киргизов согласно результатам переписи 1897 г. (составлено автором по [266])

Киргиз-кайсаки заселяли большую часть территории региона, за исключением его южных окраин, соответствующих трем областям: Закаспийской (с долей киргиз-кайсаков в населении — 19,4 %, главным образом, благодаря Мангышлакскому уезду), Самаркандской (7,34 %) и Ферганской (там киргиз-кайсаки не фиксировались).

Кара-киргизы были зафиксированы только в Ферганской области (с долей в населении — 12,8 %), где превышали 5 % только в трех уездах: Андижанском (34,25 %), Маргеланском (13,6 %) и Наманганском (5,7 %). Но в дальнейшем к киргизам стали также относить киргиз-кайсаков Пржевальского и Пишпекского уездов Семиреченской области, составлявших, соответственно, 87 и 85,8 % населения уездов [151].

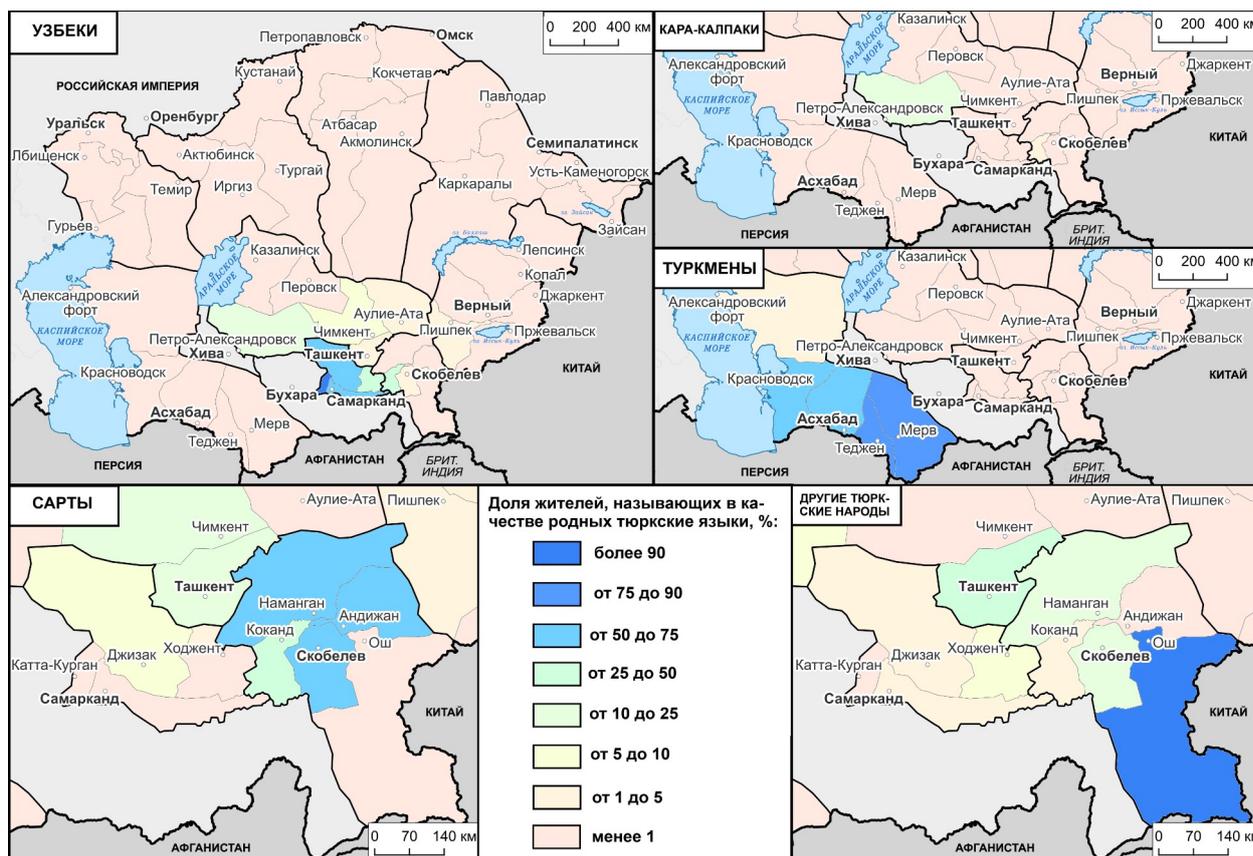

Рисунок 29 — Расселение узбеков, сартов, кара-калпаков, туркмен и других тюркских народов региона согласно результатам переписи 1897 г. (составлено автором по [266])

Согласно итогам переписи 1897 г., узбеки составляли 59 % населения Самаркандской области, 9,8 % — Ферганской области (в т.ч. 39,8 % — в Кокандском уезде) и 4,3 % — Сыр-Дарьинской области (см. рис. 29). Доля сартов была наиболее высока в населении Ферганской области (50,2 %), где они составляли подавляющее большинство в городах Андижан, Наманган, Старый Маргелан, и намного ниже — в Сыр-Дарьинской области (9,8 %, с явным

преобладанием в г. Чимкент) и Самаркандской области (2,1 %, с большинством в г. Джизак). Кара-калпаки были сконцентрированы в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области (доля в населении уезда — 47,9 %, области — 6,3 %), а туркмены — в Закаспийской области (с долей 65 % от населения области).

Также нужно отметить высокую долю в населении Ферганской и Сыр-Дарьинской областей тюркоязычных народов без указанного конкретно языка — 16,6 % и 10,7 % соответственно. В этом плане особо выделяются Ташкентский уезд Сыр-Дарьинской области (31,8 %, местное тюркское население, скорее всего, было затем приписано к узбекам), а также Ошский уезд Ферганской области (96,8 % с непонятной последующей этнической привязкой).

3.2.3 Конфессиональная география региона по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Анализ распределения населения по вероисповеданию в соответствии с итогами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. позволяет проследить в Центральноазиатском регионе культурные различия более высокого (по сравнению с этническим) уровня — надэтнического (или метаэтнического). При этом конфессиональное пространство рассматривается в разрезе городского и сельского населения, имеющего в регионе в конце XIX в. сильно отличающуюся этническую и религиозную структуру.

В целом в регионе исследования по итогам переписи населения 1897 г. ислам исповедовало 90,32 % населения, а православие — 8,28 %, еще 0,84 % составляли старообрядцы, по 0,18 % — католики и иудеи, 0,11 % — лютеране и т.д. При этом в городских поселениях региона православие исповедовали 25 % жителей, а ислам — 70,5 %.

По вероисповеданиям местного населения Центральноазиатский регион можно разделить на две части — в его северной части в городских поселениях явно преобладали православные (рис. 30). Это в основном степные пространства с местным кочевым населением, и города здесь создавались переселенцами, в

т.ч. русским населением. В южной части региона можно отметить, в первую очередь, городские поселения в восточной части Закаспийской области, где доля православных превышала половину населения. Также православные составляли 62 % населения г. Петро-Александровска — центра Аму-Дарьинского отдела Сыр-Дарьинской области (ареал проживания кара-калпаков) и 61 % жителей Бухарского эмирата, имеющих российское подданство. Самой низкой долей православных характеризовались городские поселения Самаркандской и Ферганской областей (соответственно, 1,6 % и 0,6 %), там, где городская культура (в первую очередь, персидская) имеет многовековую историю.

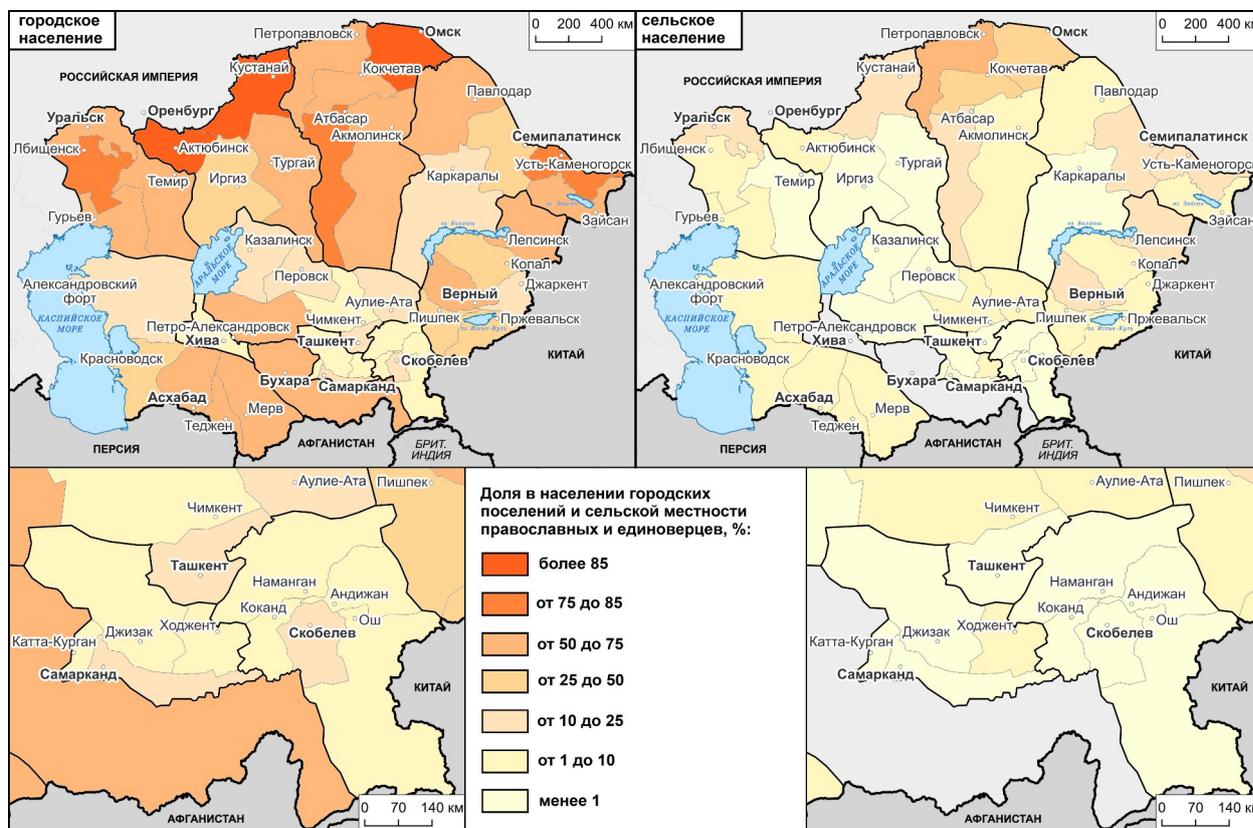

Рисунок 30 — Доля православных в населении городских и сельских поселений региона по итогам переписи населения 1897 г. (составлено автором по [266])

За пределами городских поселений доля православного населения составляла лишь 6 %, и была высока только в окраинных северных уездах региона, где русское население проживало не только в городах, но и в сельской местности.

Прямо противоположная картина наблюдалась в распределении по региону приверженцев ислама (рис. 31). Среди городского населения мусульмане составляли подавляющее большинство только в южной части региона, в отмеченных выше Самаркандской и Ферганской областях (97,5 % и 99 %, соответственно), а также среди российских подданных Хивинского ханства (96 %). Но за пределами городских поселений Центральноазиатского региона наблюдалось почти повсеместное преобладание мусульман, за исключением ряда уездов на севере региона.

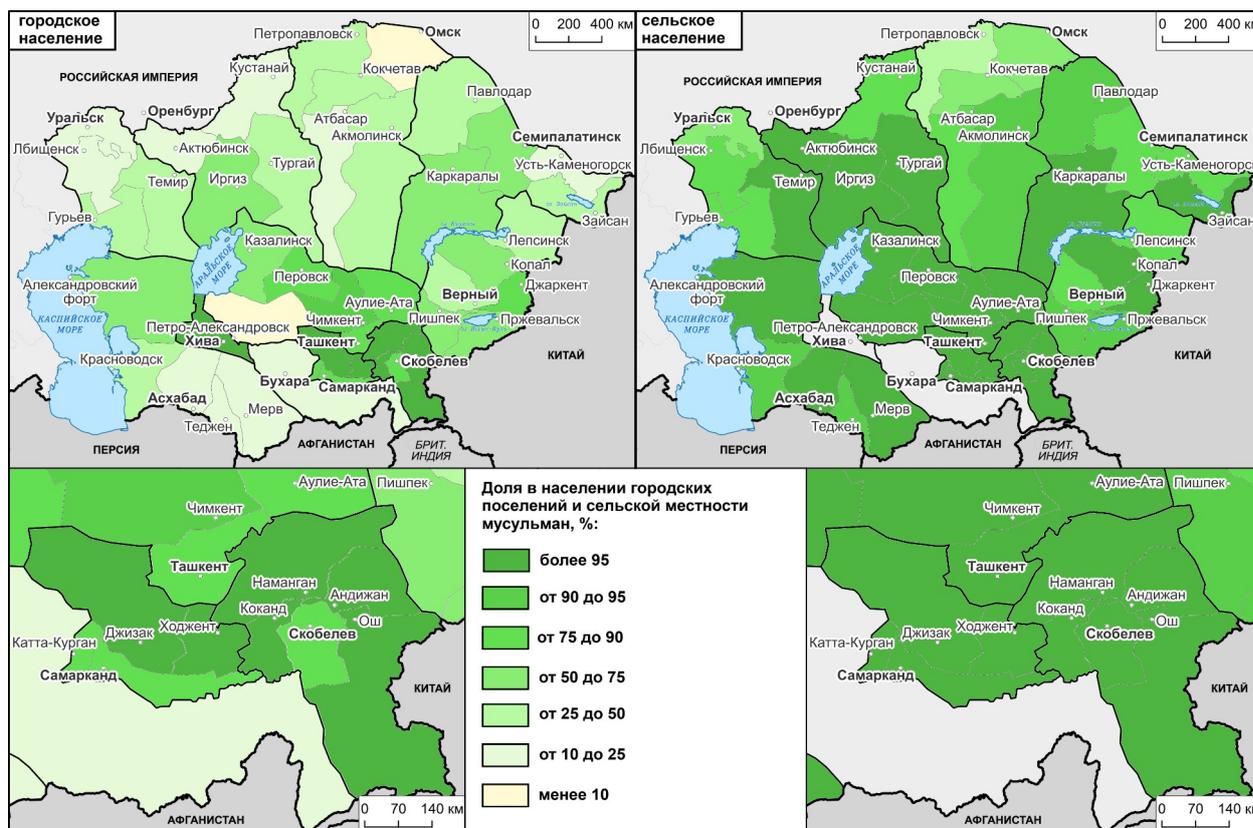

Рисунок 31 — Доля мусульман в населении городских и сельских поселений региона по итогам переписи населения 1897 г. (составлено автором по [266])

Также по итогам переписи населения 1897 г., отдельно для городского и сельского населения уездов губерний Центральноазиатского региона был рассчитан индекс религиозной однородности (рис. 32). Наименьшей однородностью (ИРО менее 0,4) характеризовался религиозный состав населения городских поселений южной части Закаспийской области (современная территория Туркменистана). В наибольшей степени однородными

в религиозном плане (будучи почти полностью мусульманскими) являлись городские поселения Самаркандской и Ферганской областей.

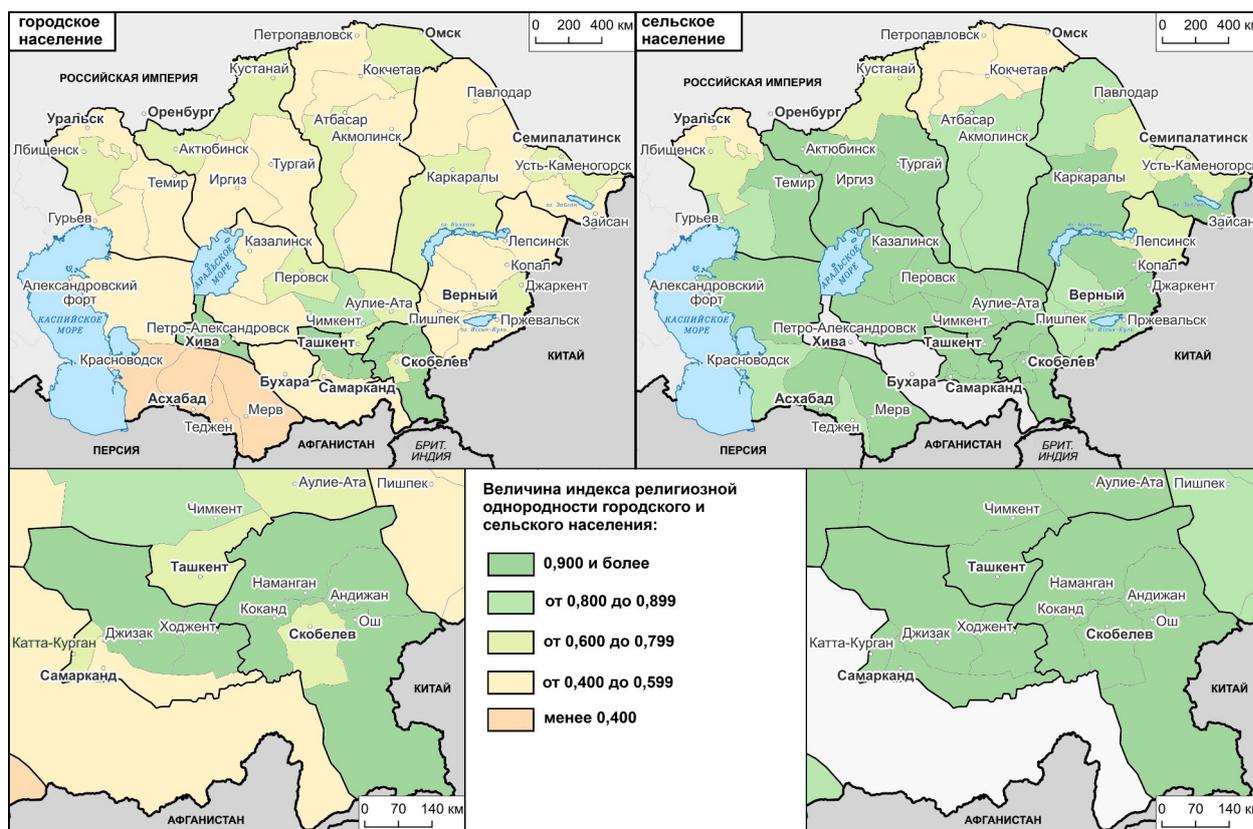

Рисунок 32 — Величина индекса религиозной однородности, рассчитанного для городского и сельского населения региона по итогам переписи населения 1897 г. (составлено автором по [266])

При этом сельское население региона, кроме северных окраинных уездов региона, было почти повсеместно однородными в религиозном плане (ИРО более 0,8, и даже в большинстве случаев свыше 0,9). Таким образом, культурный контраст в Центральноазиатском регионе в конце XIX в. имел не сколько географическое измерение (хотя и здесь нужно отметить контактную зону метаэтнического уровня на северной окраине региона, где был высокий удельный вес как русского православного населения, так и коренных мусульманских народов), а по линии «города — остальная территория».

В городских поселениях в северной части региона преобладало некоренное, преимущественно православное население (в т.ч. русские), а на окружающей территории — кочевые племена, исповедующие ислам. В южной

части региона культурный контраст между городскими поселениями и окружающей сельской местностью был не такой очевидный, т.к. и в городах, и на селе преобладало коренное мусульманское население. Однако, культурный контраст между городами и селом и там тоже наблюдался, но был выражен в иной плоскости, даже не сколько этнически, а больше в форме хозяйственно-бытовой культуры — городской персидской культуры (сарты и значительная часть таджиков) и кочевой или оседлой земледельческой культуры (узбеки и другие тюркоязычные народы и племена).

3.3 Геоэтнокультурное пространство региона после национально-территориального размежевания Центральной Азии в 1920–1930-е годы

3.3.1 Национально-территориальное размежевание Центральной Азии в 1920–1930-е годы и последующие изменения статуса республик

После победы большевиков в 1917 г. перед правительством молодого Советского государства встал вопрос административного разделения территорий Центральной Азии. С приходом Советской власти в регионе начали складываться небольшие локальные национально-территориальные объединения. В.И. Ленин, понимая, что данные процессы могут помешать становлению идеологии единого Советского государства, решил отказаться от идеи объединенного Туркестана, и поставил вопрос о разделении территории согласно национальному признаку [37]. Как считает А. Гиль [251], национально-территориальное размежевание в Средней Азии было осуществлено с целью установления контроля политического центра над периферией молодого советского государства.

Причины национально-территориального размежевания объяснялись в важном документе — декларации прав народов России. Она была принята в ноябре 1917 г. и давала право каждому национальному объединению на самоопределение со собственной территорией и автономией. Сама система национальных государств была придумана не большевиками, а европейскими

политиками еще в XVII в. Но многие выступали против такой западноевропейской системы, поскольку в соответствии с культурными и историческими традициями она была не пригодна для данных территорий. Право на самоопределение народных меньшинств могло способствовать дальнейшему распаду большого советского государства, в связи с этим требовалось взять этот вопрос под контроль [36–38].

В 1918 г. Российская советская республика стала федеративной, что дало право разделять территории, предоставив права и свободы каждому национально-территориальному объединению. В 1920 г. в составе РСФСР была создана Киргизская АССР (в 1925 г. переименованная в Казакскую АССР, а в 1936 г. — в Казахскую АССР, в том же году ставшую Казахской ССР). На начало 1920-х гг. пришлось формирование территории Казахской автономии, в частности, уточнялись ее северные границы [11; 42; 106; 107].

На месте дореволюционного Туркестанского генерал-губернаторства, разделенного на две части территориями Бухарского эмирата и Хивинского ханства (в 1920 г. ставшие Бухарской и Хорезмской народными советскими республиками), в 1918 г. была создана Туркестанская Советская Республика, а с 1922 г. — Туркестанская АССР, просуществовавшая до 1924 г. В создании Туркестанской АССР была удовлетворена идея пантюркизма, в то время популярная в регионе. Однако, с течением времени стало понятно, что, во-первых, «тюркизм» не является достаточно оформившейся национальной идеей, гораздо большее значение имели более мелкие этнические образования, обладавшие единством конфессиональной, локальной и родовой структур, во-вторых, такое состояние дел грозило потерей утверждения советской идеологии. Поэтому в 1924 г. был проведен второй этап национального размежевания территорий [36–38].

Перед национальным размежеванием 1924 г. на территории Центральной Азии существовали: Бухарская и Хорезмская ССР (преобразованные в 1923–1924 гг. из Бухарской и Хорезмской НСР); Туркестанская АССР (с центром

в г. Ташкент) и Киргизская АССР (с центром в г. Оренбург), которые тогда входили в состав РСФСР [125] (рис. 33).

Рисунок 33 — Национально-территориальное размежевание Центральной Азии в период с 1918 по 1924 гг. (составлено автором)

В процессе проведения границ территорий происходили споры и столкновения представителей различных национальностей за право отнести те или иные районы к своей республике [98; 99]. Так, например, происходили споры по поводу г. Ташкента. Представители казахского населения претендовали на него и планировали сделать его столицей своей республики. Осенью 1924 г. были созданы Узбекская и Туркменская ССР, при этом г. Ташкент вошел в состав Узбекской ССР. Также в составе Узбекской ССР была выделена Таджикская АО, ставшая в том же году Таджикской АССР. Киргизская АССР (будущий Казахстан) оставалась в составе РСФСР, но в ней была выделена Кара-Киргизская АО (будущая Киргизия). В начале 1925 г. в составе Таджикской АССР, которая оставалась частью Узбекской ССР, была выделена АО Горного Бадахшана. Также была создана Кара-Калпакская АО в составе

Киргизской АССР, переименованной в середине 1925 г. в Казакскую АССР (рис. 34). Примерно в то же время Кара-Киргизская АО была переименована в Киргизскую АО, которая в 1926 г. получила статус АССР в составе РСФСР [13; 99; 125; 234].

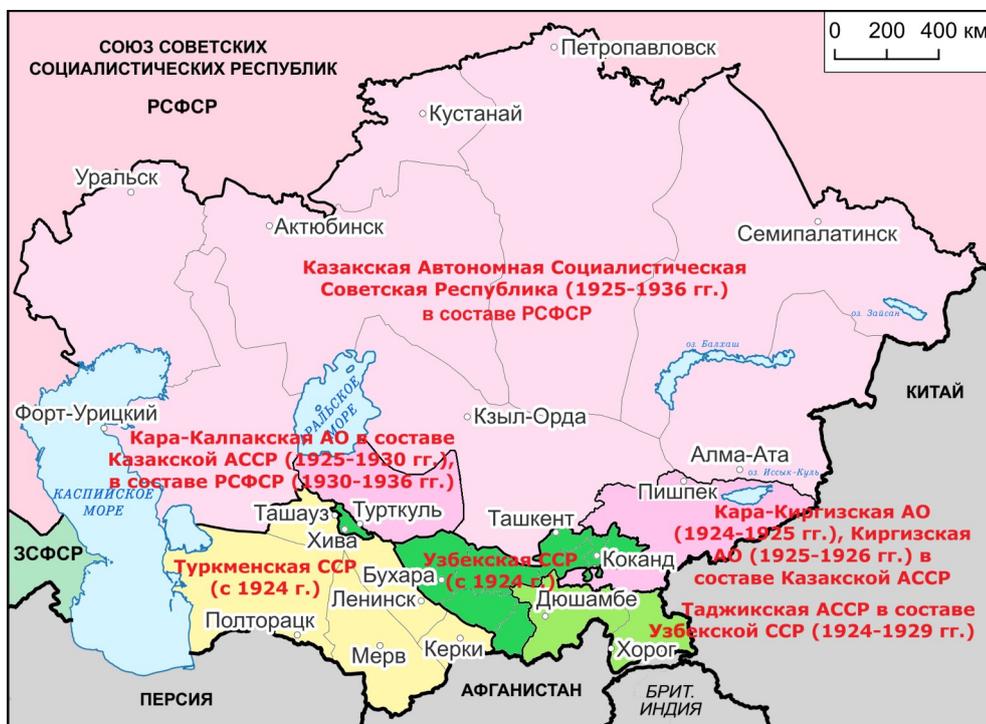

Рисунок 34 — Национально-территориальное размежевание Центральной Азии в период с 1924 по 1936 гг. (составлено автором)

После национально-территориального размежевания 1924–1926 гг. в Центральной Азии до конца 1930-х гг. было осуществлено еще несколько преобразований, среди которых следует отметить следующие: 1) в 1929 г. вместо Таджикской АССР, входившей в состав Узбекской ССР, была образована отдельная советская республика — Таджикская ССР, в состав которой был включен также Ходжентский округ, который ранее входил напрямую в состав Узбекской ССР; 2) в 1930 г. Кара-Калпакская АО была выведена из состава Казакской АССР, войдя напрямую в РСФСР, в 1932 г. она была преобразована в АССР (оставаясь в составе РСФСР), а в 1936 г. была передана в состав Узбекской ССР; 3) в 1936 г., в соответствии со сталинской конституцией, ранее входившие в состав РСФСР Казакская (с начала 1936 г. — Казахская) АССР

и Киргизская АССР были преобразованы в Казахскую и Киргизскую ССР; 4) также в 1936 г. АО Горного Бадахшана в составе Таджикской ССР была переименована в Горно-Бадахшанскую АО [12; 68; 100, с. 161; 151].

В работах Р.С. Бабохонова [33; 34] проводится анализ литературы, освещающей вопрос национально-территориального размежевания в Центральной Азии, опубликованной в различные исторические эпохи. Он считает, что в основных публикациях о причинах размежевания территорий совсем не было упомянуто об идеологических и религиозных сторонах вопроса. Здесь автор проследил четко выраженное влияние цензуры на публикации. Так, начиная с 20-х гг. XX в. публикуются лишь положительные характеристики Советской власти по отношению к разделению спорных территорий региона. С конца 1980-х гг. начинает выходить в свет иная интерпретация в отношении политики советской власти, становятся доступными ранее засекреченные данные, а также освещается вопрос ущемления некоторых этносов в результате разделения территорий. В частности, освещается вопрос ущемления прав таджикского народа и несправедливого отнесения исторических и культурных центров таджиков к территории Узбекистана.

После периода национально-территориального размежевания 1920–30-х гг. в Центральной Азии достаточно часто происходили изменения административно-территориального деления республик, и крайне редко — их внешних границ. Чтобы далее в исследовании не акцентировать внимание на политических событиях в регионе в течение всего последующего периода, вплоть до настоящего времени, имеет смысл сразу рассмотреть дальнейшие изменения статуса республик и их автономий.

Созданные в 1920–1930-е гг. советские республики просуществовали почти в неизменном виде вплоть до 1991 г., т.е. до распада СССР (рис. 35). Однако, Каракалпакская АССР временно (с 1990 г.) входила напрямую в состав СССР, но в 1992 г. вернулась в состав Узбекистана, при этом получив статус республики внутри Республики Узбекистан (или Узбекистана). Ее официальное

название в настоящее время — Республика Каракалпакстан (неофициально — Каракалпакстан, Каракалпакия) (рис. 36).

Рисунок 35 — Названия республик и автономий в Центральноазиатском регионе в период с 1936 по 1991 гг. (составлено автором)

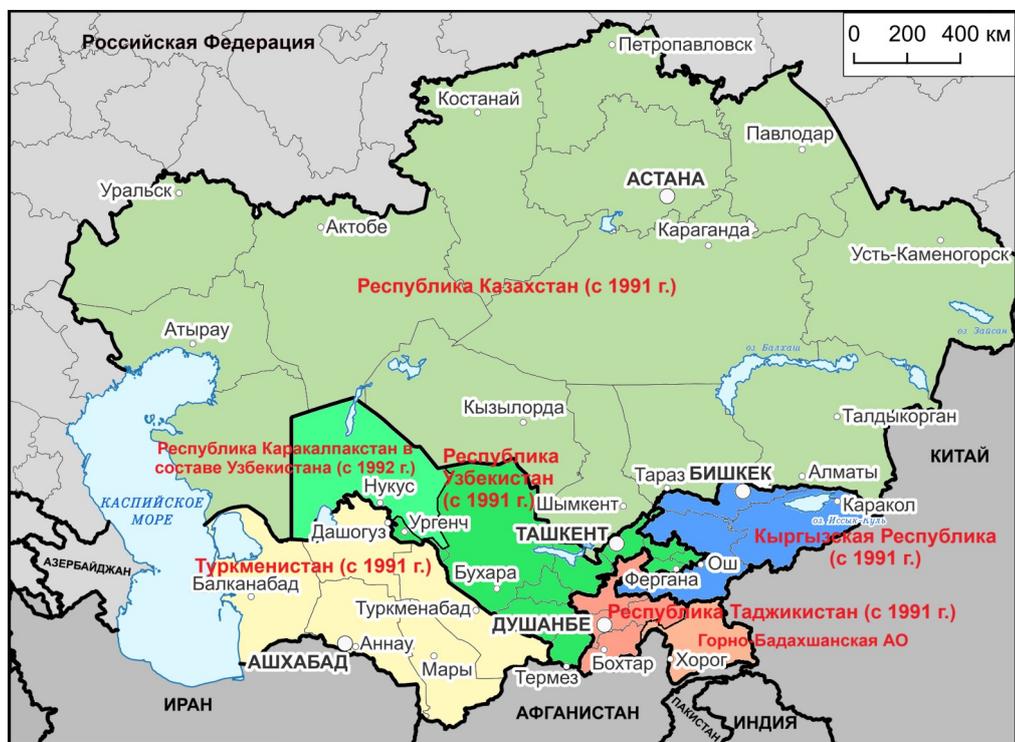

Рисунок 36 — Названия республик и автономий в Центральноазиатском регионе в период с 1991 г. по настоящее время (составлено автором)

Остальные государства Центральной Азии с 1991 г. получили следующие официальные названия (в скобках — неофициальные названия, которые в дальнейшем используются в данном исследовании): Республика Казахстан (Казахстан), Кыргызская Республика (Кыргызстан, Киргизия), Республика Таджикистан (Таджикистан) и Туркменистан (Туркмения). В составе Республики Таджикистан с советских времен сохраняется автономия — Горно-Бадахшанская автономная область [234].

3.3.2 Территориальные сдвиги в этнической структуре населения региона с 1897 по 1926 годы

Перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории Центральной Азии около 13,8 млн чел., 14 % которых проживало в городах. Доля титульных народов в населении региона превышала три четверти — 75,4 % (10,4 млн чел., 9 % которых являлись городскими жителями). Горожане среди нетитульного населения составляли 27 %, а среди русских — 35 %. Наиболее многочисленными народами региона являлись казахи и узбеки (по 28 %, или примерно по 3,9 млн чел.), русские немного превышали 12 % (1,7 млн чел.), им немного уступали по численности другие нетитульные народы региона. Доля таджиков составляла 7,1 % (979 тыс. чел.), киргизов — 5,53 % (762 тыс. чел.), туркменов — 5,49 % (756 тыс. чел.), каракалпаков — 1,1 % (146 тыс. чел.).

Из-за того, что в 1897 г. значительная часть населения Центральной Азии (проживающая на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства) не была учтена переписью населения, можно рассчитать динамику численности с 1897 по 1926 гг. только некоторых народов, в т.ч. русских, численность которых выросла почти в 3 раза (при оценке роста числа жителей всего региона примерно в 1,5 раза).

Наиболее заметно доля русских в населении региона выросла с 1897 по 1926 гг. на территории Казахстана (Казакской АССР в 1926 г.) [108] и Киргизии (Киргизской АО), а также в западной части Туркмении

(Туркменской ССР). Достаточно низкой оставалась доля русских на территории Узбекской ССР, в т.ч. в Таджикской АССР [125] (рис. 37).

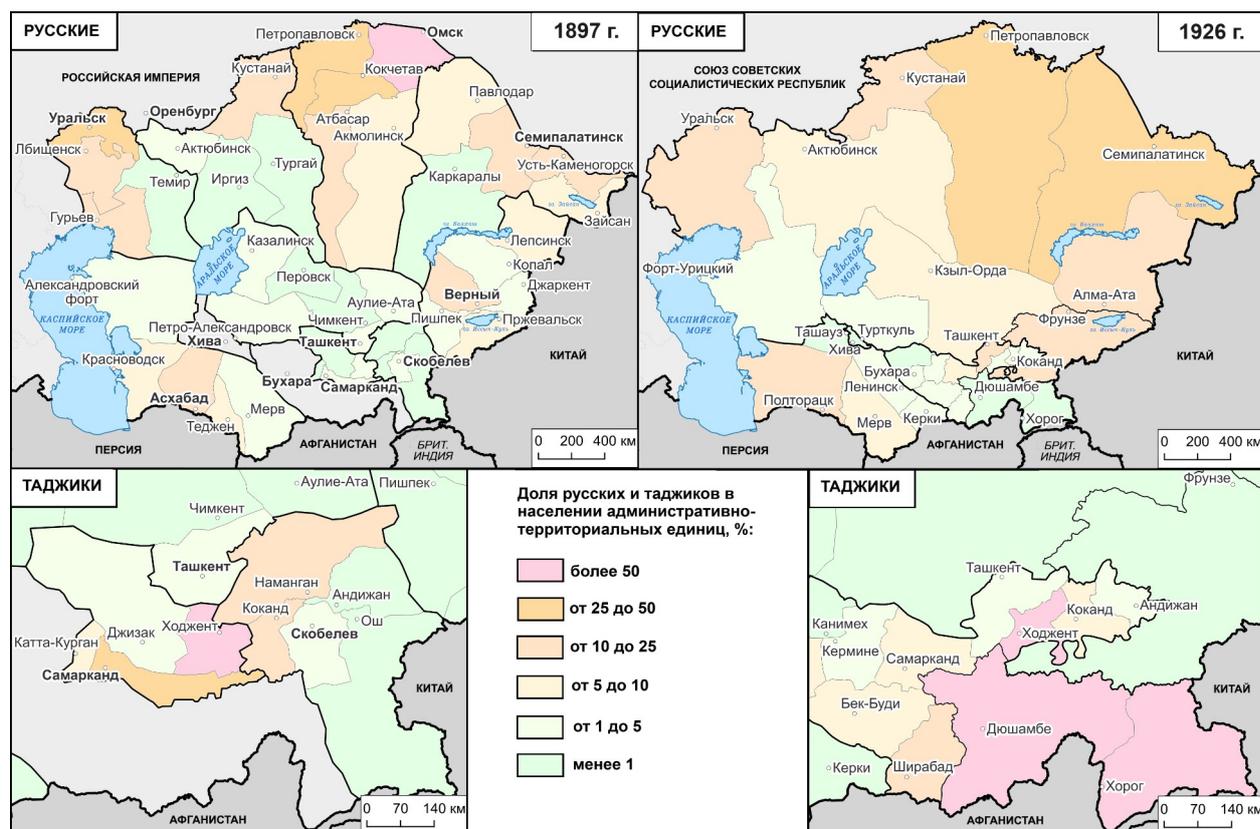

Рисунок 37 — Доля русских и таджиков в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей 1897 и 1926 гг. (составлено автором по [266])

Большая часть таджиков в конце XIX в. проживала на территории Бухарского эмирата, и не была учтена переписью населения 1897 г. [234]. Но они были учтены на территории Самаркандской и Ферганской областей (преимущественно в трех уездах, где составляли 50,9 % в Ходжентском уезде (в т.ч. в г. Ходжент — 94,4 %, в г. Уратюбе — 79 %), 36 % в Самаркандском уезде (в т.ч. в г. Самарканд — 66,8 %, в г. Пенджекент — 97 %), 16,2 % в Наманганском уезде (в т.ч. в г. Чуст — 92,3 %)). В 1897 г. таджиков было учтено всего 350 тыс. чел., а в 1926 г. — 979 тыс. чел., которые составляли 74,6 % населения Таджикской АССР, а также 57,7 % — Ходжентского округа Узбекской ССР (в т.ч. в городах — 86,2 %, в сельской местности — 44 %). Также

можно обратить внимание на повышенную долю таджиков (18,9 %) в Сурхан-Дарьинской округе Узбекской ССР [125] (см. рис 37).

Численность казахов с 1897 по 1926 гг. выросла с 3,5 до 3,8 млн чел., но их доля заметно снизилась почти на всей территории Казахстана (Казакской АССР), что связано с притоком нетитульного, в т.ч. русского населения. В 1926 г. 96,9 % казахов было сконцентрировано на территории Казакской АССР. Их доля в республике составляла 57,1 %, и наиболее высока была доля титульного населения в Уральской губернии (73,3 %) и Адаевском уезде (97 %) на западе республики, а также в Сыр-Дарьинской губернии (75,7 %) на юге республики (рис. 38). 97,9 % казахов проживало в сельской местности республики, их доля в сельском населении Казакской АССР составляла 61 %, а в городском населении — только 14,4 %.

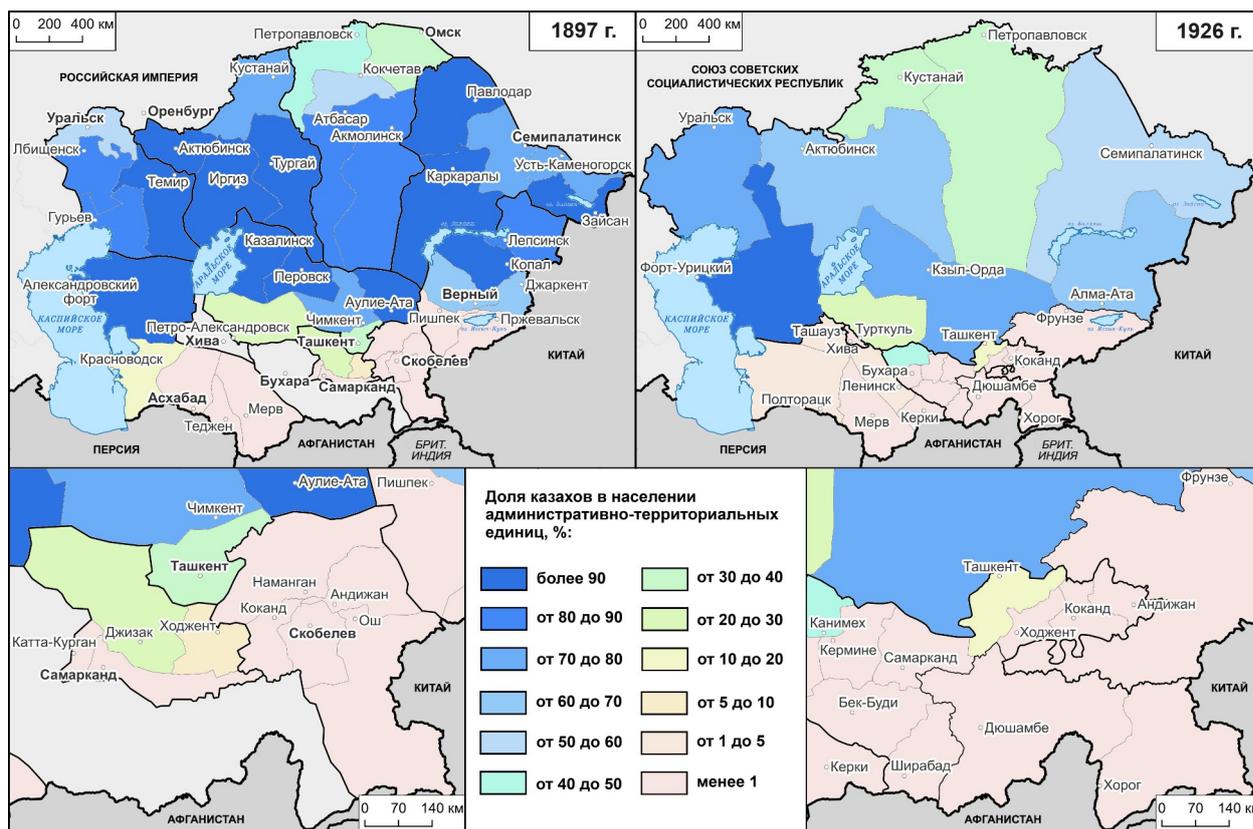

Рисунок 38 — Доля казахов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей 1897 и 1926 гг. (составлено автором по [266])

Узбеки, сарты и другие тюркские народы, которые в советское время были приписаны к узбекам, в 1897 г. проживали преимущественно в Бухарском эмирате, Хивинском ханстве, а также в Самаркандской области (63,5 % населения) и Ферганской области (76,6 %). Также можно отметить их повышенную долю в населении Ташкентского уезда (56,2 %) Сыр-Дарьинской области (рис. 39). В конце XIX в. их общую численность, включая проживающих в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, можно оценить более чем в 3 млн чел.

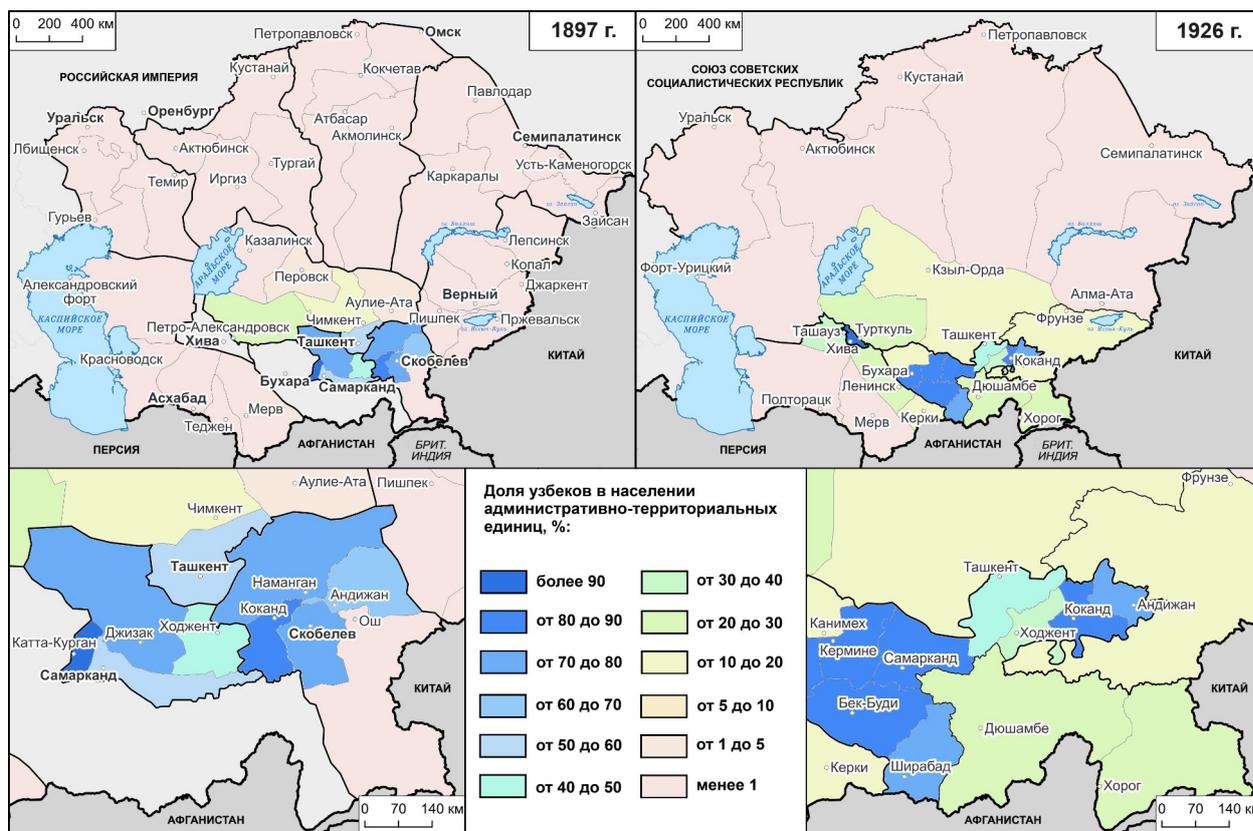

Рисунок 39 — Доля узбеков в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей 1897 и 1926 гг. (составлено автором по [266])

В 1926 г. было зафиксировано 4 млн узбеков, 85,2 % которых было сконцентрировано на территории Узбекской ССР. При этом нужно отметить достаточно низкую долю узбеков в населении целого ряда округов Узбекской ССР: Андижанского (74,7 %), Сурхан-Дарьинского (71,8 %), Ташкентского (48,7 %, с долей русских — 19,8 % и казахов — 12,9 %) и Ходжентского (38,7 %, с долей русских — 19,8 % и казахов — 12,9 %).

с долей таджиков — 57,7 %). А в пределах Кенимехского района на западе республики узбеки (18,8 %) уступали казахам (42,7 %) и каракалпакам (26,2 %). В населении Таджикской АССР, тогда входившей в состав Узбекской ССР, узбеки составляли 21,2 %. За пределами Узбекской ССР доля узбеков была повышена в ряде округов Туркменской ССР: Ташаузского (34 %), Чарджуйского (22,7 %) и Керкинского (13,9 %). Также узбеки были на третьем месте (27,6 %) в населении Кара-Калпакской АО (тогда входившей в состав Казакской АССР), уступая каракалпакам (38,1 %) и казахам (28,2 %) [125].

С 1897 по 1926 гг. произошли лишь небольшие изменения в географии расселения туркмен и киргизов (рис. 40). С 1897 по 1926 гг. численность туркмен в регионе выросла с 249 до 756 тыс. чел., хотя нужно учесть, что значительная часть туркмен в конце XIX в. проживала на территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Туркмены в 1897 г. были почти полностью сконцентрированы на территории Закаспийской области, где составляли 65 %, и во всех уездах, за исключением Мангышлакского, их доля превышала 60 %.

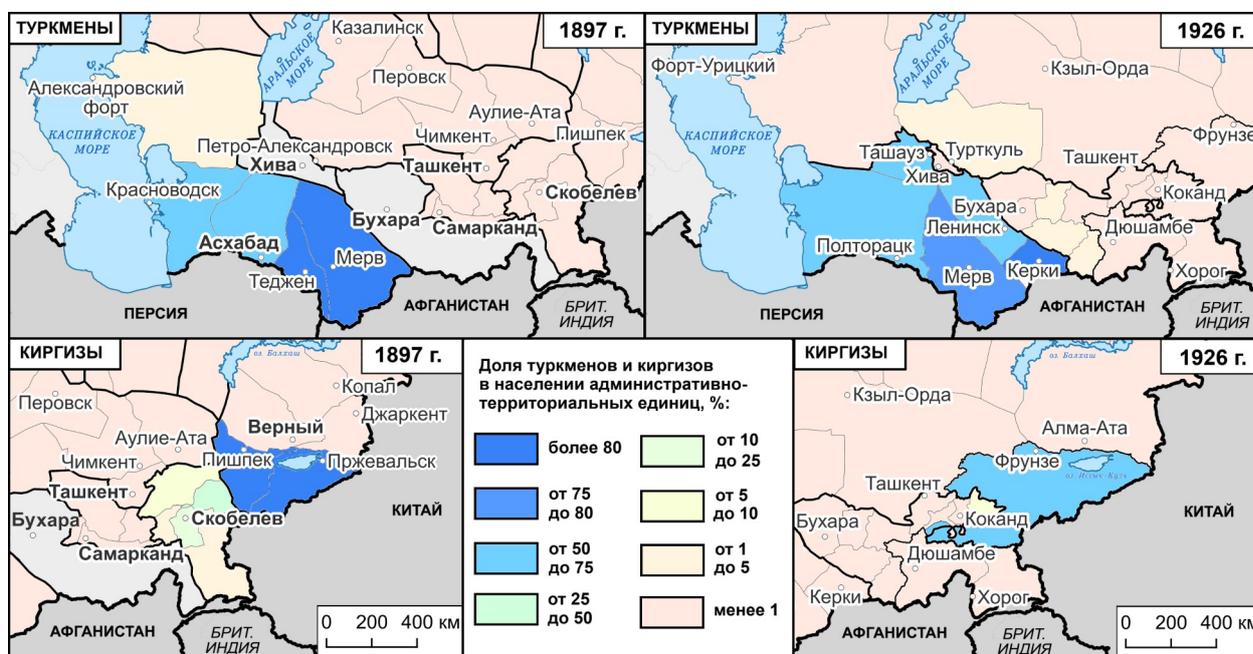

Рисунок 40 — Доля туркмен и киргизов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей 1897 и 1926 гг.

(составлено автором по [266])

В 1926 г. 95 % туркменов было сконцентрировано в Туркменской ССР, где они составляли 71,9 % населения. Менее 70 % доля туркменов была в Ташаузском, Чарджуйском и Полторацком округах, в двух первых по причине повышенной доли узбеков, в третьем — русских (15,1 %, в т.ч. в г. Ашхабад — 52,4 %). Следует отметить, что в городском населении Туркменской ССР титульный народ составлял 7,2 %, а в сельском населении — 82,2 %, зато доля русских в городах республики была близка к половине (46,7 %), что свидетельствует о сохранении значительного этнокультурного контраста между городским (в большей мере нетитульным) и сельским (преимущественно титульным) населением республики [234].

Численность киргизов с 1897 по 1926 гг. выросла с 481 до 762 тыс. чел., т.е. в 1,58 раза, причем даже в 1926 г. они почти не проживали в городских поселениях (горожанами среди них были только 1,4 %). В 1897 г. киргизы составляли свыше 85 % населения Пишпекского и Пржевальского уездов Семиреченской области (где они обозначались как киргиз-кайсаки), а также 12,8 % населения Ферганской области (обозначаемые там как кара-киргизы), в т.ч. 34,3 % — в Андижанском уезде и 13,6 % — в Маргеланском уезде (см. рис. 40).

В 1926 г. 85,4 % киргизов было сконцентрировано на территории Киргизской АССР, где они составляли 66,6 %. Их доля среди горожан республики была крайне низкой — 4,6 %, а среди сельского населения — 75,2 %. За пределами Киргизской АССР нужно отметить высокую долю киргизов в Исфанейском районе (67,7 %) и относительно повышенную — в Андижанской округе (5,8 %) Узбекской ССР, где они также были представлены преимущественно в сельской местности. При этом в целом в Узбекской ССР проживало 11,7 % киргизов от их общей численности в Центральноазиатском регионе.

В период между переписями населения 1897 и 1926 гг. произошло заметное снижение индекса этнической однородности почти на всей территории

Центральноазиатского региона (рис. 41). Причем данное изменение коснулось территории всех созданных в 1924–1926 гг. республик, хотя нужно отметить, что для двух республик (Узбекской ССР и входящей в нее Таджикской АССР) проверить отмеченный тренд невозможно, т.к. их значительная часть в 1897 г. входила в состав Бухарского эмирата и Хивинского ханства, где перепись не проводилась.

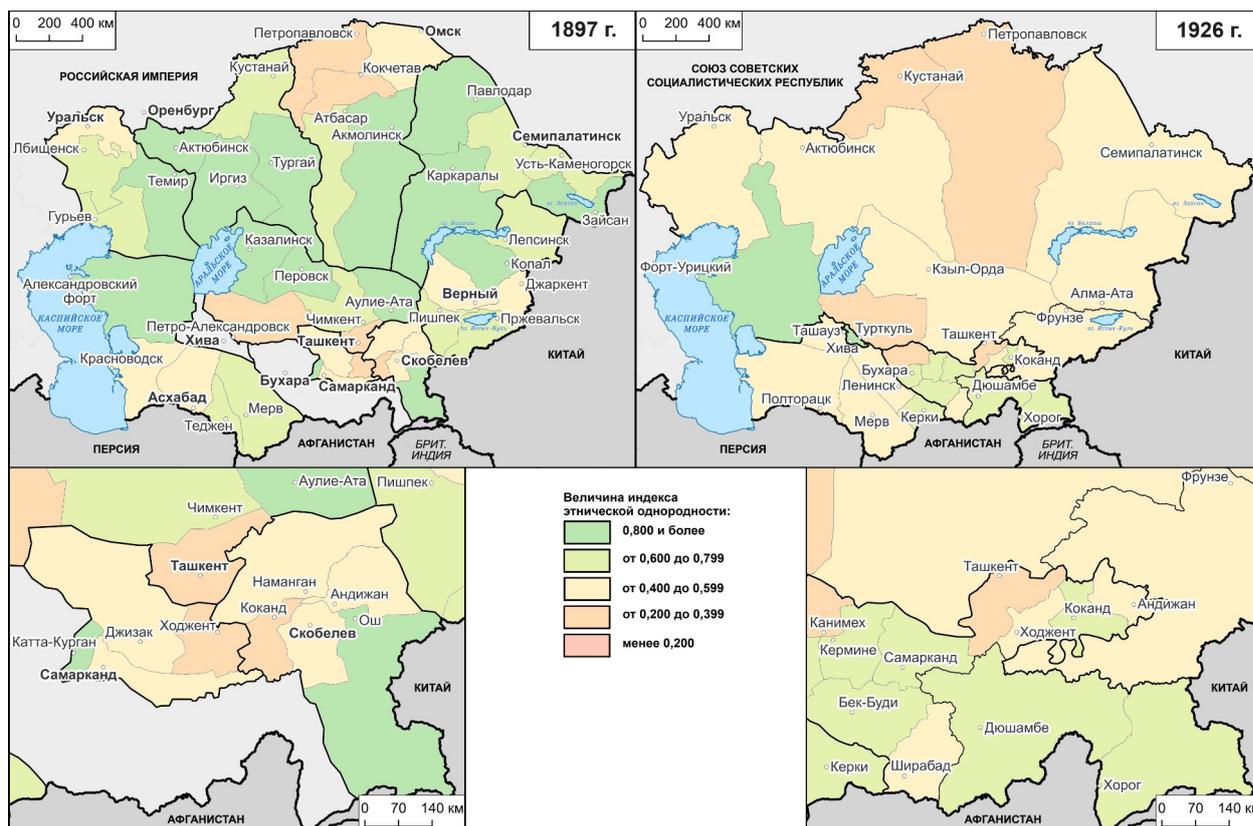

Рисунок 41 — Величина индекса этнической однородности в пределах административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1897 и 1926 гг. (составлено автором по [266])

Если в 1897 г. этнически однородные территории явно преобладали в северной части Центральной Азии, то в 1926 г. сохранилось лишь два островка этнически однородных территорий — это Адаевский уезд в Казакской АССР и Хорезмский округ в Узбекской ССР. К относительно этнически однородным территориям также можно отнести центральную часть Узбекской ССР и Таджикскую АССР.

3.3.3 Территориальные сдвиги в этнической структуре населения региона с 1926 по 1939 годы

В период между переписями 1926 и 1939 гг. население Центральной Азии выросло на 20 % (с 13,8 до 16,6 млн чел.), но численность титульных народов республик увеличилось всего на 2,4 % (с 10,4 до 10,6 млн чел.), а нетитульного населения — на 76,6 % (с 3,4 до 6 млн чел.), в т.ч. русского — в 2,25 раза (с 1,7 до 3,9 млн чел.). Русские по численности вышли на второе место среди народов региона, их доля выросла с 12 до 23 %. Рост численности узбеков лишь немного превышал средний по региону (на 23 % — с 3,9 до 4,8 млн чел.), их доля в населении Центральной Азии выросла с 28 до 29 %. А вот численность казахов по целой совокупности причин (последствиями коллективизации, голодом и массовой эмиграции [110, с. 40; 236]) сократилась с 3,8 до 2,7 млн чел., и их доля в населении региона уменьшилась с 28 до 16 %. Доля других титульных народов республик в населении Центральной Азии изменилась незначительно, т.е. рост их численности был близок к среднему по региону.

За обозначенный период в городском населении региона еще более выросла доля русских (с 32 до 47 %), уменьшилась доля узбеков (с 38 до 17 %) и таджиков (с 8 до 4%). Но при этом повысилась урбанизированность казахов, их доля в городском населении региона выросла с 4 до 11 % (см. рис. 10). В сельском населении региона на первое место вышли узбеки (рост доли с 27 до 33 %), обошедшие казахов (падение доли с 32 до 18 %), к которым стали приближаться русские (рост доли с 9 до 15 %). Кроме того, среди сельских жителей региона выросла доля таджиков (с 7 до 9 %) (см. рис. 11).

Доля русских выросла во всех республиках региона, но особенно значительно — в Казахстане (с 20,6 до 40 %). На севере и северо-востоке Казахстана обозначились регионы, где доля русского населения превзошла 50 % (Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области), а в столице республики (г. Алма-Ата) доля русских достигла 72,2 % (рис. 42). Рост доли русских произошел и на западе, и на юге Казахстана.

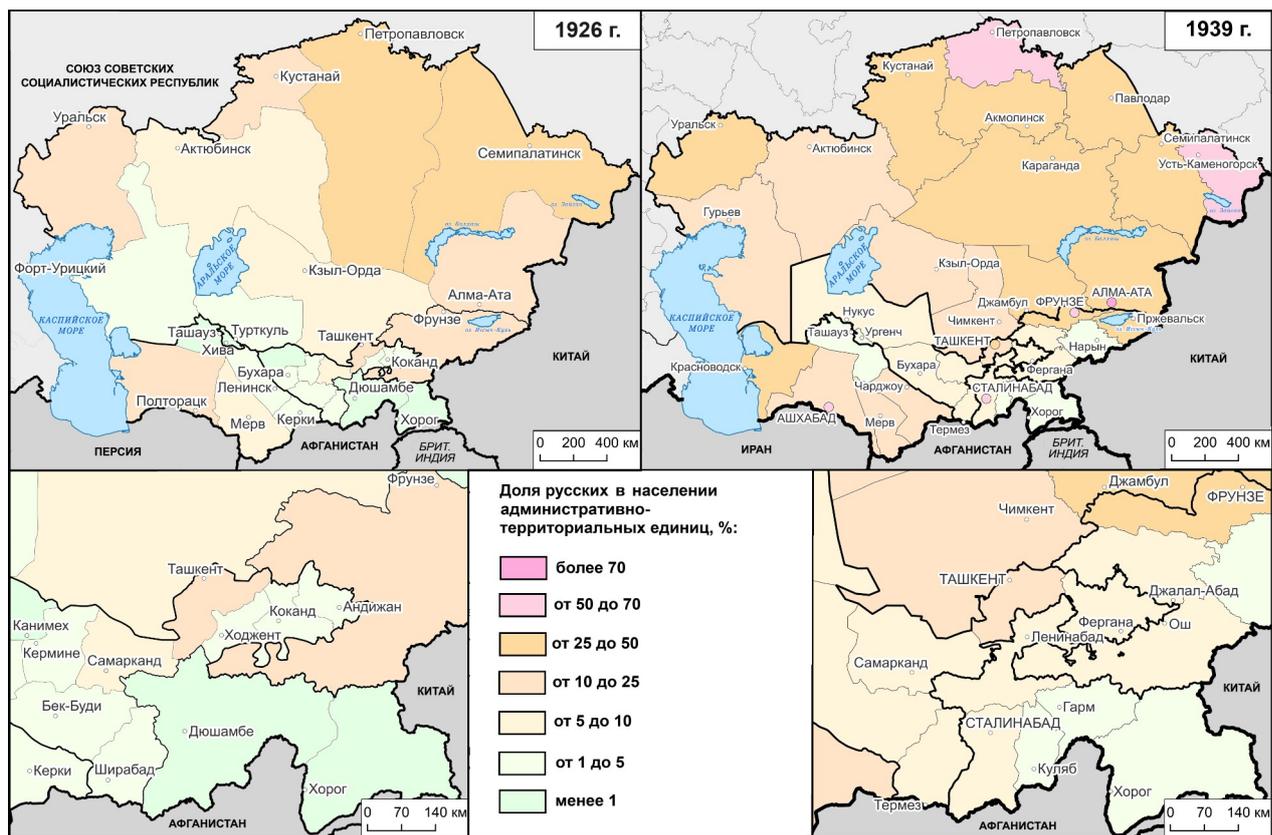

Рисунок 42 — Доля русских в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг. (составлено автором по [266])

В Киргизии доля русских выросла с 11,7 до 20,8 %, в т.ч. в столице республики (г. Фрунзе) достигла 65,6 %, в Иссык-Кульской и Фрунзенской областях — приблизилась к 32 %. Удельный вес русских в населении Туркмении вырос с 7,5 до 18,6 %, а в г. Ашхабад — с 52,4 до 61,9 %. В Узбекистане доля русских увеличилась с 5,2 до 11,6 %, в т.ч. в г. Ташкент — с 32,4 до 42,5 %. И, наконец, в населении Таджикистана удельный вес русских вырос с 0,7 до 9,1 %, в т.ч. в столице республики (г. Сталинабад) в 1939 г. составил 57 %.

Уменьшение доли казахов в населении Казахстана с 58,5 до 37,8 % сопровождалось падением их удельного веса в населении на всей территории республики (рис. 43), тем не менее, им удалось сохранить большинство в населении трех областей на западе и юге республики (в Гурьевской — 68,4 %, Западно-Казахстанской — 52,2 % и Кзыл-Ординской — 61 %). За пределами

Казахстана в 1939 г. доля казахов была повышена в Каракалпакской АССР (27,6 %), Красноводской (20,9 %) и Тащаузской (10,3 %) областях Туркмении, а также в Ташкентской области Узбекистана (18,2 %).

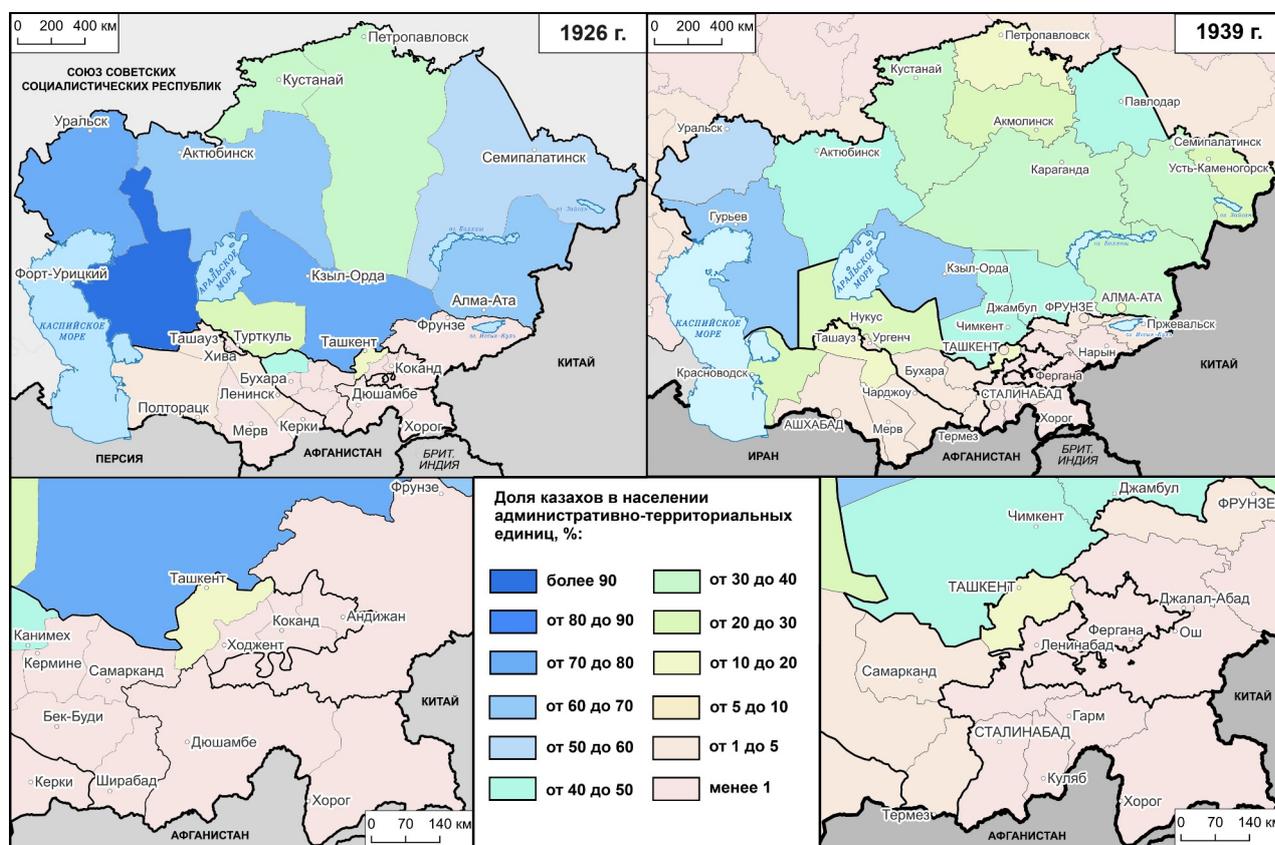

Рисунок 43 — Доля казахов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг. (составлено автором по [266])

Несмотря на общий рост доля узбеков в населении Центральной Азии, их удельный вес в населении своей республики несколько уменьшился (с 71,2 до 65,1 %), что объясняется в т.ч. и включением в состав Узбекской ССР Каракалпакской АССР, в населении которой в 1939 г. узбеки составляли 24,7 %, казахи — 27,6 % и каракалпаки — 33,8 %. В период между 1926 и 1939 гг. в столице республики доля узбеков уменьшилась с 52,5 до 37,8 %, в Ташкентской области сохранилась на уровне немного выше 45 % (рис. 44).

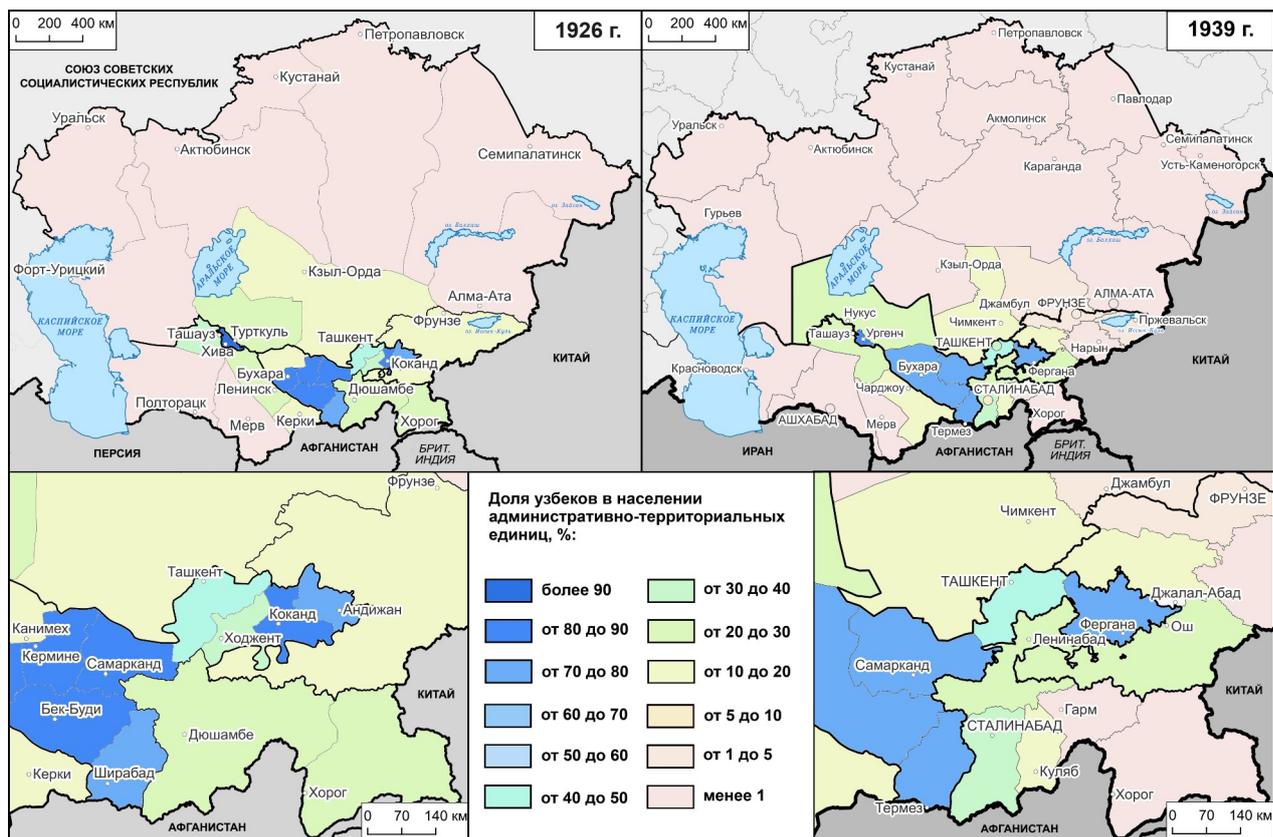

Рисунок 44 — Доля узбеков в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг. (составлено автором по [266])

За пределами Узбекистана сравнительно высокой доля узбеков в 1939 г. была в Сталинабадской и Ленинабадской областях Таджикистана (35,4 % и 29,8 % соответственно), в Ташаузской области Туркмении (26,3 %), в Ошской области Киргизии (21,8 %). Свыше 10 % узбеки составляли в населении Южно-Казахстанской области (Казахстан), Джелал-Абадской области (Киргизия), Кулябской области (Таджикистан) и Чарджоуской области (Туркмения).

Доля таджиков в Таджикистане с 1926 по 1939 гг. уменьшилась с 74,6 до 59,5 %. В качестве одной из основных причин этого нужно назвать передачу из Узбекской ССР в состав Таджикской ССР (при ее создании в 1929 г.) территории Ходжентского округа (в последующем — Ленинабадской области). Здесь с 1926 по 1939 гг. значительно сократилась доля узбеков (с 38,7 до 29,8 %), но и доля таджиков немного уменьшилась (с 57,7 до 56,7 %) на фоне роста удельного веса

русских (с 1,5 до 7,5 %). За пределами Таджикистана в 1939 г. повышенной долей таджиков характеризовались три области Узбекистана: Бухарская (9,8 %), Самаркандская (5,9 %) и Ферганская (5,6 %).

Между 1926 и 1939 гг. заметно уменьшилась доля туркмен в своей республике (с 71,9 до 59,3 %), что объясняется притоком нетитульного населения, в т.ч. русских. Удельный вес титульного народа в своей республике в 1939 г. превышал 60 % только в Ашхабадской (82,8 %) и Марыйской (69 %) областях, зато в Красноводской области был менее половины (43,7 %), а в г. Ашхабад составлял лишь 11,7 %. За пределами своей республики доля туркмен была повышена только в Каракалпакской АССР (около 5 %).

Также с 1926 по 1939 гг. понизилась доля титульного народа в Киргизии (с 66,6 до 51,7 %), и это произошло опять же по причине притока нетитульного населения. Доля киргизов в столице своей республики в 1939 г. сократилась до 6,6 %, а в Фрунзенской области — до 34,9 %. За пределами Киргизии нужно отметить повышенную долю киргизов в населении Горно-Бадахшанской АО (11,5 %) и Гармской области (6,9 %) Таджикской ССР, а также Ферганской области (4 %) Узбекской ССР.

В период между переписями 1926 и 1939 гг. в Центральноазиатском регионе почти повсеместно продолжалось падение индекса этнической однородности. К 1939 г. сохранились лишь небольшие островки относительно этнически однородных территорий близ южной границы Центральной Азии (в Киргизии, Таджикистане и Туркмении) (рис. 45). Подавляющую часть территории Центральной Азии в 1939 г. можно отнести к ярко выраженным этноконтактным зонам (с ИЭО менее 0,6). Причем величина ИЭО составляет менее 0,4 как минимум на половине площади региона, что соответствует наиболее ярко выраженным этноконтактным зонам. Таким образом, Центральная Азия к 1939 г. превратилась в полной мере в полиэтничный регион.

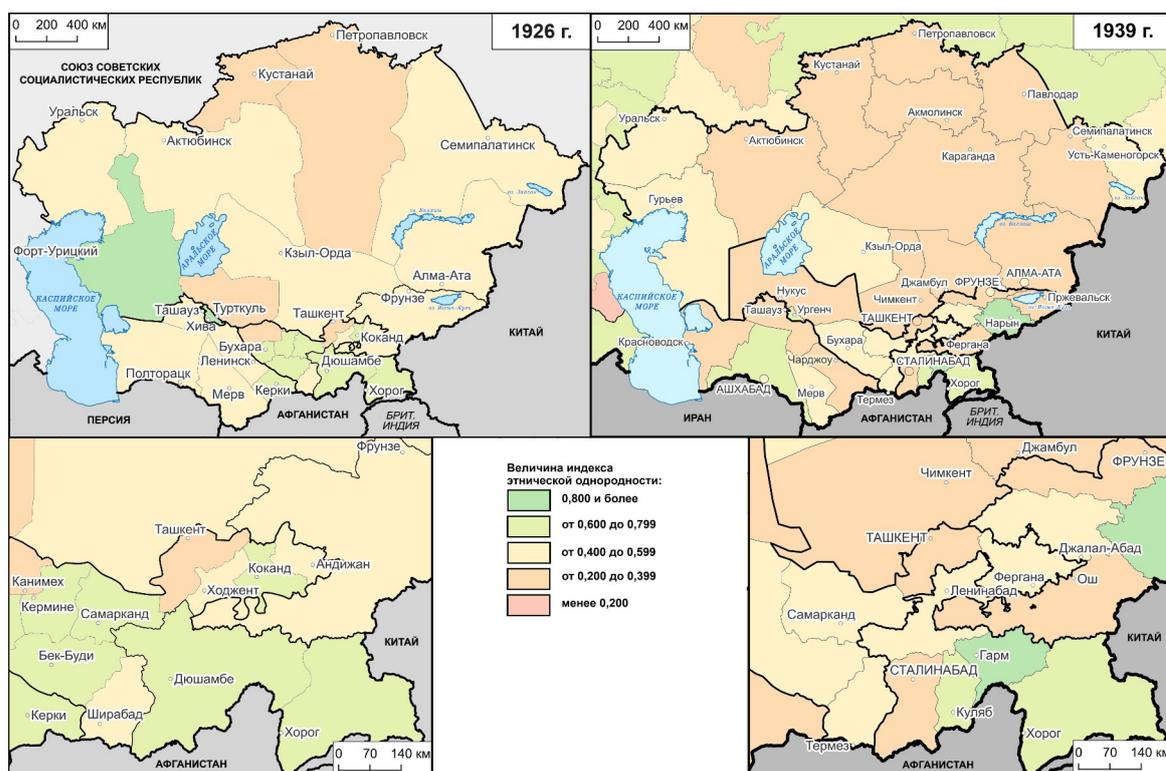

Рисунок 45 — Величина индекса этнической однородности в пределах административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг. (составлено автором по [266])

Выводы по главе 3. Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии, осуществленное в 1920–30-е гг., позволило не только закрепить внешние границы этнических ядер народов, признанных титульными (т.е. которые обрели «свои» республики), но и задать тренд на укрепление этих ядер в перспективе. Почти сразу после национально-территориального размежевания обозначилась тенденция к концентрации титульных народов на территории своих республик, которая лишь стала более заметной после распада Советского Союза. Однако сам период национально-территориального размежевания характеризовался наиболее интенсивным миграционным притоком в Центральную Азию нетитульного населения, что в условиях низкого естественного прироста титульных народов республик привело к нарастанию этнической неоднородности почти на всей территории региона.

Глава 4. Динамика территориальной структуры геотнoкультурного пространства региона с 1939 года до 2020-х годов

4.1 Сдвиги в территориальной структуре геотнoкультурного пространства региона с 1939 по 1959 годы

4.1.1 Динамика русского геопространства

На период с 1939 и 1959 гг., на который пришлось прибытие в Центральную Азию значительных масс населения из европейской части СССР [91–95], как в результате депортации ряда народов (немцев, поляков, корейцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев [194]), так и эвакуации в годы Великой Отечественной войны [92], а затем трудовой миграции на освоение целины (с 1954 г.) [7; 119], население региона выросло с 16,6 до 23,0 млн чел. (на 38,3 %), при этом численность нетитульных народов увеличилась на 71,4 % (с 6 до 10,3 млн чел.), а русского населения — на 61,1 % (с 3,9 до 6,2 млн чел.).

Удельный вес русских в населении региона с 1939 по 1959 гг. вырос с 23 до 27 %, и они вышли на первое место по численности среди всех народов Центральноазиатского региона, обойдя узбеков. Хотя урбанизированность русских за это время возросла с 50 до 60 %, в городском населении Центральной Азии их доля немного снизилась — с 47 до 46 %. В сельском населении их доля не изменилась, оставшись на уровне 15 % [129].

Доля русских в Казахстане выросла с 40 до 42,7 %, в Киргизии — с 20,8 до 30,2 %, в Узбекистане — с 11,6 до 13,5 %, в Таджикистане — с 9,1 до 13,3 %, и только в Туркмении уменьшилась с 18,6 до 17,3 %. На уровне областей республик рост доли русских с 1939 по 1959 гг. более заметен в Казахстане и Киргизии (рис. 46), но больше представления о динамике русского геопространства дает изменение коэффициента этнической концентрации в административно-территориальных единицах региона (рис. 47). Так, заметно резкое повышение концентрации русских в Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской, Алма-Атинской и Чимкентской областях Казахстана, а также Фрунзенской области Киргизии.

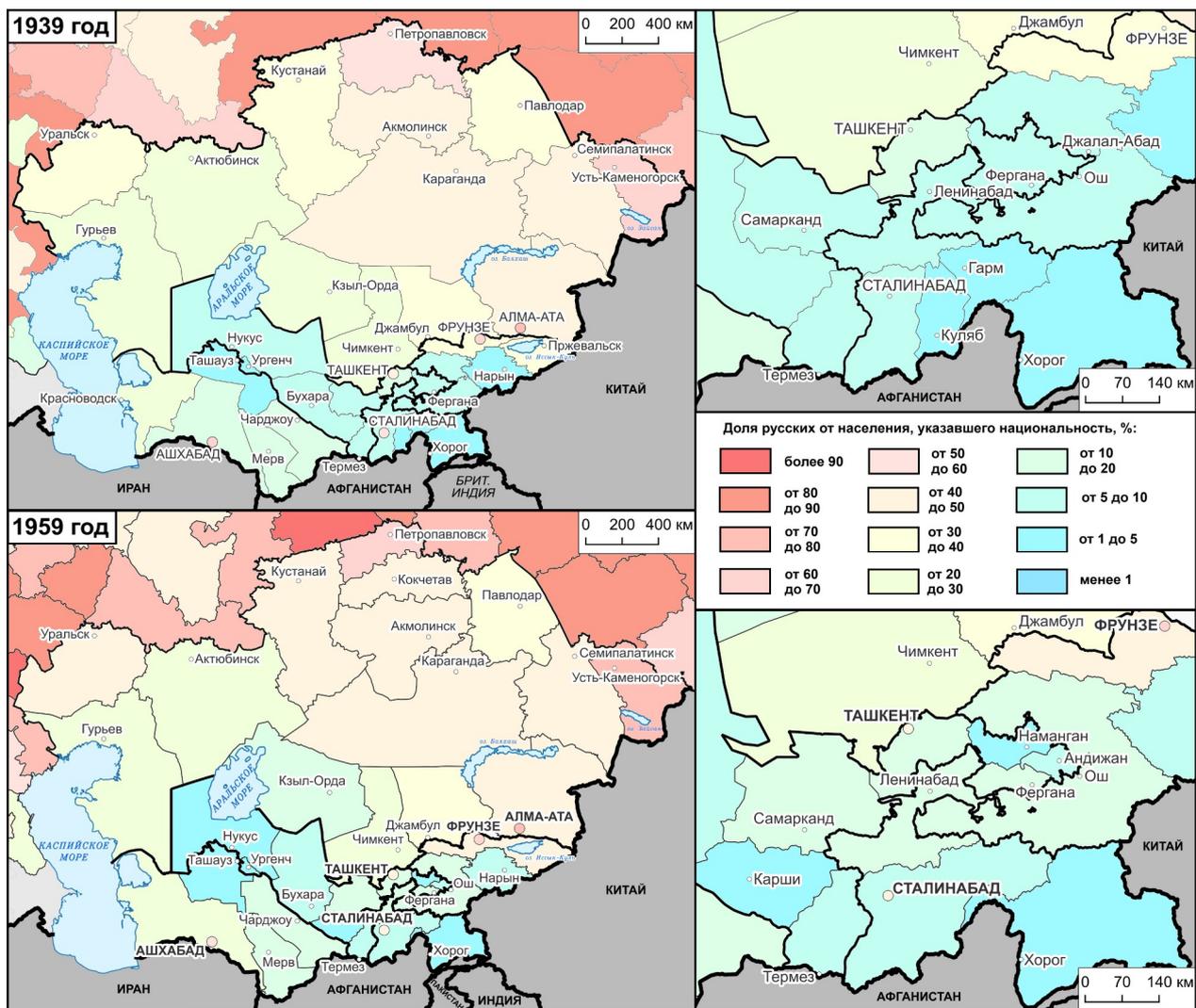

Рисунок 46 — Доля русских в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

На уровне республик коэффициент концентрации русских (рассчитанный в пределах Российско-Центральноазиатского региона) с 1939 по 1959 гг. в Центральной Азии вырос с 3,87 до 5,97 %, в т.ч. в Казахстане — с 2,47 до 3,82 %, Узбекистане — с 0,73 до 1,05 %, Киргизии — с 0,3 до 0,6 %, Туркмении — с 0,23 до 0,25 %, Таджикистане — с 0,14 до 0,25 %. Динамика коэффициента концентрации русских позволяет проследить миграционное перераспределение русского населения внутри СССР, в данном случае, направленное из России в сторону республик Центральной Азии.

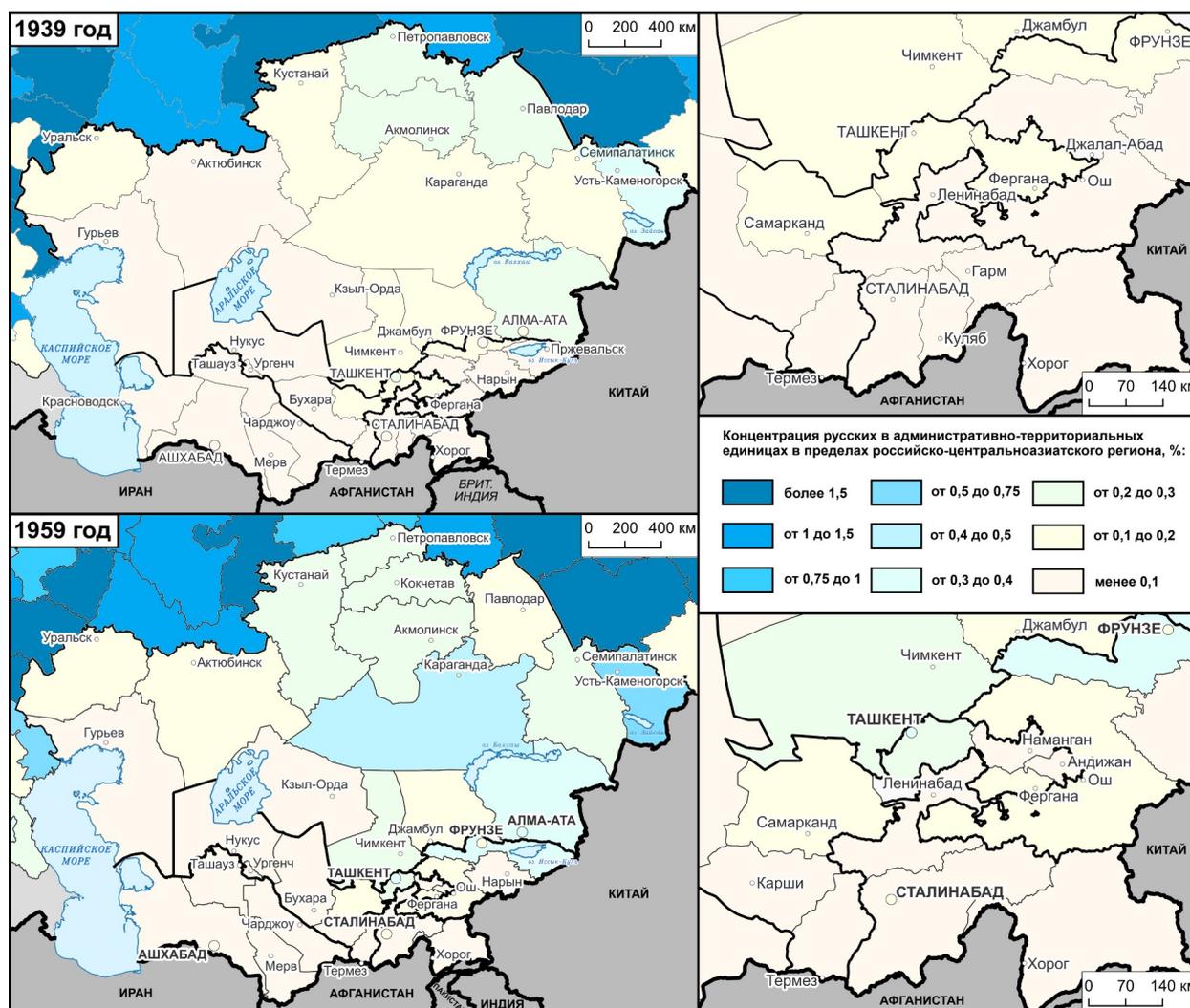

Рисунок 47 — Коэффициент концентрации русских в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

Опираясь на совокупность признаков, включая, в первую очередь, удельный вес русских и их концентрацию в административно-территориальных образованиях региона, были выделены элементы территориальной структуры русского геопространства по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. В 1939 г. часть ядра русского геопространства, а точнее, внешнего пояса ядра, распространялась за пределы России (рис. 48), охватывая Восточно-Казахстанскую Северо-Казахстанскую области (с долей русских 68,7 % и 51,2 % соответственно), а также точно — столицы Казахстана, Киргизии, Туркмении и Таджикистана (соответственно, с долей русских 72,2 %, 65,6 %, 61,9 % и 57 %).

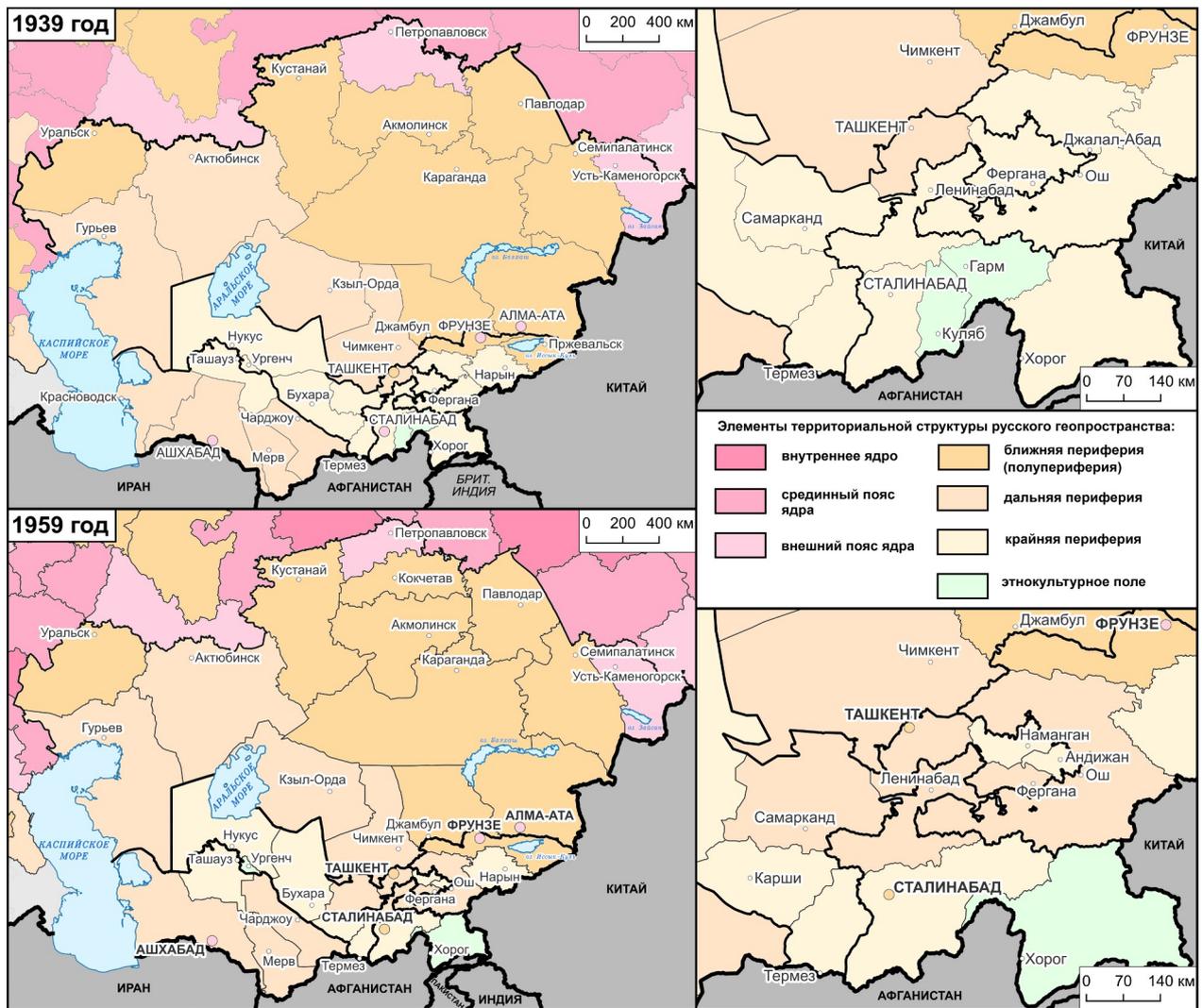

Рисунок 48 — Элементы территориальной структуры русского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

Большинство областей в северной и восточной частях Казахстана, а также Западно-Казахстанская область, Фрунзенская область в Киргизии и столица Узбекистана были отнесены к ближней периферии (полупериферии) русского геопространства. В дальнюю периферию русского геопространства были включены все остальные области Казахстана, большая часть административно-территориальных единиц Туркмении и Ташкентская область Узбекистана. Почти все оставшиеся территории республик Центральной Азии, за исключением Гармской и Кулябской областей Таджикистана (отнесенных к этнокультурному

полю русского геопространства), были причислены к крайней периферии русского геопространства.

Территориальная структура русского геопространства в пределах Центральноазиатского региона между переписями населения 1939 и 1959 гг. не претерпела значительных изменений (см. рис. 48). Описанная ранее методика выделения элементов территориальной структуры этнических геопространств как раз направлена на выявление устойчивых составляющих данной структуры, поэтому сам факт наличия сдвигов за определенный временной интервал свидетельствует о значительных изменениях не только в самих этнических геопространствах, но и в геоэтнокультурном пространстве региона в целом.

Так, за прошедший период обозначилось расширение дальней периферии русского геопространства на Ферганскую долину и прилегающие территории, включая восточные области Узбекистана (Ферганская и Самаркандская и области), север Таджикистана (Ленинабадская область) и запад Киргизии (Ошская область). Также нужно отметить выпадение столицы Таджикистана из внешнего пояса ядра русского геопространства (доля русских в г. Сталинабад за этот период снизилась с 57 до 48 %).

4.1.2 Динамика национальных геопространств

Численность титульных народов Центральной Азии с 1939 по 1959 гг. выросла с 10,6 до 12,7 млн чел., т.е. на 19,6 %, что примерно вдвое ниже прироста всего населения региона. В итоге суммарная доля титульных народов республик региона сократилась с 64 до 55 %. При этом, несмотря на рост доли горожан среди титульных народов с 13 до 22 %, в городском населении их удельный вес уменьшился с 35 до 31 %, а в сельском населении — с 74 до 71 %.

Приростом ниже среднего уровня среди титульных народов региона характеризовались казахи. Их численность выросла на 18,3 % (с 2,7 до 3,2 млн чел.), а удельный вес в населении региона уменьшился с 16 до 14 %. Доля горожан среди казахов выросла с 16 до 25 %, но во всем городском населении

региона их доля сократилась с 11 до 9 %, а в сельском населении — с 18 до 17 %. Удельный вес казахов в населении своей республики уменьшился с 37,8 до 30,0 % (минимального значения за весь период существования Казахстана).

В соответствии с представленной выше методикой определения элементов территориальной структуры этнических геопространств, в частности, опираясь на анализ в населении административно-территориальных единиц доли и концентрации казахов по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (см. прил. рис. 1–2), были выделены элементы территориальной структуры казахского геопространства на 1939 и 1959 гг. (рис. 49). Нужно отметить, что в этот период произошло повышение коэффициента концентрации казахов на территории своей республики (с 75,1 % до 77,3 %), при этом их доля уменьшилась во всех остальных республиках Российско-Центральноазиатского региона.

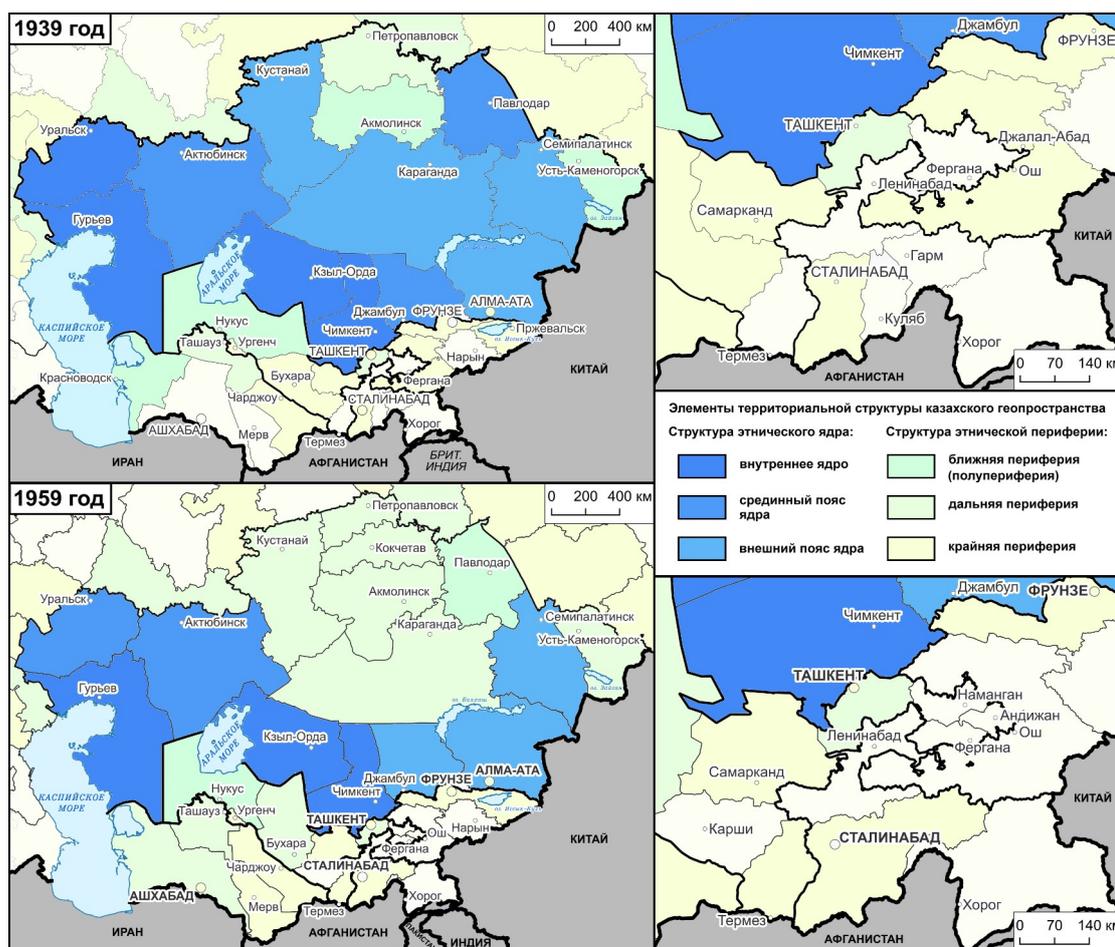

Рисунок 49 — Элементы территориальной структуры казахского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

Наиболее заметным изменением территориальной структуры казахского геопространства между 1939 и 1959 гг. стало выпадение из его ядерных поясов (срединного и внешнего) Кустанайской, Карагандинской и Павлодарской областей Казахстана, которые поменяли свой статус на ближнюю и дальнюю периферию. В качестве основных причин данного изменения следует назвать значительный миграционный приток в Казахстан, направленный на освоение целины на его севере и индустриализацию внутренних районов республики. Остальные изменения были не столь существенны.

Численность узбеков с 1939 по 1959 гг. выросла на 24 % (с 4,8 до почти 6 млн чел.), но их доля в населении региона уменьшилась с 29 до 26 %. И, хотя удельный вес горожан среди узбеков вырос с 15 до 21 %, среди городского населения региона их доля упала с 17 до 15 %, однако их доля среди сельского населения сохранилась на уровне 33 %. Удельный вес узбеков в населении своей республики уменьшился с 65,1 до 62,2 %.

В динамике элементов территориальной структуры узбекского геопространства, с учетом изменений в доле и концентрации узбеков в населении административно-территориальных единиц региона (см. прил. рис. 3–4), можно отметить расширение крайней периферии узбекского геопространства на территорию Туркмении (рис. 50). Но данное расширение связано не с реальным ростом доли и концентрации узбеков в Туркмении, а с более равномерным их распределением по территории республики.

В связи с этим следует отметить снижение коэффициента концентрации узбеков на территории своей республики с 84,2 до 83,9 %, при этом немного выросла их концентрация в России — с 0,34 до 0,49 %, в Киргизии — с 3,13 до 3,64 %, в Таджикистане — с 7,3 до 7,57 %, а в остальных республиках концентрация узбеков уменьшилась. То есть в целом можно говорить о некотором расширении узбекского геопространства в пределах Российско-Центральноазиатского региона, хотя и не столь очевидном.

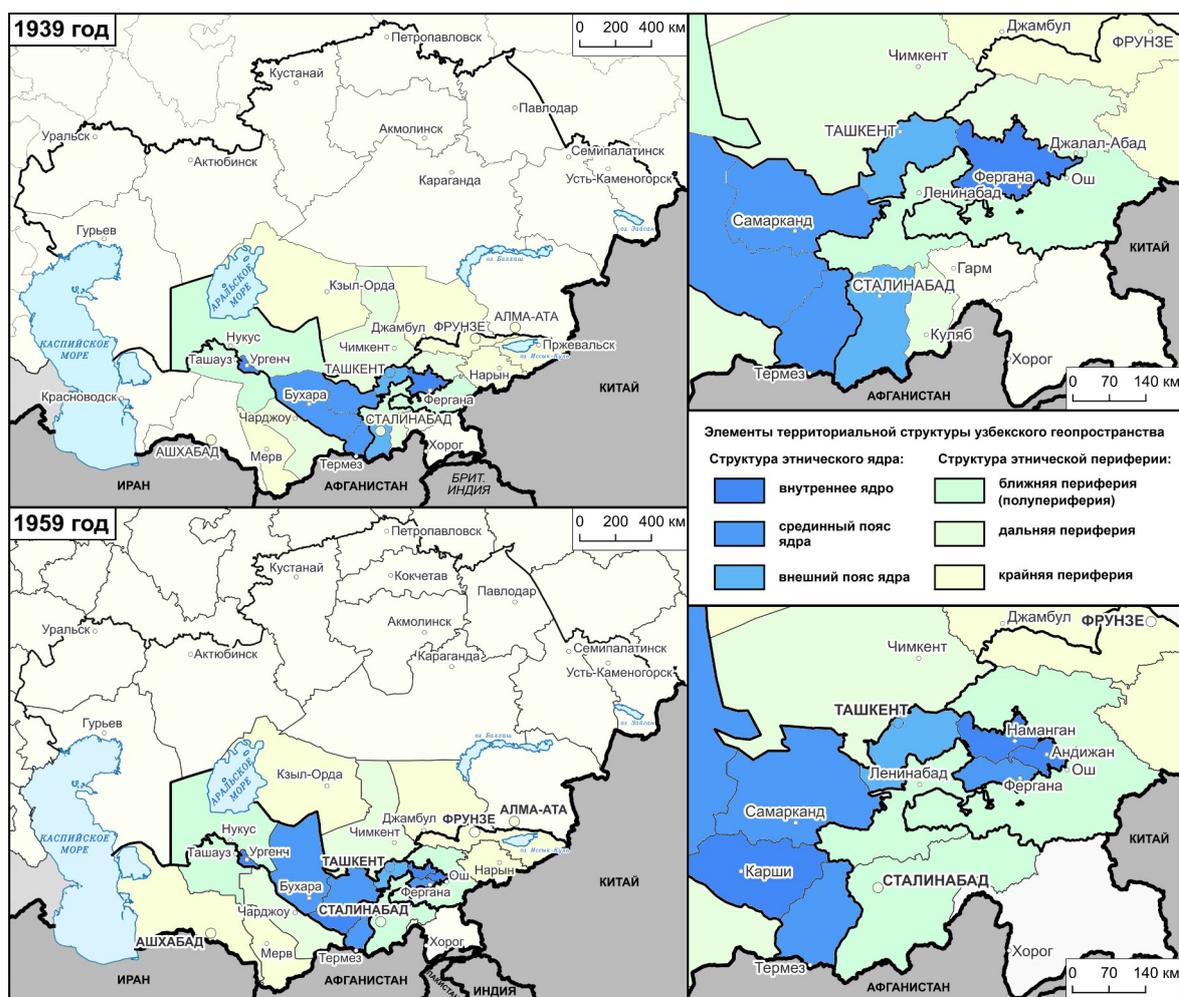

Рисунок 50 — Элементы территориальной структуры узбекского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

Среди остальных титульных народов республик Центральной Азии наиболее быстрым увеличением численности с 1939 по 1959 гг. характеризовались туркмены с приростом 24,2 % (с 795 до 987 тыс. чел.). Заметно ниже средних для титульных народов республик темпы динамики численности были у таджиков, прирост которых составил 13,2 % (с 1,23 до 1,39 млн чел.), и особенно у киргизов — прирост 9,8 % (с 876 до 962 тыс. чел.). Но в связи с тем, что данный прирост был значительно ниже среднего по всему региону, все эти народы уменьшили свою долю в населении Центральной Азии. Также нужно отметить значительный рост среди этих народов доли горожан, но

удельный вес в городском населении всего региона сумели повысить только туркмены. Однако в сельском населении региона их доля продолжала снижаться.

Сначала рассмотрим динамику доли и концентрации таджиков и киргизов (см. прил. рис. 5–6). Таджики и киргизы повысили свою концентрацию в своих республиках (с 71,9 до 75,4 % и с 85,3 до 86,5 % соответственно). При этом таджики также немного повысили свою концентрацию в России (с 0,27 до 0,5 %) и в Киргизии (с 0,87 до 1,09 %), а киргизы — в Казахстане (с 0,57 до 0,7 %). Тем не менее, в населении своих республик удельный вес таджиков и киргизов уменьшился с 59,6 до 53,1 % и с 51,7 до 40,5 % соответственно.

Отмеченные изменения мало отразились на территориальной структуре геопространств этих народов. Однако все же нужно отметить изменение статуса социокультурных центров Таджикистана и Киргизии, а точнее их столиц, благодаря росту в их населении доли титульных народов (рис. 51).

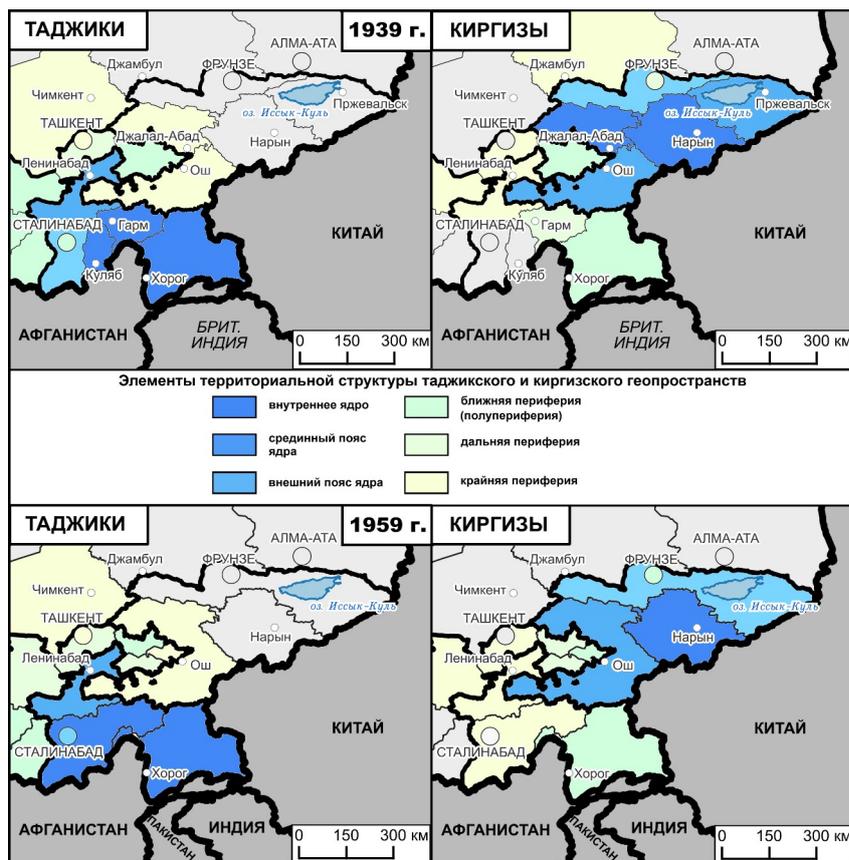

Рисунок 51 — Элементы территориальной структуры таджикского и киргизского геопространств в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

Так, столица Таджикистана переведена из категории ближней периферии во внешний пояс ядра таджикского геопространства, а столица Киргизии — из дальней периферии в ближнюю периферию (полупериферию) киргизского геопространства.

И, наконец, рассмотрим динамику доли и концентрации туркменов (см. прил. рис. 7–8). В отличие от таджиков и киргизов, туркмены повысили в своей республике не только концентрацию (с 91,3 до 92,5 %), но и удельный вес в населении (с 59,2 до 60,9 %). Из других республик следует отметить небольшое повышение концентрации туркмен в Таджикской ССР (с 0,5 до 0,71 %). Из прилегающих территорий можно обратить внимание на повышение доли и концентрации туркмен в Каракалпакской АССР.

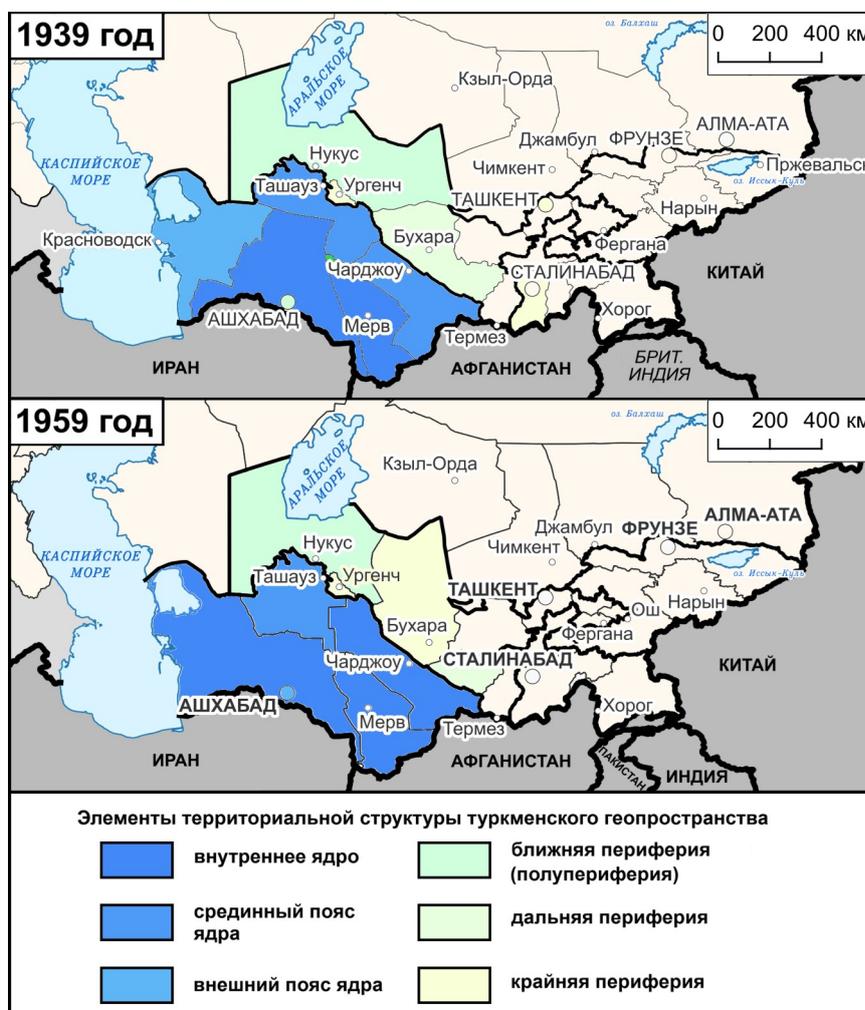

Рисунок 52 — Элементы территориальной структуры туркменского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

Но наиболее важным изменением в территориальной структуре туркменского геопространства можно считать повышение статуса столицы республики, которая благодаря росту примерно в 2,5 раза доли и концентрации титульного народа была переведена из категории полупериферии во внешний пояс ядра туркменского геопространства (рис. 52).

Что касается геопространства каракалпаков, то оно с 1939 по 1959 гг. не претерпело существенных изменений. Концентрация каракалпаков в своей автономии выросла с 85,4 до 90,6 %, но их доля в населении Каракалпакии уменьшилась с 33,8 до 30,6 %.

4.1.3 Территориальные сдвиги в геоэтнокультурном пространстве региона

Важной частью методики по выделению элементов территориальной структуры геоэтнокультурного пространства является расчет индекса этнической однородности по административно-территориальным единицам региона исследования. Данный индекс был рассчитан по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (рис. 53).

Большую часть региона по итогам обеих переписей занимали территории с величиной ИЭО от 0,2 до 0,4, что соответствует наиболее ярко выраженным этноконтактным зонам. Почти все остальные территории региона имели ИЭО от 0,4 до 0,6, что соответствует ярко выраженным этноконтактным зонам. Лишь несколько «островков» с величиной индекса более 0,6 (этнически однородные территории и неярко выраженные ЭКЗ) было представлено на южных окраинах региона.

К 1959 г. в категорию этнически однородных территорий вошла Хорезмская область Узбекистана, и в этой же республике обозначились новые относительно этнически однородные территории (Наманганская область на севере Ферганской долины и Кашка-Дарьинская область). Кроме того, снизилась выраженность этноконтактных зон в Туркмении. С другой стороны, повысилась выраженность ЭКЗ в Ленинабадской области Таджикистана и Западно-

Казахстанской области. Тем не менее, в целом следует отметить небольшое повышение этнической однородности в южной части Центральной Азии, точнее, за пределами Казахстана.

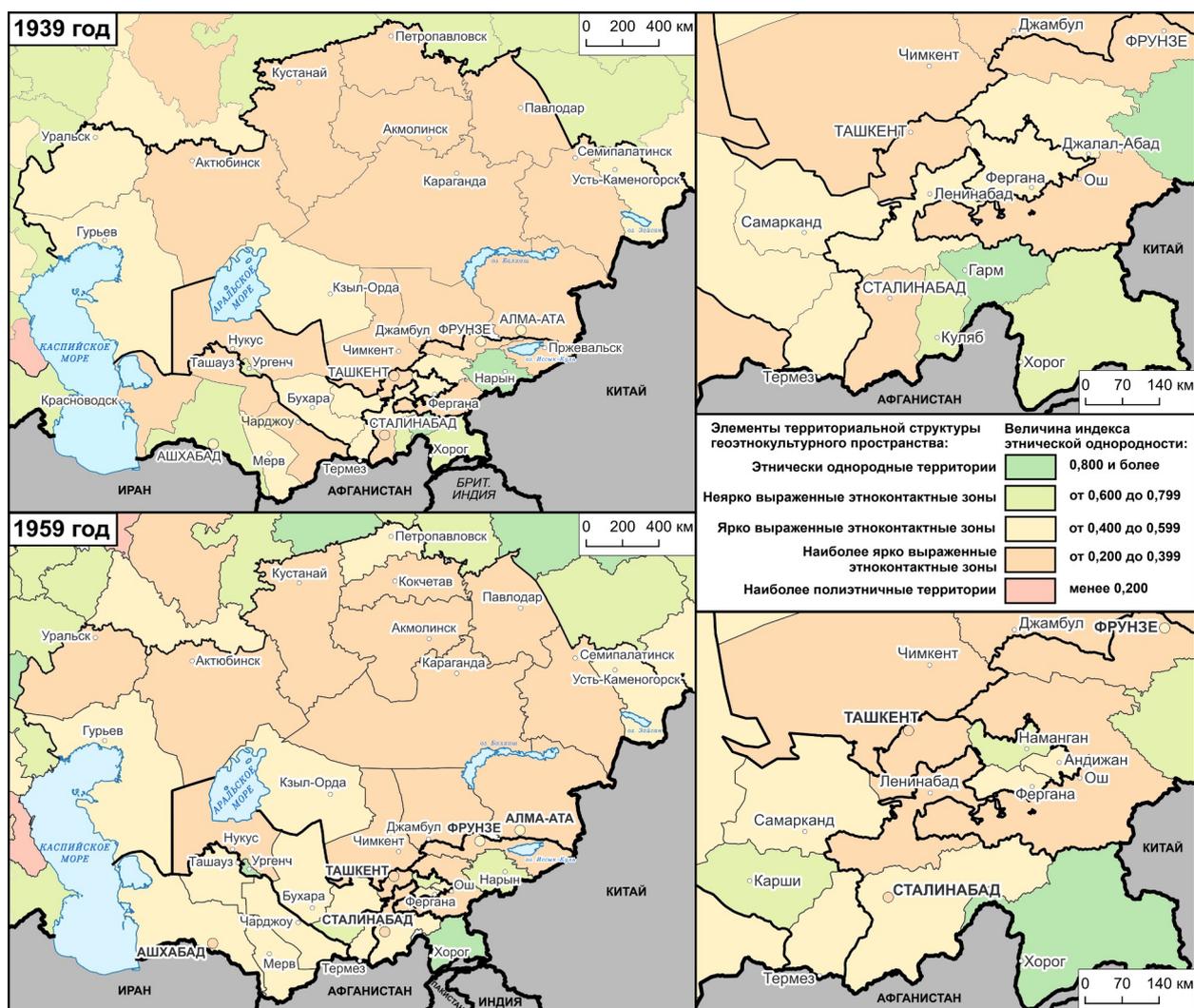

Рисунок 53 — Величина индекса этнической однородности в пределах административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

Нужно отметить, что ранее другими исследователями выделялись основные элементы этнического пространства Центральноазиатского региона по итогам Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. [129; 133], 1970 и 1989 гг. [135; 152], раунда национальных переписей 2010-х гг. [124; 135; 234], а также учета населения Казахстана в 2004 г. и переписи 2021 г. [97; 98], однако для этого использовались методика и терминология, разработанные в рамках

концепции геотнoкультурных систем. Так, элементы территориальной структуры национальных ГЭКС рассматривались в тесной связи с их взаимодействием с Русской ГЭКС, что сказывалось, во-первых, на ином подходе к выделению периферийных элементов национальных ГЭКС. Во-вторых, не учитывалось взаимодействие между самими национальными ГЭКС.

В данном исследовании при выделении элементов территориальной структуры геотнoкультурного пространства региона учитывается взаимодействие между всеми основными этническими геопространствами Центральноазиатского региона. Итоговые карты с выделением элементов территориальной структуры геотнoкультурного пространства региона исследования на 1939 и 1959 гг. представлены на рисунке 54.

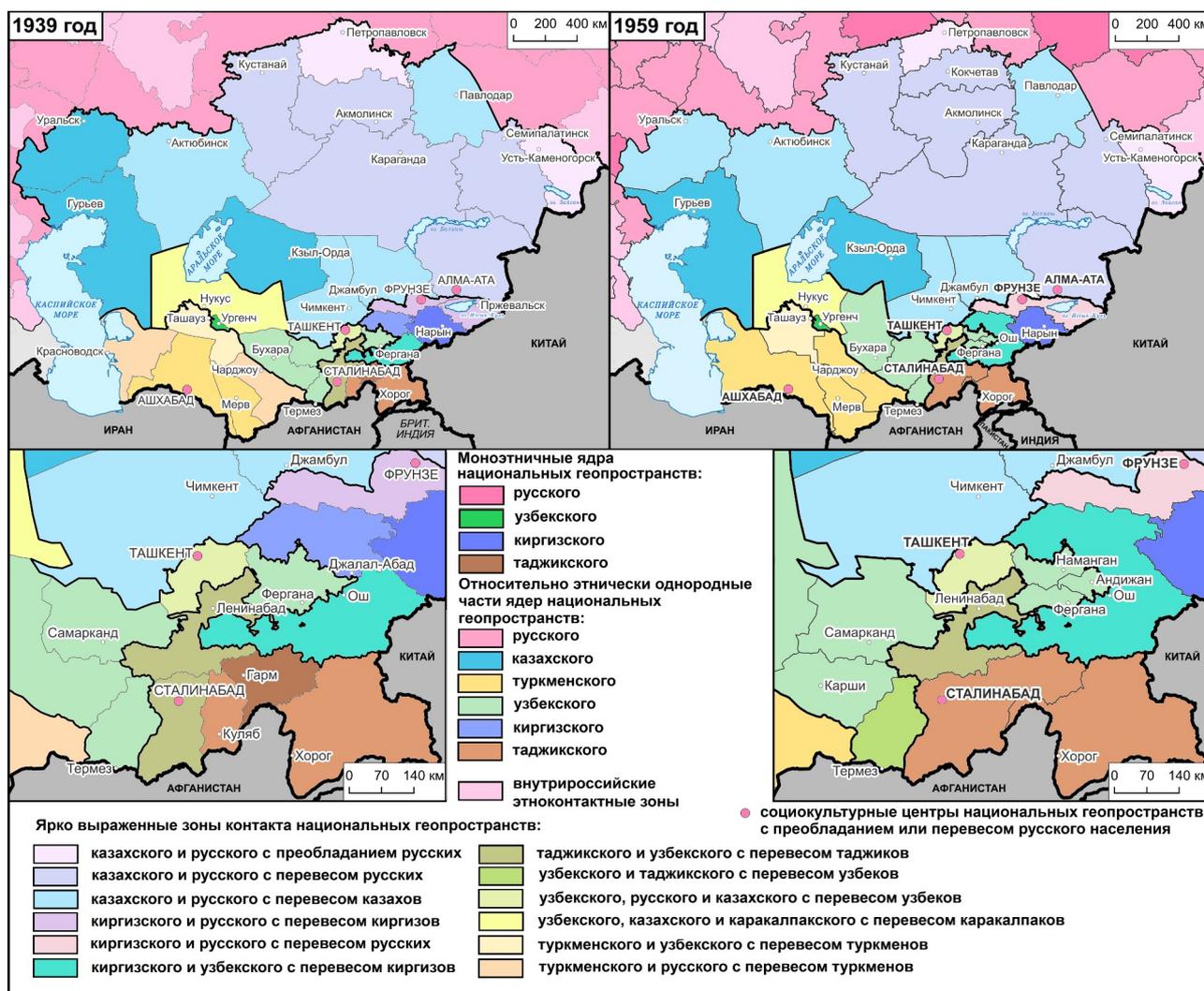

Рисунок 54 — Территориальная структура геотнoкультурного пространства Центральноазиатского региона в 1939 и 1959 гг. (составлено автором)

Во-первых, обратим внимание на отсутствие в эти годы моноэтнических частей ядер казахского и туркменского геопространств. Моноэтническими «островками» Центральной Азии в 1939 г. были Хорезмская область в Узбекистане, Тянь-Шаньская область в Киргизии, Гармская область в Таджикистане. Во-вторых, самым этнически неоднородным и относительно малым по площади ядром в регионе характеризовалось казахское геопространство, охватывающим в 1939 г. всего три области (Западно-Казахстанскую, Гурьевскую и Кызыл-Ординскую), и утратившим Западно-Казахстанскую область к 1959 г. В-третьих, значительную часть территории региона как в 1939 г., так и в 1959 г. занимали ярко выраженные зоны контакта национальных геопространств. В-четвертых, в предложенной классификации отдельно выделены все республиканские столицы как социокультурные центры национальных геопространств с преобладанием или перевесом русского населения.

Среди основных изменений в территориальной структуре геоэтнокультурного пространства региона между 1939 и 1959 гг. можно отметить: 1) смену категории Фрунзенской области Киргизии (в связи с переходом к перевесу русского населения); 2) выпадение одной из категорий контактной зоны в Туркмении, где был обозначен перевес русского населения над туркменским.

Кроме того, была дана оценка динамики с 1939 по 1959 гг. контактной зоны метаэтнического уровня — между коренными народами Центральной Азии (к которым, вместе с титульными народами республик, были отнесены уйгуры) и некоренным населением, причем раздельно для городского и сельского населения региона [160]. В метаэтнической динамике сельского населения регион четко делится на две части — в его южной части (включая Гурьевскую, Кызыл-Ординскую и Джамбульскую области Казахстана, и все республики Средней Азии) началось нарастание метаэтнической однородности в пользу коренного населения, а в северной части (в основном Казахстан, а также

Фрунзенская область Киргизии) тоже обозначилось нарастание метаэтнической однородности, но в пользу некоренного населения [160, с. 115]. В городском населении региона наблюдалась схожая динамика, однако не только на севере, но и в центральной части региона, а именно, в городских поселениях Ферганской долины и прилегающих территорий, сохранялся рост доли некоренного населения, т.е. продолжалось наступление контактной зоны метатнического уровня [160, с. 113].

4.2 Сдвиги в территориальной структуре геотнoкультурного пространства региона с 1959 по 1989 годы

4.2.1 Динамика русского геoпространства

В период между переписями населения 1959 и 1989 гг. произошел более значительный, на фоне предыдущего периода, демографический рост коренных народов Центральной Азии [9; 10; 20; 85], а также выросла урбанизированность титульных народов республик региона [21; 96; 157]. На этом фоне замедлился миграционный приток нетитульного (в т.ч. русского) населения. Так, численность всего населения региона с 1959 по 1989 гг. увеличилась в 2,14 раза (с 23 до 49,1 млн чел.), при этом численность титульных народов росла намного быстрее — в 2,66 раза, чем нетитульного населения — в 1,5 раза, в т.ч. русских — в 1,53 раза (с 6,2 до 9,5 млн чел.). В итоге доля русских среди всего населения Центральной Азии упала с 27 до 19 %.

Урбанизированность русского населения в Центральной Азии к 1989 г. достигла своего максимума за весь советский период — 81 % [234], однако доля русских среди городского населения региона сократилась с 46 до 35 %, а среди сельского населения — с 15 до 7 %. Уменьшилась доля русских в населении всех республик региона: в Казахстане — с 42,7 до 37,8 % (однако снижение здесь началось с 1970 г.), в Киргизии — с 30,2 до 21,5 %, в Туркмении — с 17,3 до 9,5 %, в Узбекистане — с 13,5 до 8,3 %, в Таджикистане — с 13,3 до 7,6 %.

Падение доли русских в этот период достаточно хорошо прослеживается и на уровне областей республик Центральной Азии (рис. 55), оно произошло как в большинстве наиболее «русских» областей Казахстана и Киргизии, так и в областях других республик, где доля русских и ранее была невысокой. Также нужно отметить значительное уменьшение удельного веса русских в населении столиц республик региона: в г. Алма-Ата — с 73 до 59 %, в г. Фрунзе — с 69 до 56 %, в г. Ташкент — с 44 до 34 %, в г. Ашхабад — с 50 до 32 %, в г. Душанбе — с 48 до 32 %.

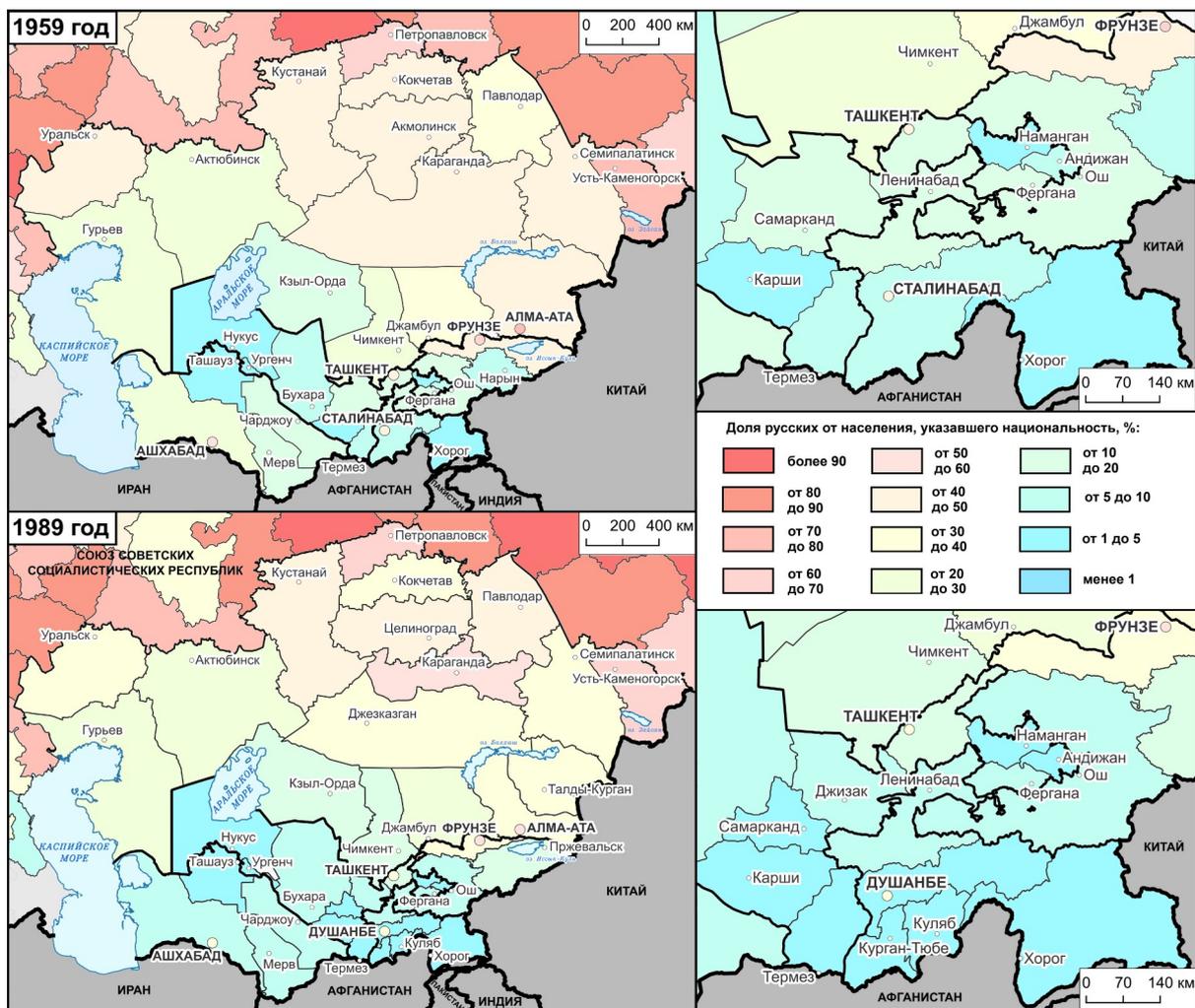

Рисунок 55 — Доля русских в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг.

(составлено автором по [266])

Уменьшение доли русских в регионе происходило на фоне роста их концентрации в Центральной Азии (если данный показатель рассчитывать от всего населения Российско-Центральноазиатского региона) — с 1959 по 1989 гг. КЭК русских вырос с 6,0 до 7,4 %. В Казахстане концентрация русских увеличилась с 3,82 до 4,81 %, в Узбекистане — с 1,05 до 1,28 %, в Киргизии — с 0,6 до 0,71, в Таджикистане — с 0,25 до 0,30 %, в Туркмении — с 0,25 до 0,26 %. Хотя это и объясняется в большей мере обострением демографической ситуации в самой России, но свидетельствует также и о том, что в позднесоветский период сохранялся достаточно значительный миграционный поток в республики Центральной Азии, причем даже на фоне демографического «оскудения» самой

России, просто он уже не мог соперничать с демографическим ростом коренных народов Центральноазиатского региона.

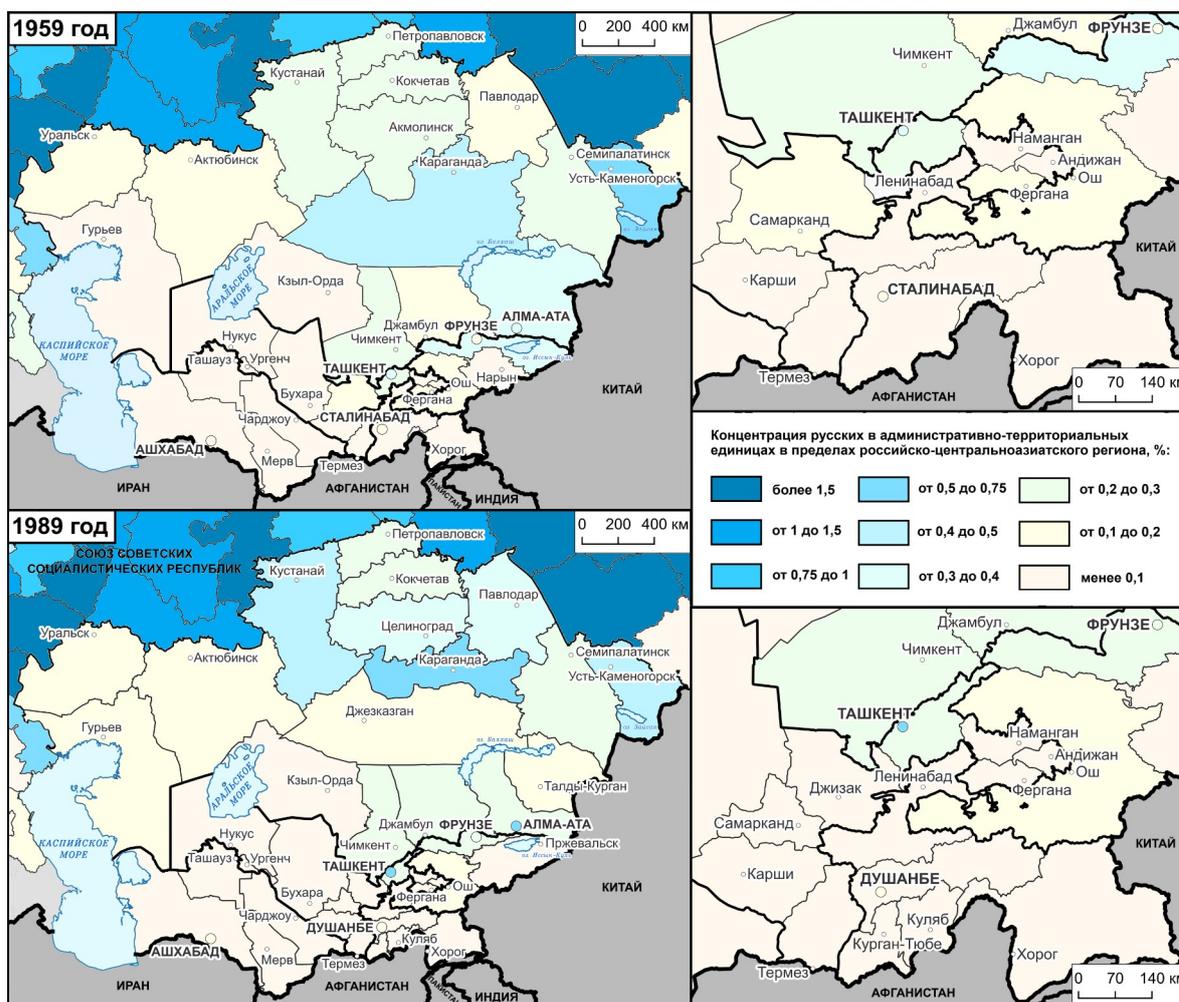

Рисунок 56 — Коэффициент концентрации русских в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

На уровне областей республик Центральной Азии (рис. 56) наиболее заметен рост концентрации русских в некоторых соседних с Россией областях Казахстана (например, Кустанайской, Павлодарской), а также в некоторых столицах республик (особенно в г. Алма-Ата и г. Фрунзе), но в большинстве областей республик региона увеличение КЭК русских было незначительным, не повлияв в целом на географию расселения русских в пределах Центральноазиатского региона.

Произошедшие с 1959 по 1989 гг. изменения в расселении русских на территории Центральной Азии мало отразились на территориальной структуре русского геопространства в регионе (рис. 57).

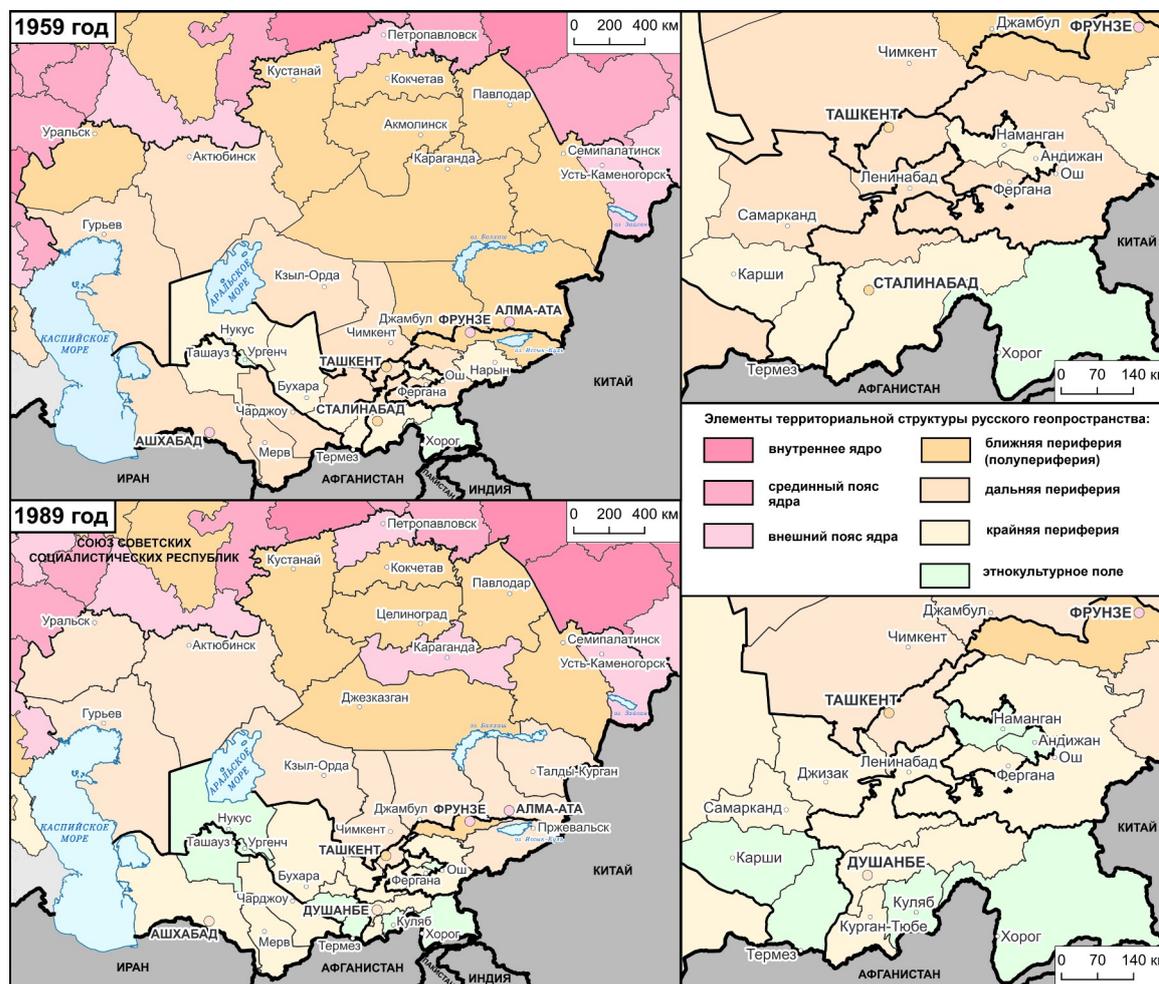

Рисунок 57 — Элементы территориальной структуры русского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

В первую очередь, можно обратить внимание на сужение периферийных поясов русского геопространства в южной части Центральной Азии, вплоть до перехода части территорий в этнокультурное поле, которые появились в Узбекистане (включая Каракалпакию и Ферганскую долину), в Туркмении и Таджикистане. Во-вторых, произошло сужение полупериферийного пояса русского геопространства в Казахстане. Так, данный статус утратили Уральская,

Джамбульская и Алма-Атинская области, причисленные в 1989 г. к дальней периферии русского геопространства.

4.2.2 Динамика национальных геопространств

Численность титульных народов республик региона с 1959 по 1989 гг. выросла с 12,7 до 33,8 млн чел., т.е. в 2,66 раза, доля городского населения среди них — с 22 до 32 %. Суммарная доля титульных народов в населении региона увеличилась с 55 до 69 %, их доля в городском населении Центральной Азии — с 31 до 48 %, а в сельском населении — с 71 до 86 % [234]. То есть этническая ситуация перед распадом СССР в регионе вернулась к состоянию на начало советского периода (близко к итогам переписи 1926 г.).

Несколько более низкими относительно средних для титульных народов были темпы роста численности казахов — в 2,31 раза (с 3,2 до 7,5 млн чел.), но нужно отметить заметный «скачок» их урбанизированности — с 25 до 39 %. Казахи к 1989 г. оставались на третьем месте среди народов региона по численности, уступая русским, но их доля во всем населении региона немного подтянулась — с 14 до 15 %, в т.ч. среди городского населения — с 9 до 13 %, а среди сельского населения осталась на прежнем уровне — на уровне 17 %.

В населении Казахстана доля казахов выросла с 30 до 39,7 %, причем данный рост произошел в большинстве областей республики, но более заметный — в ее южной части (см. прил. рис. 9), где по-прежнему концентрировалась подавляющая часть казахского населения (см. прил. рис. 10). При этом нужно отметить повышение концентрации казахов в своей республике — с 77,3 до 80,5 % (в пределах Российско-Центральноазиатского региона). Из других республик рост КЭЖ казахов произошел только в Узбекистане — с 9,3 до 10 % (благодаря г. Ташкент, Бухарской области и Каракалпакской АССР).

Но положительные изменения в пользу казахского геопространства произошли и в северной части республики. В результате появились основания для включения Семипалатинской области в срединный пояс ядра казахского

геопространства, а Джезказганской области — во внешний пояс ядра. Также был повышен статус еще четырех северных областей Казахстана — до уровня ближней периферии казахского геопространства (рис. 58).

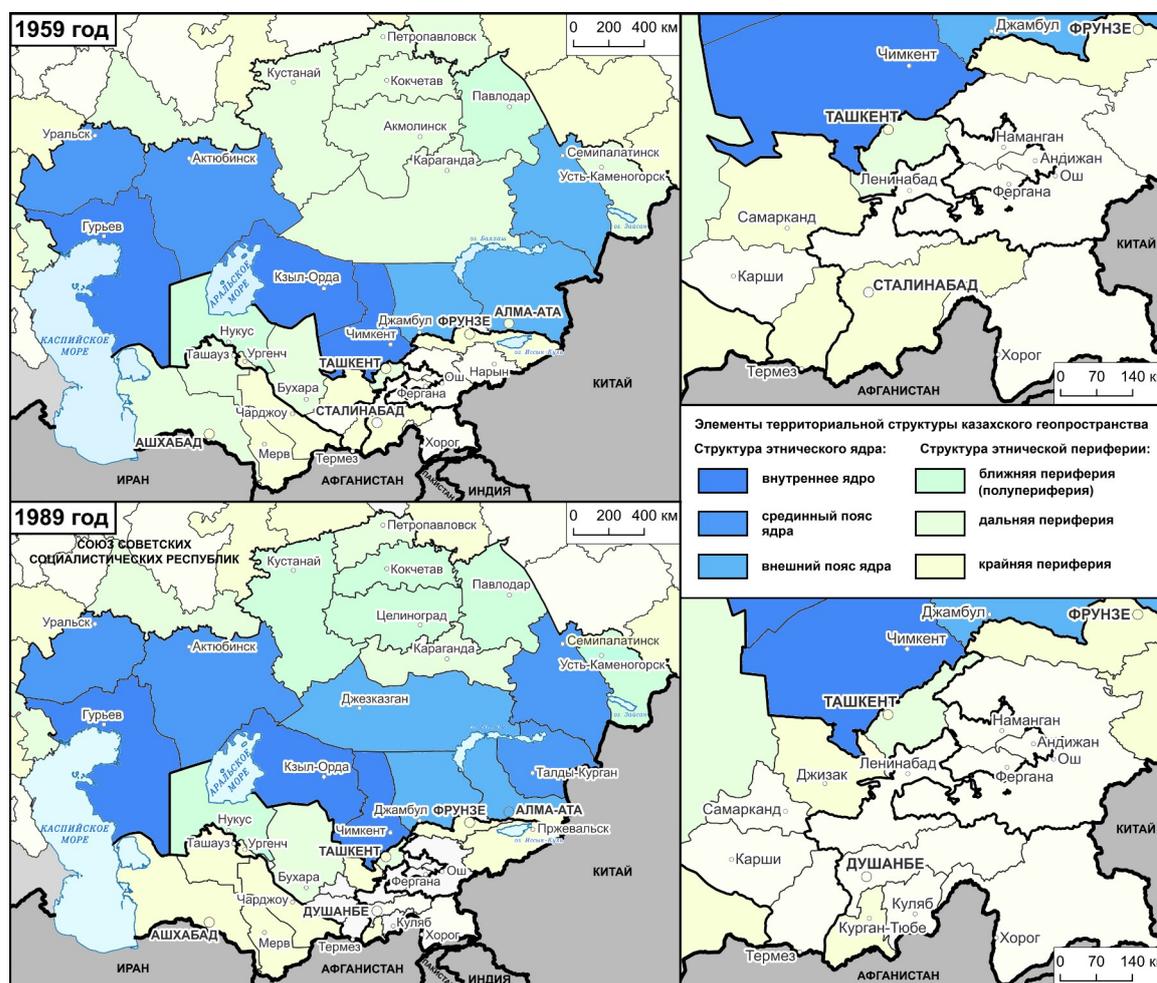

Рисунок 58 — Элементы территориальной структуры казахского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

Численность узбеков в Центральной Азии с 1959 по 1989 гг. выросла с 6 до 16,6 млн. чел., т.е. в 2,77 раза, и их доля в населении региона увеличилась с 26 до 34 %. Урбанизированность узбеков за это время возросла с 21 до 30 %, и их доля в городском населении региона увеличилась с 15 до 23 %, но в сельском населении их удельный вес вырос еще больше — с 33 до 43 %.

Доля узбеков в позднесоветский период выросла фактически во всех областях Узбекистана (особенно заметно — в Ферганской долине), но КЭЖ

узбеков в областях сохранился примерно на том же уровне (см. прил. рис. 11–12). В целом нужно отметить небольшое повышение уровня концентрации узбеков в пределах своей республики (с 83,9 до 84,9 %), но также наблюдался рост КЭЖ узбеков в России (с 0,49 до 0,76 %). Из-за того, что прирост узбеков в обозначенный период был достаточно равномерным, территориальная структура узбекского геопространства не претерпела существенных изменений (рис. 59).

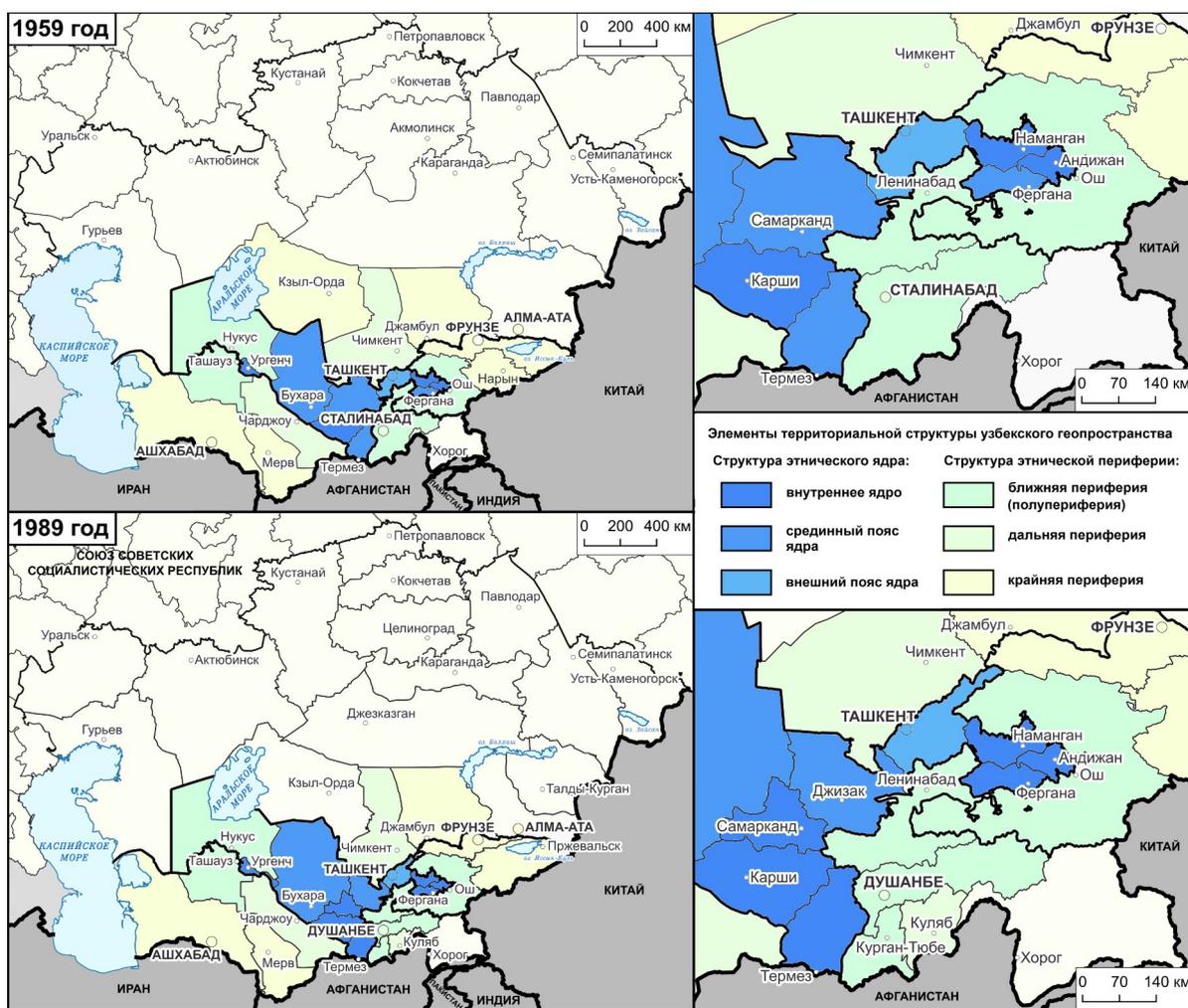

Рисунок 59 — Элементы территориальной структуры узбекского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

Таджики в позднесоветский период характеризовались самым высоким ростом численности среди титульных народов республик Центральной Азии (с 1,4 до 4,2 млн чел., т.е. в 3 раза), и их доля во всем населении региона увеличилась с 6 до 8 % [151]. При этом они сохраняли сравнительно низкий

уровень урбанизированности — доля городского населения среди них выросла с 20 до 28 %. Удельный вес таджиков в населении своей республики увеличился с 53,1 до 62,3 %. При этом сохранился на прежнем уровне КЭК таджиков в Таджикистане (75,4 %), однако нужно отметить рост их концентрации в России (с 0,5 до 0,91 %). Внутри Таджикистана произошло значительное увеличение их доли и концентрации в столице республики (см. прил. рис. 13–14).

Рост численности киргизов с 1959 по 1989 гг. был немного меньше среднего для титульных народов республик Центральной Азии (с 962 тыс. чел. до 2,5 млн чел., т.е. в 2,58 раза), при этом киргизы в 1989 г. оказались в категории наименее урбанизированных народов региона (уступая в этом плане только уйгурам), их урбанизированность выросла за данный период с 20 до 21 %. Доля киргизов в населении своей республики увеличилась с 40,5 до 52,4 % [151]. Их концентрация в пределах Киргизии выросла с 86,5 до 88,3 %, но также увеличился КЭК киргизов в России (с 0,49 до 1,65 %), а наиболее значительное падение их концентрации было в Узбекистане (с 9,59 до 6,93 %).

Как и в Таджикистане, в Киргизии значительно повысилась доля и концентрация титульного этноса в столице своей республики (см. прил. рис. 13–14), что дало основание для включения столиц в состав ядер (точнее, их внешних поясов) в территориальной структуре как таджикского, так и киргизского геопространств (рис. 60).

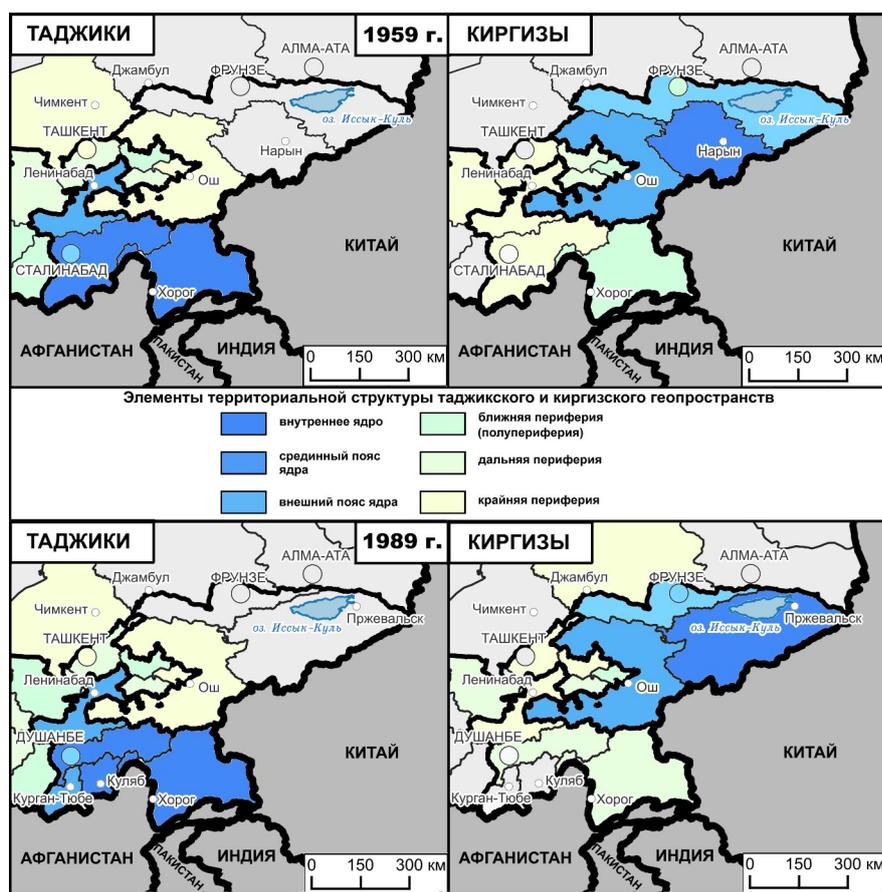

Рисунок 60 — Элементы территориальной структуры таджикского и киргизского геопространств в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

Немного выше среднего для титульных народов республик региона в позднесоветский период был рост численности туркменов (с 987 тыс. чел. до 2,7 млн чел., т.е. в 2,74 раза). Их урбанизованность выросла с 25 до 33 %. Доля туркменов в населении своей республики увеличилась с 60,9 до 72,0 %, а концентрация в Туркмении — с 92,48 до 93,15 %. Вместе с тем, немного вырос КЭК туркменов в России — с 1,16 до 1,46 %, но сильно уменьшился в Узбекистане — с 5,49 до 4,46 %.

Рост доли туркменов был достаточно равномерным на территории республики, благодаря чему их концентрация на уровне областей изменилась незначительно (см. прил. рис. 15–16). По этой причине почти неизменной осталась территориальная структура туркменского геопространства (рис. 61). Тем не менее, нужно отметить рост удельного веса титульного этноса в

населении столицы Туркмении, превысивший 50 %, а также повышения в ней КЭК туркменов.

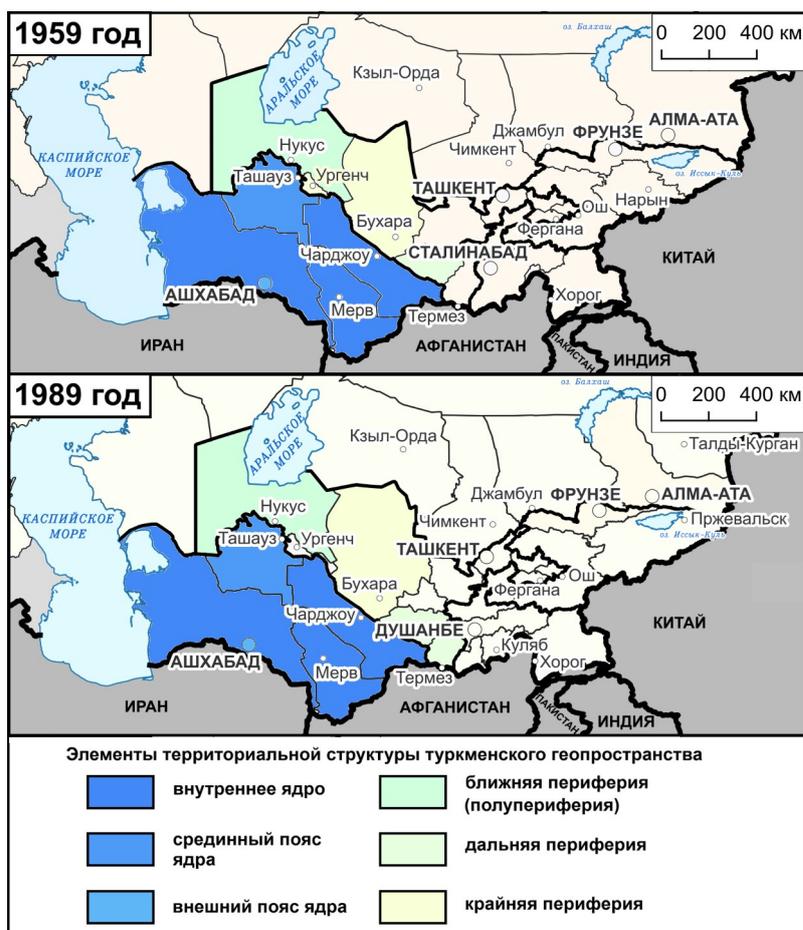

Рисунок 61 — Элементы территориальной структуры туркменского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

Что касается геопространства каркалпаков, то оно оставалось стабильным. Концентрация каракалпаков в Каракалпакской АССР выросла с 90,6 до 92 %, их доля в автономной республике — с 30,6 до 32,1 %.

4.2.3 Территориальные сдвиги в геоэтнокультурном пространстве региона

В период между переписями 1959 и 1989 гг. в южной части региона расширились относительно этнически однородные территории: в Туркмении, Узбекистане (в т.ч. в Ферганской долине), Таджикистане. Такая же территория

впервые за период с 1930-х гг. появилась на юге Казахстана — Кызыл-Ординская область (рис. 62). Заметно сократились территории, соответствующие наиболее ярко выраженным этноконтактным зонам (с ИЭО менее 0,4). В частности, из этой категории вышли столицы Таджикистана и Туркмении, а также Ошская область Киргизии и Ленинабадская область Таджикистана.

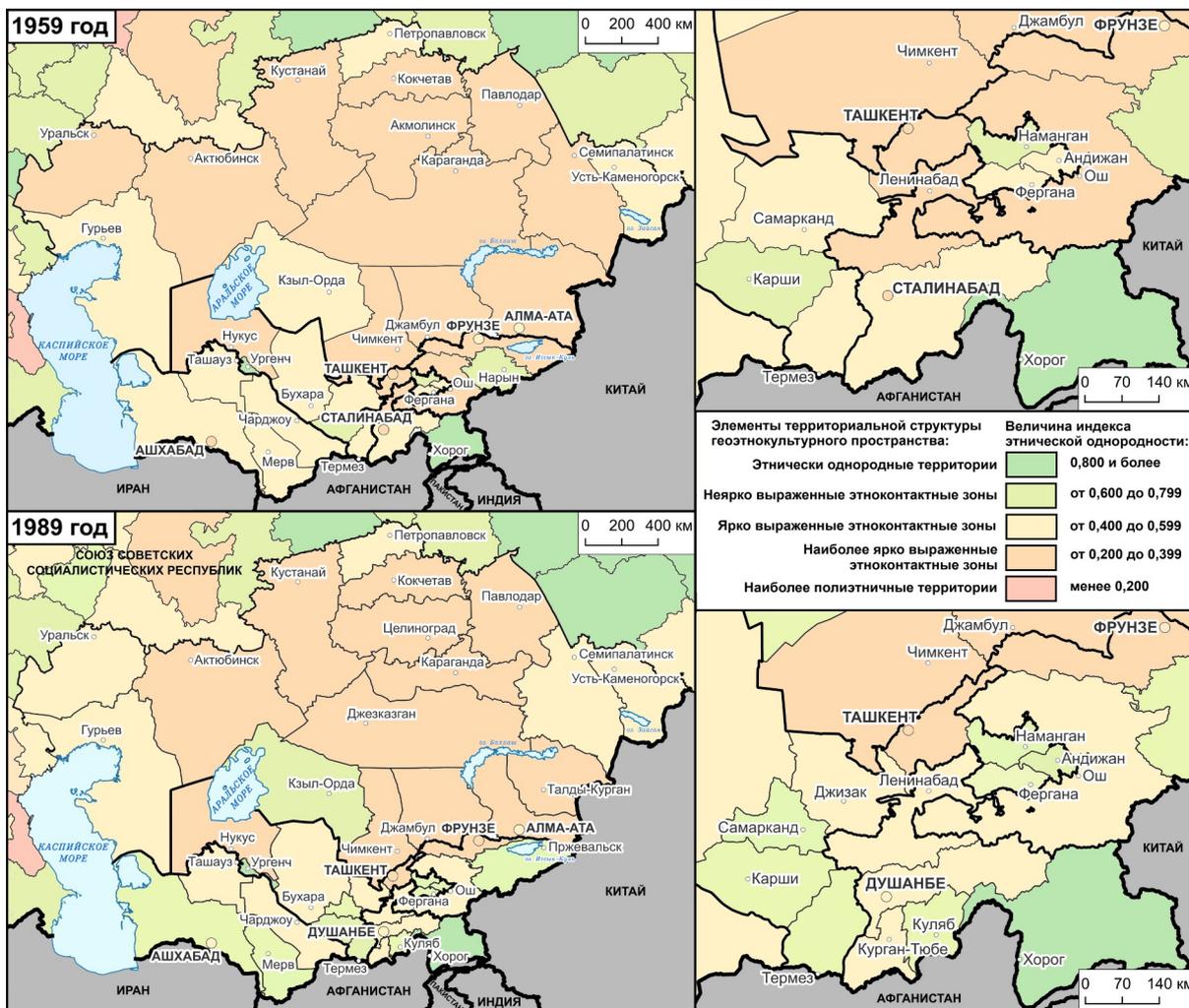

Рисунок 62 — Величина индекса этнической однородности в пределах административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

Обозначенные изменения в этнической однородности территорий свидетельствовали об укреплении этнических ядер всех пяти геопространств титульных народов республик Центральной Азии, главным образом, по причине сжатия в пределах региона геопространств нетитульных народов, в т.ч. русских. Так, например, кроме столиц республик, это затронуло ряд областей на юго-

востоке Казахстана и Фрунзенскую область Киргизии, в населении которых перевес от русских перешел к титульным народам республик (рис. 63). Однако, несмотря на общий тренд на повышение концентрации титульных народов в своих республиках, сохраняли высокую степень выраженности контактные зоны между геопространствами титульных народов региона.

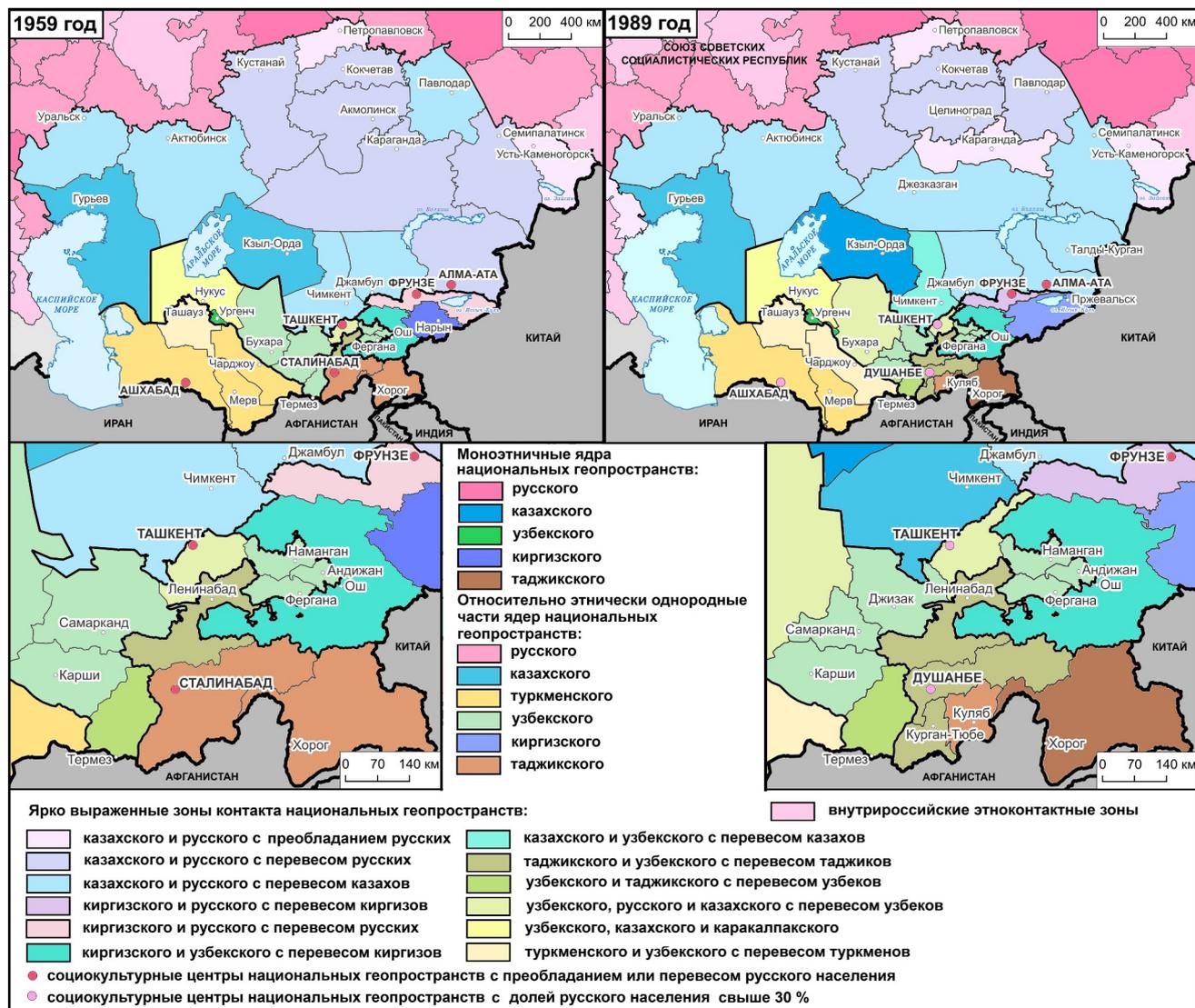

Рисунок 63 — Территориальная структура геоэтнокультурного пространства Центральноазиатского региона в 1959 и 1989 гг. (составлено автором)

Но если рассматривать метаэтнический уровень этнокультурного взаимодействия (между коренными и некоренными народами региона), то в позднесоветский период следует говорить об уже явном тренде на рост метаэтнической однородности территории Центральной Азии в пользу коренных

народов. Причем данный процесс происходил уже не только среди сельского, но и городского населения региона.

И, если в период с 1939 по 1959 гг. данное явление характеризовало преимущественно сельское население (и лишь частично городское) в южной части Центральноазиатского региона, то уже в период с 1959 по 1970 гг. произошел очевидный перелом, когда данный процесс охватил почти полностью весь регион, за исключением городского населения ряда областей на северо-востоке Казахстана [160, с. 113, 115]. А в период с 1970 по 1989 гг. на юго-востоке Центральной Азии произошло формирование крупного массива однородных в метаэтническом плане территорий. С другой стороны, в конце советского периода пока еще оставалось несколько областей на севере Казахстана, в населении которых сохранялся перевес в пользу некоренного населения, хотя и здесь четко обозначился тренд на снижение доли нетитульных народов [161, с. 81].

4.3 Сдвиги в территориальной структуре геотнoкультурного пространства региона с 1989 года по начало 2020-х годов

4.3.1 Динамика русского геoпространства

За постсоветский период, а точнее, в интервале между последней Всесоюзной переписью населения 1989 г. и национальными переписями населения на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. (в Таджикистане — в 2020 г., в Казахстане и Узбекистане — в 2021 г., в Кыргызстане и Туркменистане — в 2022 г.), численность населения Центральной Азии выросла с 49,1 до 77,4 млн чел., т.е. более чем в 1,5 раза, или, точнее, на 57,5 %. Этот рост был достигнут исключительно за счет титульных народов республик, в то время как численность нетитульного населения уменьшилась примерно вдвое (с 15,4 до 7,6 млн чел.), а русских — даже в 2,3 раза (с 9,5 до 4,1 млн чел.).

Доля русских в населении региона уменьшилась с 19 до 5 %, в т.ч. среди городского населения — с 35 до 11 %, а сельского населения — с 7 до 2 %. Также нужно отметить снижение урбанизированности русского населения (с 81 до 77 %), что свидетельствует о более интенсивном миграционном оттоке русских именно из городских поселений региона.

Динамике русского населения в Центральноазиатском регионе в целом и его отдельных республиках в постсоветский период посвящено достаточно много исследований [189; 191; 192; 226; 245; 249; 264 и др.]. Также большое внимание уделяется вопросам русскоязычия в постсоветской Центральной Азии [128; 150; 172; 254] и демографической динамике преимущественно русскоязычных этнических групп, представители которых начали интенсивно покидать регион в постсоветское время, например, белорусов [76], украинцев [88], всех восточных славян [227], татар [174] и др.

Наибольший миграционный отток русских в период с 1989 г. по начало 2020-х гг. происходил из Казахстана, где в позднесоветское время сохранялась наиболее многочисленная группа русских в Центральной Азии. В Казахстане произошло более чем двукратное уменьшение доли русских (с 37,8 до 15,5 %).

Но еще более значительное падение удельного веса русских произошло в населении других республик: в Кыргызстане— с 21,5 до 4,1 %, в Узбекистане — с 8,3 до 2,1 %, в Туркменистане — с 9,5 до 1,6 %, в Таджикистане — с 7,6 до 0,3 %. Русские оказались в числе самых малочисленных этнических групп в южной части Центральноазиатского региона. А в Казахстане, где еще в 1989 г. в столице и трех областях доля русских превышала 50 % (и был перевес над казахским населением еще в четырех областях), к 2021 г. сохранилась только одна область (Северо-Казахстанская) с перевесом русского населения (рис. 64).

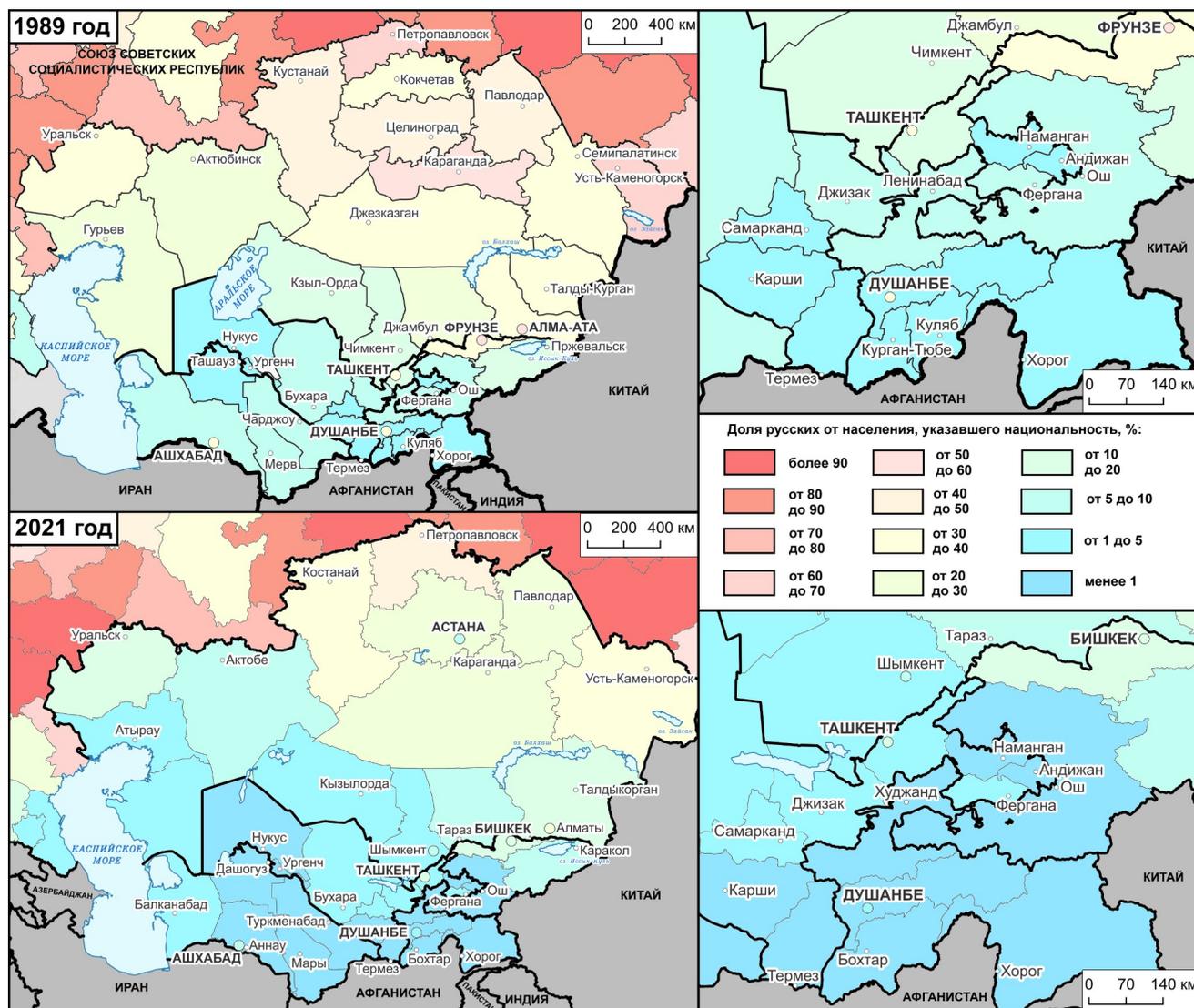

Рисунок 64 — Доля русских в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1989 г. и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

Концентрация русских в Центральной Азии с 1989 г. по начало 2020-х гг. (от общей численности населения Российско-Центральноазиатского региона) снизилась с 7,36 % до 3,88 %. КЭК русских в Казахстане уменьшился с 4,81 до 2,76 %, в Узбекистане — с 1,28 до 0,67 %, в Кыргызстане — с 0,71 до 0,32 %, в Туркменистане — с 0,26 до 0,11 %, в Таджикистане — с 0,3 до 0,03 %. То есть южная часть региона почти полностью лишилась русского населения, относительно повышенная концентрация последних сохранилась только в нескольких областях в северной и восточной частях Казахстана (рис. 65).

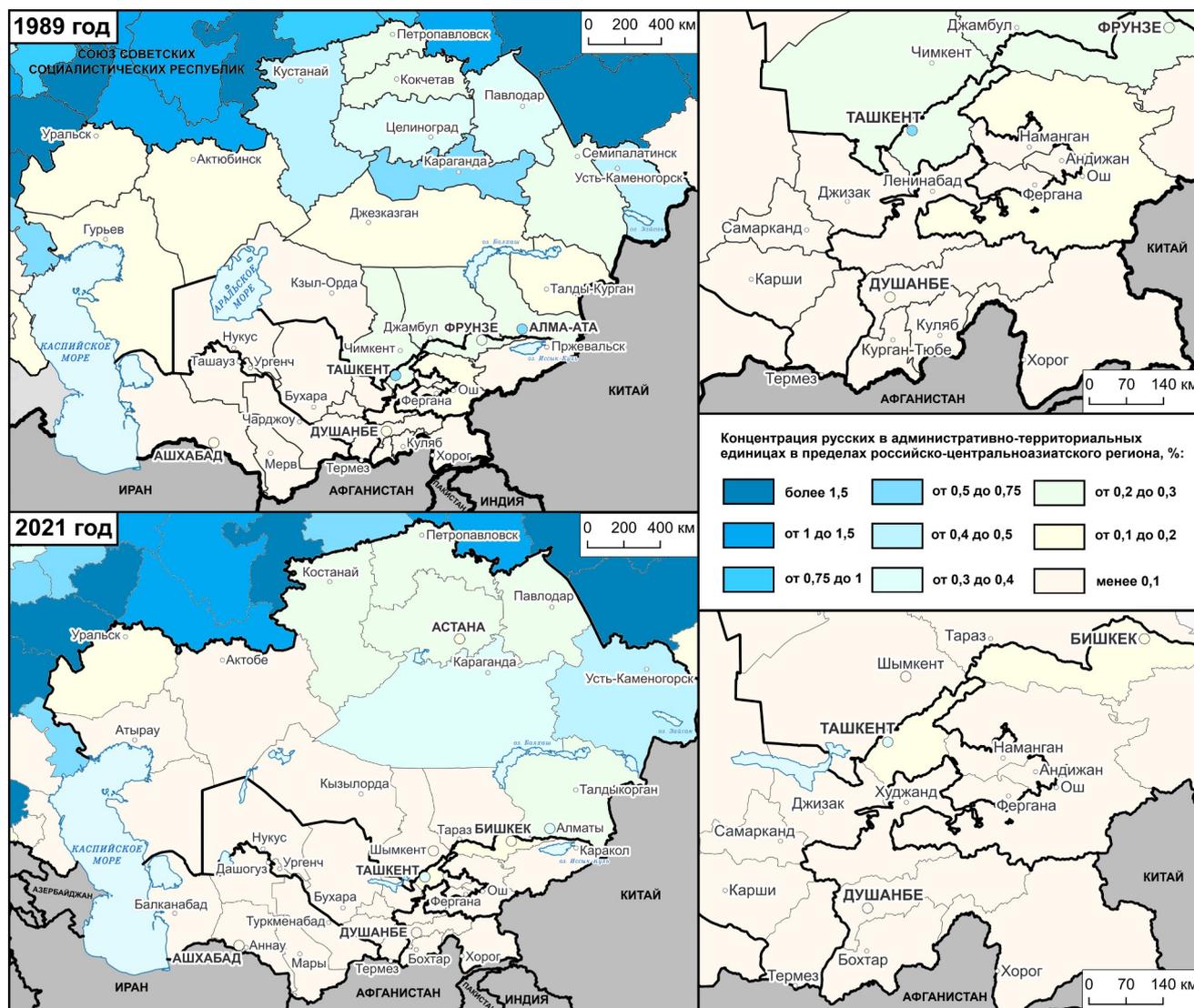

Рисунок 65 — Коэффициент концентрации русских в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1989 г. и начала 2020-х гг.

(составлено автором по [265–270])

Если в 1989 г. еще можно было наблюдать «выплески» ядра (в виде внешнего пояса ядра) русского геопространства на севере Казахстана, то к началу 2020-х гг. на севере этой республики сохранились только ближняя и дальняя периферия русского геопространства (рис. 66).

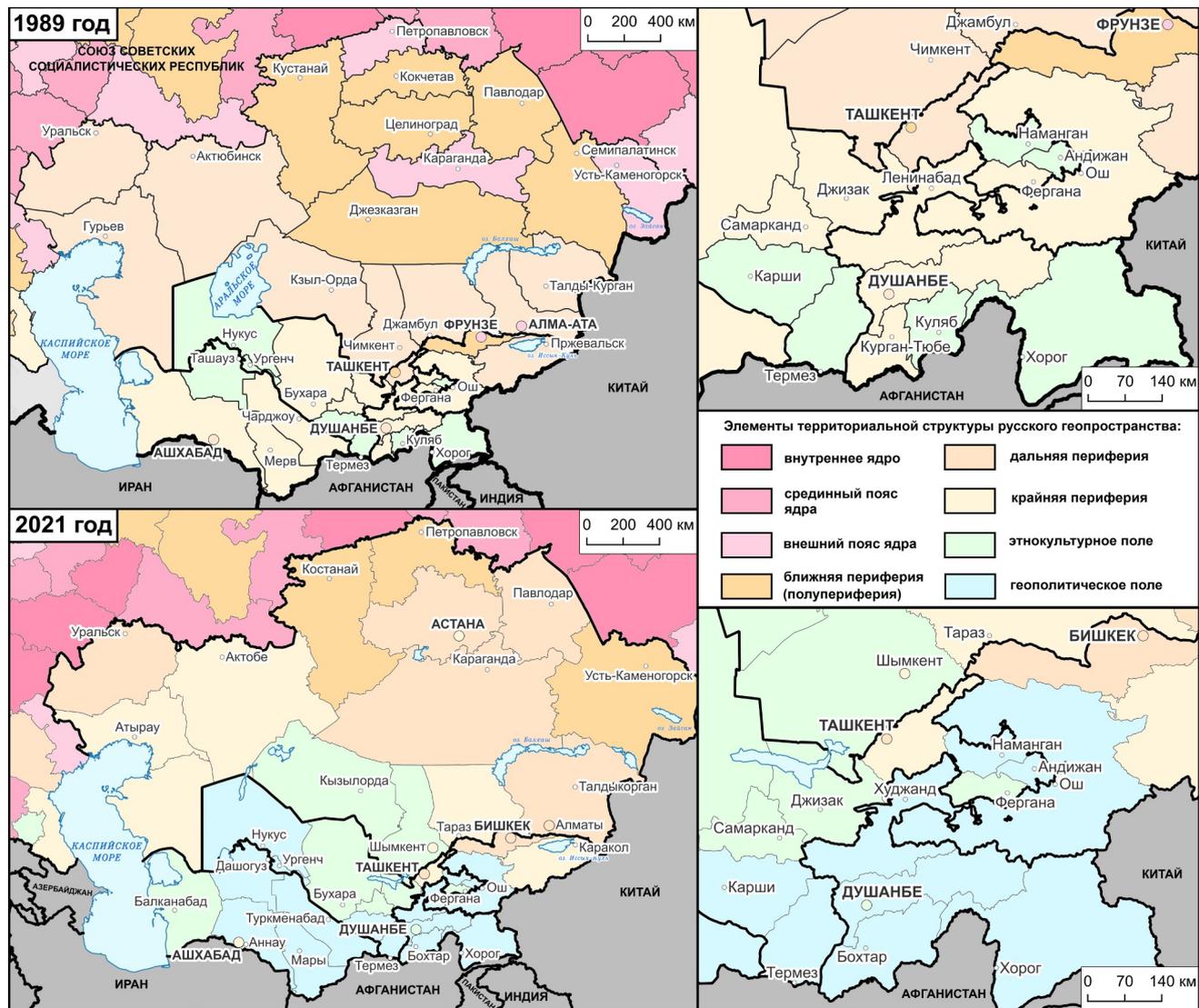

Рисунок 66 — Элементы территориальной структуры русского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1989 г. и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

Большинство территорий в южной части региона стали относиться к этнокультурному и геополитическому полям русского геопространства (в выделении последнего еще не было необходимости в 1989 г., а сейчас оно охватывает почти полностью Таджикистан, Туркменистан и часть Узбекистана и

Кыргызстана). Исключение составляют столица Узбекистана и север Кыргызстана, пока еще сохраняющие статус дальней периферии русского геопространства.

4.3.2 Динамика национальных геопространств

В период с 1989 г. по начало 2020-х гг. численность титульных народов республик Центральной Азии выросла с 33,8 до 69,8 млн чел., т.е. в 2,07 раза, что заметно больше, чем всего населения (в 1,58 раза). В результате этого доля титульных народов республик во всем населении региона увеличилась с 69 до 91 %, т.е. можно говорить, что Центральноазиатский регион фактически достиг однородности в метаэтническом плане. При этом доля городского населения среди титульных народов выросла незначительно — с 32 до 33 %, однако в городском населении региона удельный вес коренных народов увеличился с 48 до 82 %, т.е. по сути уже можно говорить и об метаэтнической однородности городских поселений Центральной Азии. В сельском населении региона доля представителей титульных этносов достигла 95 %, т.е. сельская местность в метаэтнокультурном отношении в полной мере стала однородной.

Динамика численности титульных народов республик региона в постсоветский период, и изменение их доли в населении государств Центральной Азии рассмотрены в достаточно большом количестве публикаций [117; 151; 228–230; 248]. Также нужно отметить исследование по оценке перспектив этнодемографических процессов в странах Центральной Азии исходя из различных геополитических сценариев развития региона [149]. При этом особое внимание уделяется изучению миграционных процессов, ведущих к изменению этнической структуры населения Казахстана [55; 79; 86].

Численность казахов в Центральной Азии с 1989 г. по 2020-е гг. увеличилась в 1,92 раза (с 7,5 до 14,4 млн чел.), в чем заметную роль сыграло возвращение казахов-репатриантов из Китая, Монголии и других стран, которые

первоначально назывались «оралманами» («возвращенцами»), а в последующем — «кандасами» («однокровками») [104; 105].

Причем произошел «скачок» урбанизированности казахов — с 39 до 56 %. Если во всем населении Центральной Азии доля казахов выросла с 15 до 19 %, то в городском населении региона — с 13 до 29 %, а в сельском населении даже уменьшилась — с 17 до 13 %.

Доля казахов в своей республике выросла с 39,7 до 70,4 %, причем в трех областях (на западе и юге Казахстана) превысила 90 % (см. прил. рис. 17). Особо нужно отметить рост удельного веса казахов в населении новой столицы Казахстана — г. Астана, приблизившейся к статусу моноэтничной (с долей казахов 82,3 % в 2025 г.). Произошел значительный рост концентрации казахов в своей республике — с 80,5 до 90,2 % (в пределах Российско-Центральноазиатского региона), причем КЭЖ казахов в России уменьшился с 7,84 до 3,95 %, а в Узбекистане — с 9,96 до 5,49 %. На территории Казахстана произошло смещение центра концентрации казахов с юго-запада на юго-восток республики с «выплеском» на ее севере — в г. Астана (см. прил. рис. 18).

Благодаря обозначенным изменениям произошло расширение как внутреннего ядра, так и двух ядерных поясов казахского геопространства, в направлении с юго-запада (внутреннее ядро) на юго-восток (срединный пояс ядра) и северо-восток республики (внешний пояс ядра) (рис. 67). В составе ближней периферии казахского геопространства осталось лишь две области на севере республики, а также сохранилась дальняя периферия на смежных с Казахстаном территориях — в Оренбургской и Астраханской областях России (с ростом доли казахов), в Республике Каракалпакстан и Ташкентской области Узбекистана (но при падении там доли и концентрации казахов).

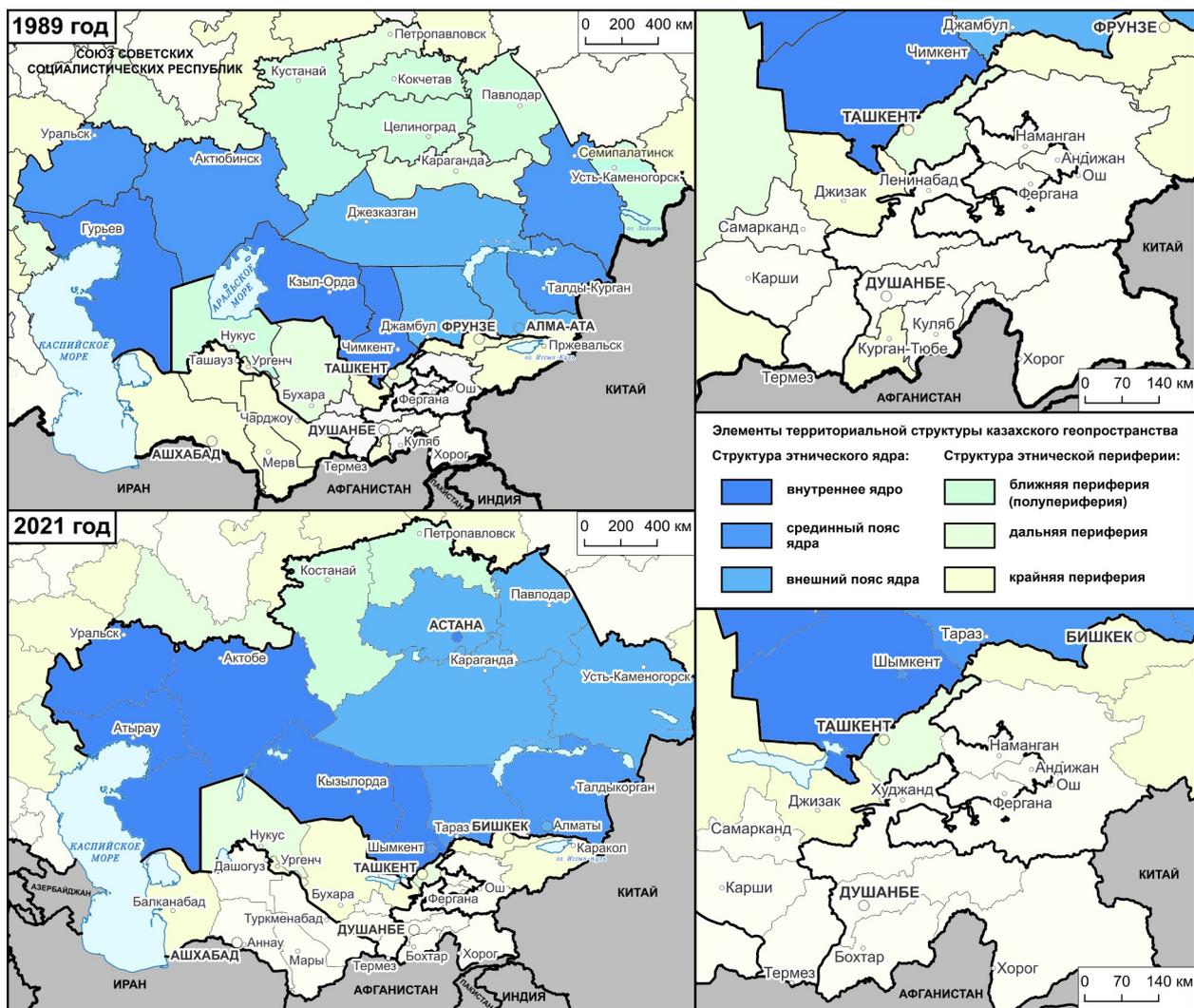

Рисунок 67 — Элементы территориальной структуры казахского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1989 и 2021 гг. (составлено автором по [265–270])

Численность узбеков в регионе с 1989 г. по начало 2020-х гг. выросла с 16,5 до 32,5 млн чел., т.е. в 1,97 раза, но при этом урбанизированность узбеков уменьшилась с 30 до 23 %. Доля узбеков в населении Центральной Азии возросла с 34 до 42 %, в т.ч. в городском населении — с 23 до 27 %, в сельском населении — с 43 до 51 %. В населении Узбекистана удельный вес титульного этноса увеличился с 71,4 до 84,5 %, превысив 80 % почти во всех областях, исключение составили Ташкентская область со столицей, а также Республика Каракалпакстан (с ростом доли узбеков с 32,8 до 40,4 %) (см. прил. рис. 19).

Концентрация узбеков в своей республике также увеличилась — с 84,9 до 88,9 %, но также немного вырос КЭК узбеков в России — с 0,76 до 0,98 %. При этом нужно отметить снижение КЭК узбеков на некоторых смежных с Узбекистаном территориях соседних республик (см. прил. рис. 20). Данные изменения позволяют говорить об уплотнении ядра узбекского геопространства на территории Узбекистана, вне которого осталась только Республика Каракалпакстан (рис. 68).

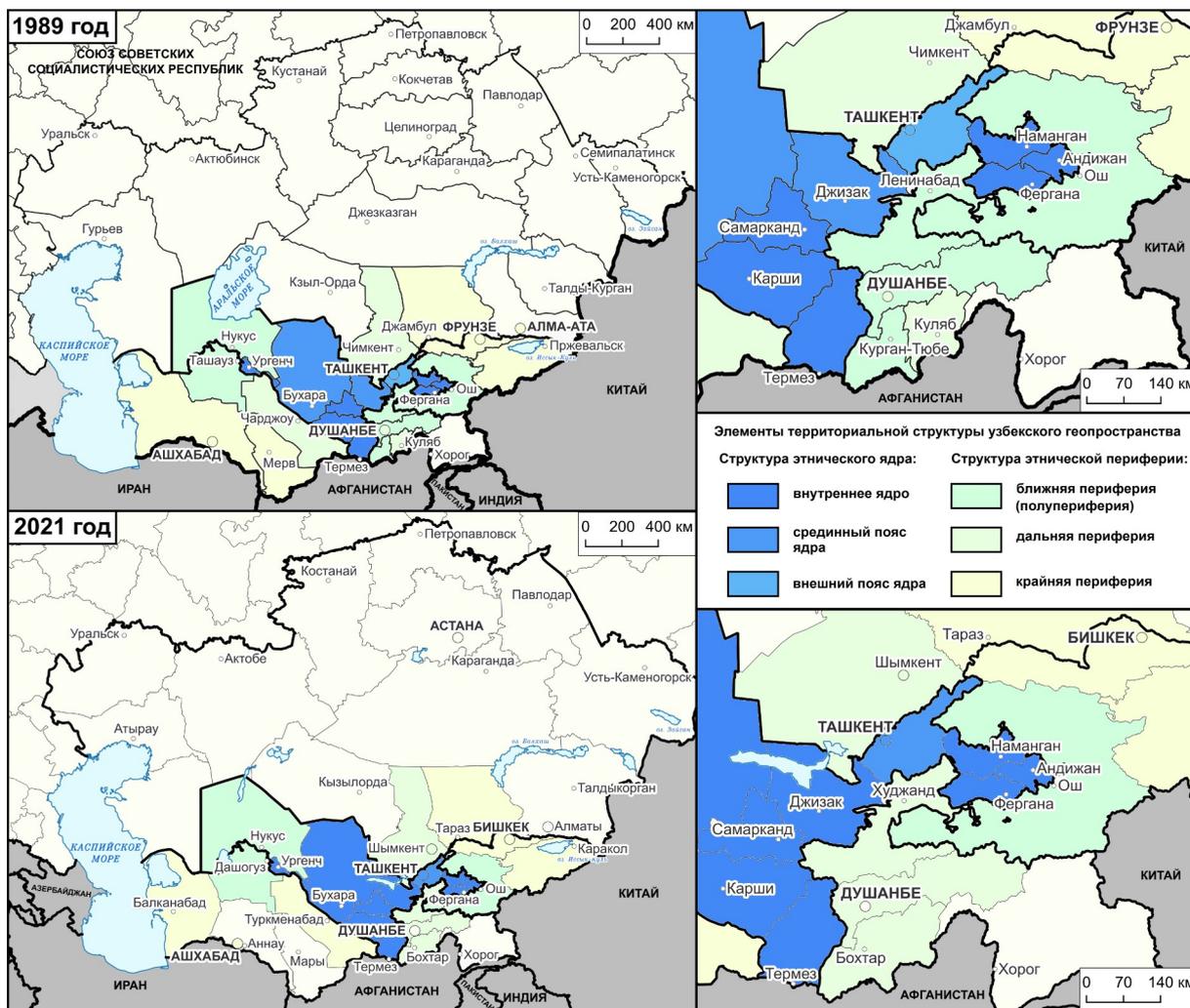

Рисунок 68 — Элементы территориальной структуры узбекского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1989 и 2021 гг. (составлено автором по [265–270])

Таджики в постсоветский период стали лидерами по демографической динамике в Центральной Азии, их численность с 1989 по 2020 гг. увеличилась с

4,2 до 10,1 млн чел., т.е. в 2,42 раза, но при этом их урбанизированность снизилась с 28 до 26 %. Во всем населении региона удельный вес таджиков вырос с 8 до 13 %, в городском населении — с 5 до 9 %, в сельском населении — с 11 до 15 %. В населении Таджикистана доля титульного этноса увеличилась с 62,3 до 86,1 %, причем не только за счет уменьшения удельного веса русских, но и узбеков, доля которых сократилась с 23,5 до 11,3 % [151]. Последнее привело к значительному росту доли таджиков в западных областях, смежных с Узбекистаном (см. прил. рис. 21). Концентрация таджиков в своей республике выросла с 75,42 до 79,82 %, и при этом наблюдались как заметный рост КЭЖ таджиков в России — с 0,91 до 3,33 %, так и сильное снижение в Узбекистане — с 22,19 до 15,81 %.

Киргизы также испытали значительный демографический рост, сопровождающийся миграциями в города. Их численность с 1989 по начало 2020-х гг. увеличилась с 2,5 до 5,7 млн чел. (в 2,31 раза), а урбанизированность — с 21 до 32 %. В населении Центральной Азии доля киргизов выросла с 5 до 7 %, в т.ч. в городском населении — с 2 до 7 %, в сельском населении — с 7 до 8 %. В населении Кыргызстана доля титульного этноса увеличилась с 52,4 до 77,6 %, и в качестве самой большой этнической группы вместо русских стали выступать узбеки (рост доли с 12,9 до 14,2 %) [151]. Концентрация киргизов выросла как в своей республике (с 88,31 до 90,7 %), так и в России (с 1,65 до 2,55 %), и уменьшилась — в Узбекистане (с 6,93 до 5,4 %). Доля киргизов росла на всей территории республики, но при этом нужно отметить нарастание их концентрации на севере Кыргызстана, в т.ч. в его столице (см. прил. рис. 22).

Наиболее значительным изменением в территориальной структуре таджикского и киргизского геопространств в постсоветский период можно считать включение столиц республик во внутренние ядра национальных геопространств (рис. 69). Так, в населении г. Душанбе доля титульного этноса к началу 2020-х гг. выросла до 89,5 %, а в населении г. Бишкек — до 75,6 %.

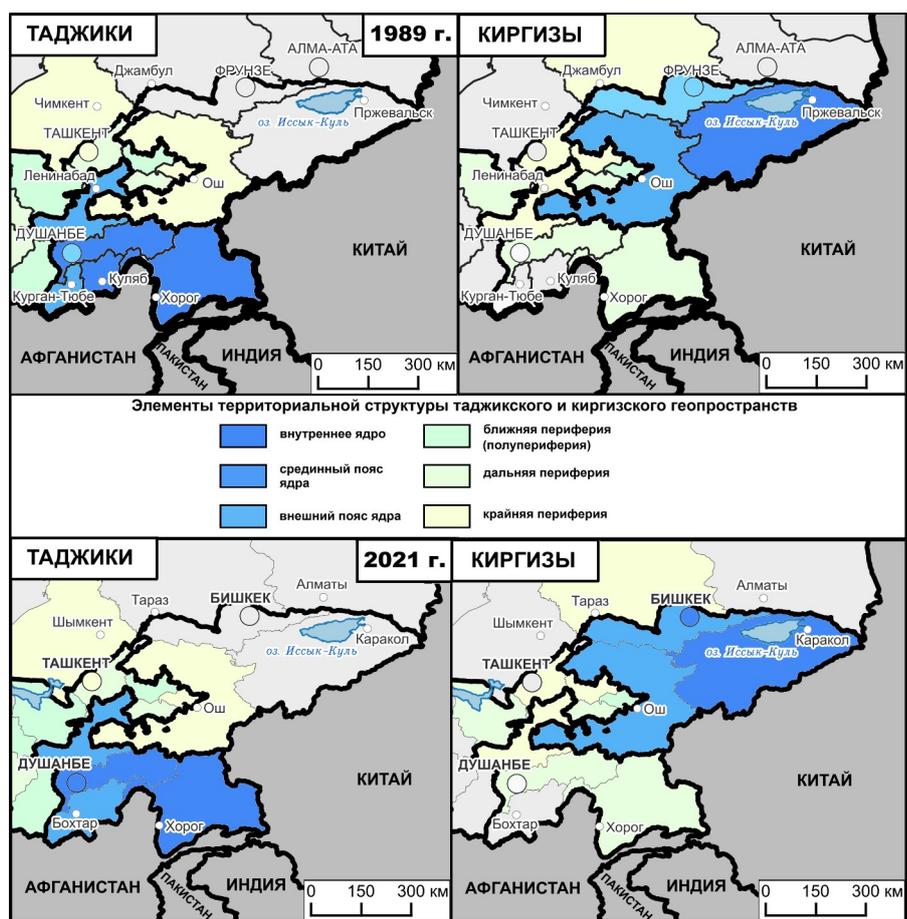

Рисунок 69 — Элементы территориальной структуры таджикского и киргизского геопространств в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1989 г. и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

Численность туркменов с 1989 г. по начало 2020-х гг. выросла с 2,7 до 6,3 млн чел. (в 2,36 раза), и их доля в населении Центральной Азии увеличилась с 5 до 8 %. Данная динамика сопровождалась миграцией в города, и урбанизированность туркменов выросла с 33 до 45 %, благодаря чему их доля в городском населении региона возросла с 4 до 10 %, а доля среди сельского населения осталась на уровне 7 %. С 1989 по 2022 г. доля туркменов в населении своей республики увеличилась с 72,0 до 86,7 % [151]. В этот период наиболее значительный рост удельного веса титульного этноса наблюдался в столице республики (с 50,9 до 89,9 %) (см. прил. рис. 23).

Как и в других государствах Центральной Азии, возросла концентрация туркменов в своей республике — с 93,15 до 95,85 %, причем произошло

снижение КЭК туркменов во всех других государствах Российско-Центральноазиатского региона, в т.ч. в России — с 1,46 до 0,65 %. Наиболее значимым изменением КЭК туркменов в пределах своей республики стал рост данного показателя в г. Ашхабад (см. прил. рис. 24). Территориальная структура туркменского геопространства в постсоветское время была достаточно стабильной, тем не менее, нужно обратить внимание на включение столицы Туркменистана во внутренне ядро национального геопространства (рис. 70).

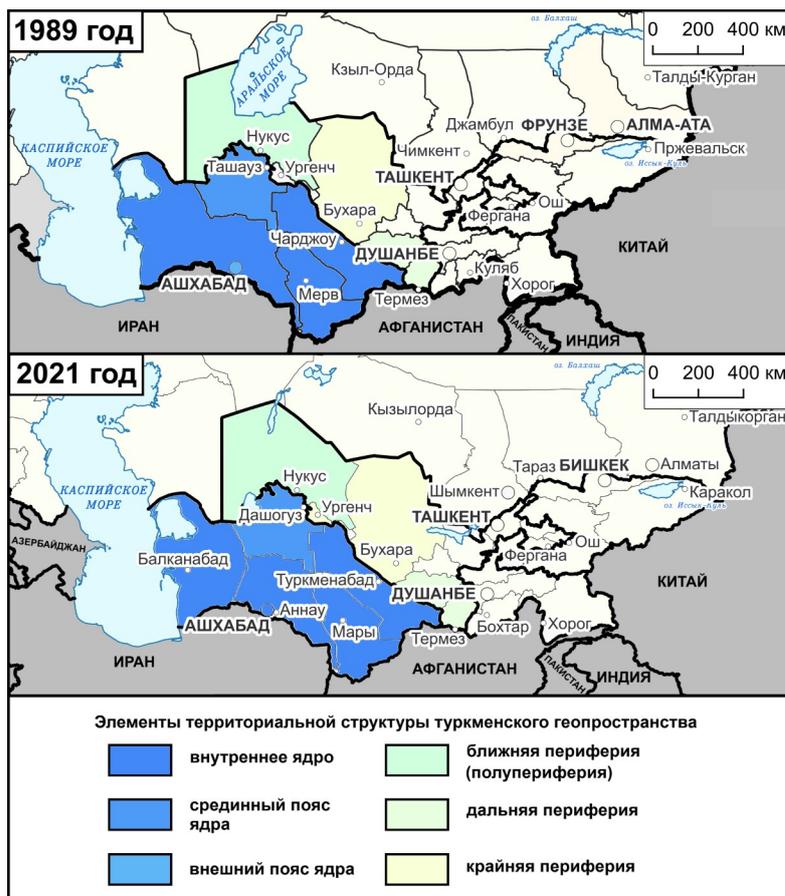

Рисунок 70 — Элементы территориальной структуры туркменского геопространства в Центральноазиатском регионе по итогам переписей населения 1989 и 2022 гг. (составлено автором по [265–270])

В геопространстве каракалпаков в постсоветский период не произошло существенных изменений. В период с 1989 г. по начало 2020-х гг. немного выросла концентрация каракалпаков в своей автономии (с 92 до 94 %), в населении которой их доля выросла с 32,1 до 37,0 %, однако лидерство там сохранили узбеки, доля которых увеличилась с 32,8 до 40,4 %.

4.3.3 Территориальные сдвиги в геотноткультурном пространстве региона

За постсоветский период значительно повысилась этническая однородность территории всех республик Центральной Азии. Если в 1989 г. большую часть территории региона, особенно в его северной части, занимали ярко выраженные и наиболее ярко выраженные этноконтактные зоны (ИЭО менее 0,6), то в настоящее время данные категории этноконтактных зон образуют намного меньший по размерам массив на севере и востоке Казахстана, севере и западе Кыргызстана с прилегающей столичной областью Узбекистана (рис. 71).

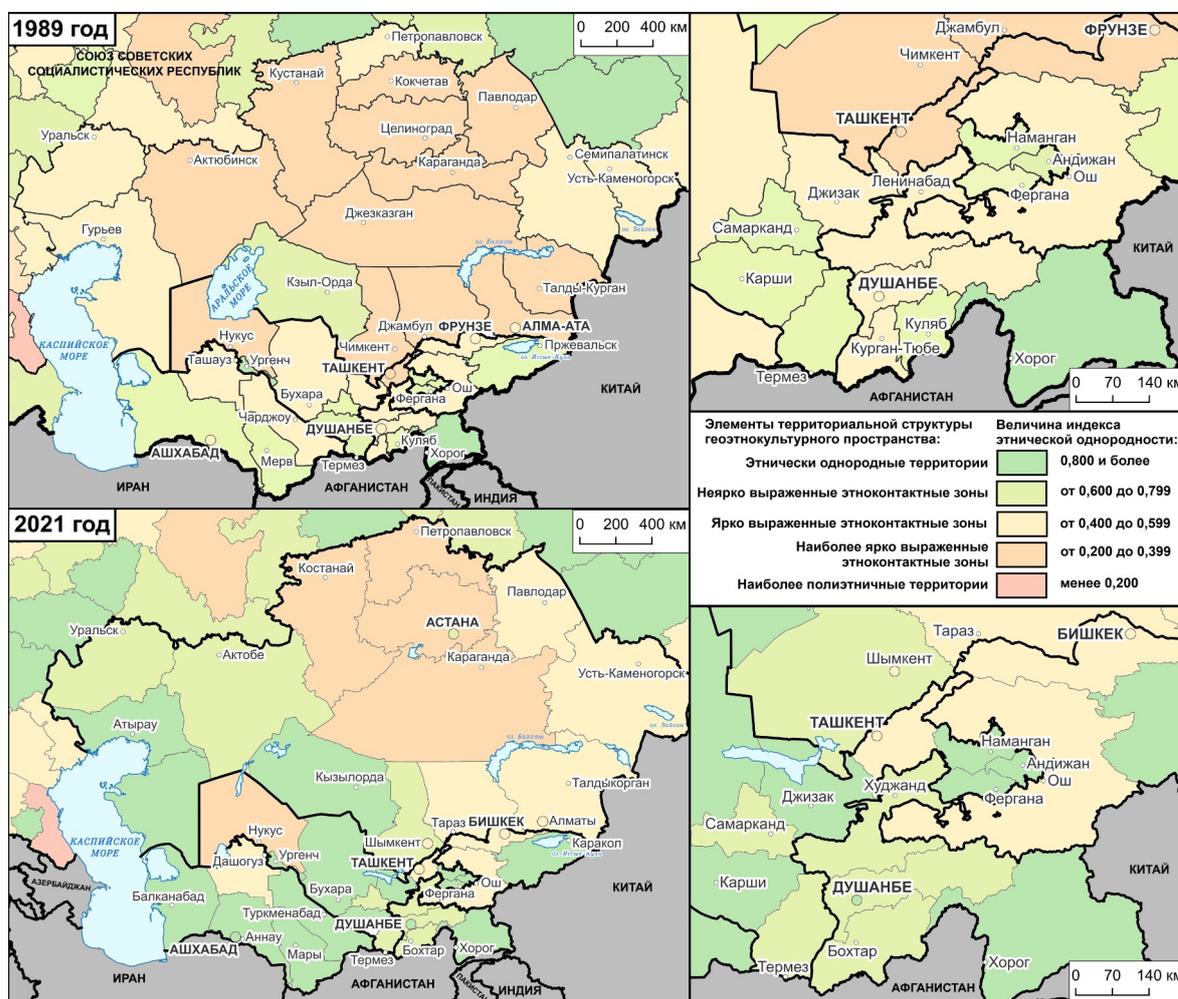

Рисунок 71 — Величина индекса этнической однородности в пределах административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1989 г. и начала 2020-х гг.

(составлено автором по [265–270])

Еще один островок ярко выраженных ЭКЗ представлен в Республике Каракалпакстан в Узбекистане и на прилегающей к ней территории Дашгузского веляята в Туркменистане. В пределах Центральной Азии осталось лишь четыре региона, которые можно отнести к наиболее ярко выраженным ЭКЗ (ИЭО менее 0,4), три из которых расположены в северной части Казахстана. С другой стороны, во всех республиках появились крупные массивы территорий с ИЭО свыше 0,8, т.е. рассматриваемые как этнически однородные. В эту категорию вошли три области на западе и юге Казахстана, большая часть территорий Туркменистана, Узбекистана (особо нужно отметить в этом плане Ферганскую долину) [234]. Заметно повысилась этническая однородность областей, расположенных на северо-западе Казахстана и западе Таджикистана, ныне относимых к неярко выраженным ЭКЗ (с ИЭО от 0,6 до 0,8).

В территориальной структуре геоэтнокультурного пространства Центральной Азии в постсоветский период произошли следующие наиболее значимые изменения: 1) укрепились ядра национальных геопространств; 2) произошло сильное сужение этнических геопространств, образуемых некоренным населением региона; 3) русское геопространство перестало влиять на формирование специфики геоэтнокультурного пространства на большей части территории региона; 4) началось растворение контактных зон между национальными геопространствами региона.

Подробнее данные изменения можно описать следующим образом. Во-первых, во всех республиках региона обозначились или же заметно расширились моноэтнические территории, вместе с относительно этнически однородными территориями они стали занимать большую часть территорий республик. Во-вторых, сильно сократилась территория ярко выраженных контактных зон национальных геопространств с русским геопространством, последние сохранились только на севере Казахстана и Кыргызстана, но только в Северо-Казахстанской области в середине 2020-х гг. еще наблюдался перевес русских над титульным населением республики (рис. 72).

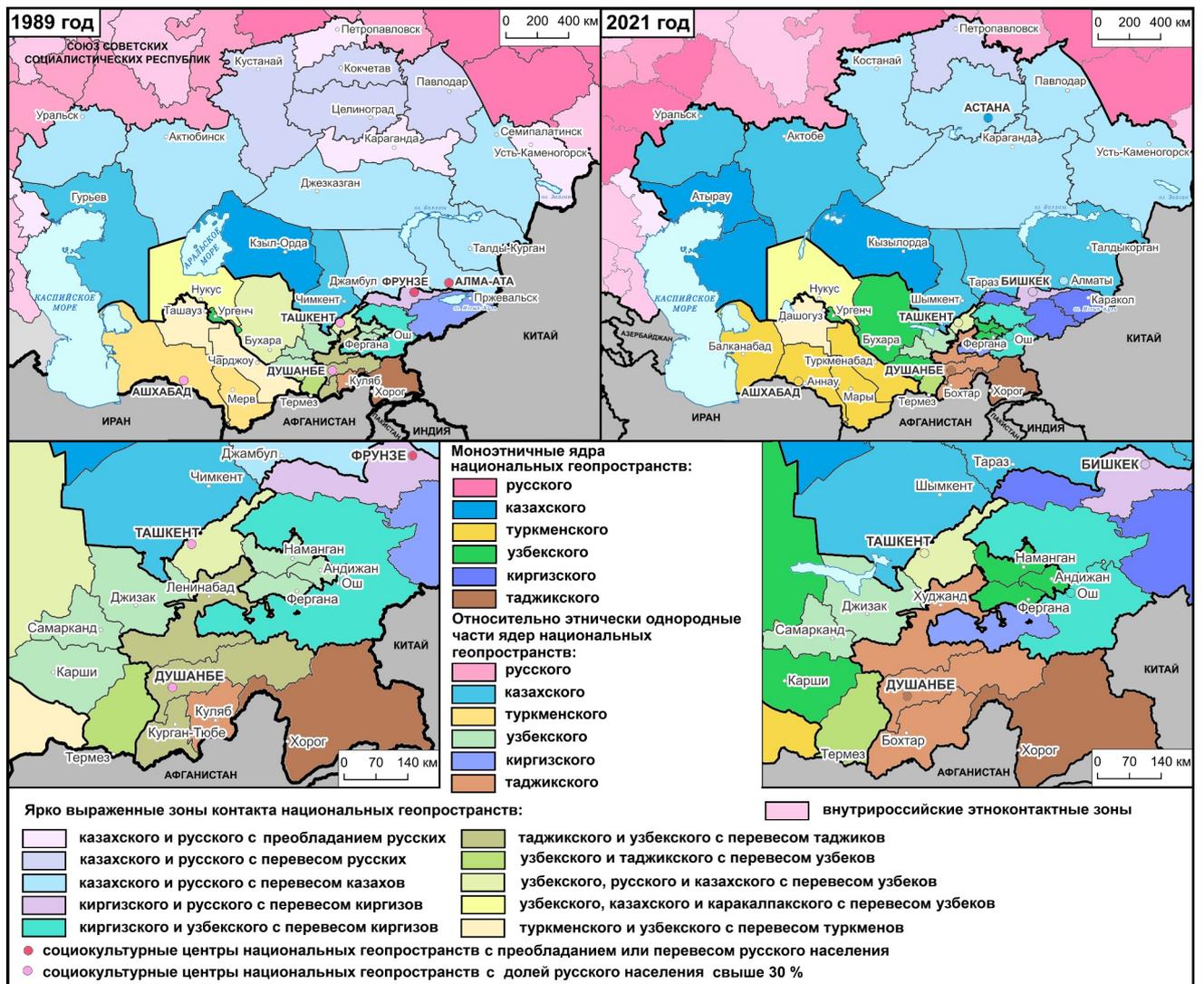

Рисунок 72 — Территориальная структура геоттнокультурного пространства Центральноазиатского региона в 1989 г. и начале 2020-х гг. (составлено автором)

В-третьих, ускорился процесс концентрации титульных народов на территории своих республик, что вело к постепенному растворению контактных зон между национальными геопространствами, т.е. национальные геопространства стали в большей степени привязаны к территориям республик, а значит, более значимую роль стали играть государственные границы. С последним связаны пограничные споры и конфликты, с которыми столкнулась постсоветская Центральная Азия [72; 166; 231], особенно в разделенной между тремя государствами Ферганской долине [167; 176–178; 222; 244; 246], включая и проблематику государственных анклавов [8]. Национальное строительство в постсоветских государствах Центральной Азии имеет прямое отношение к

проблематике этнической самоидентификации населения, поэтому в последнее время большое внимание уделяется изучению национальной идентичности населения стран региона [64; 74; 75; 80; 155; 224; 237; 250; 253; 257].

4.3.4 Современная территориальная структура геоэтнокультурного пространства Центральной Азии

Имеется целый ряд исследований, где рассматривается современная этническая география как республик Центральной Азии (Казахстана [77; 78; 175; 179], Узбекистана [221], Кыргызстана [117] и Туркменистана [159]), так и всего региона исследования [135; 162].

Опираясь на этническую статистику на уровне районов (в первую очередь, в двух самых больших по населению республиках региона — Казахстане и Узбекистане) можно расширить набор элементов современной территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральноазиатского региона (рис. 73).

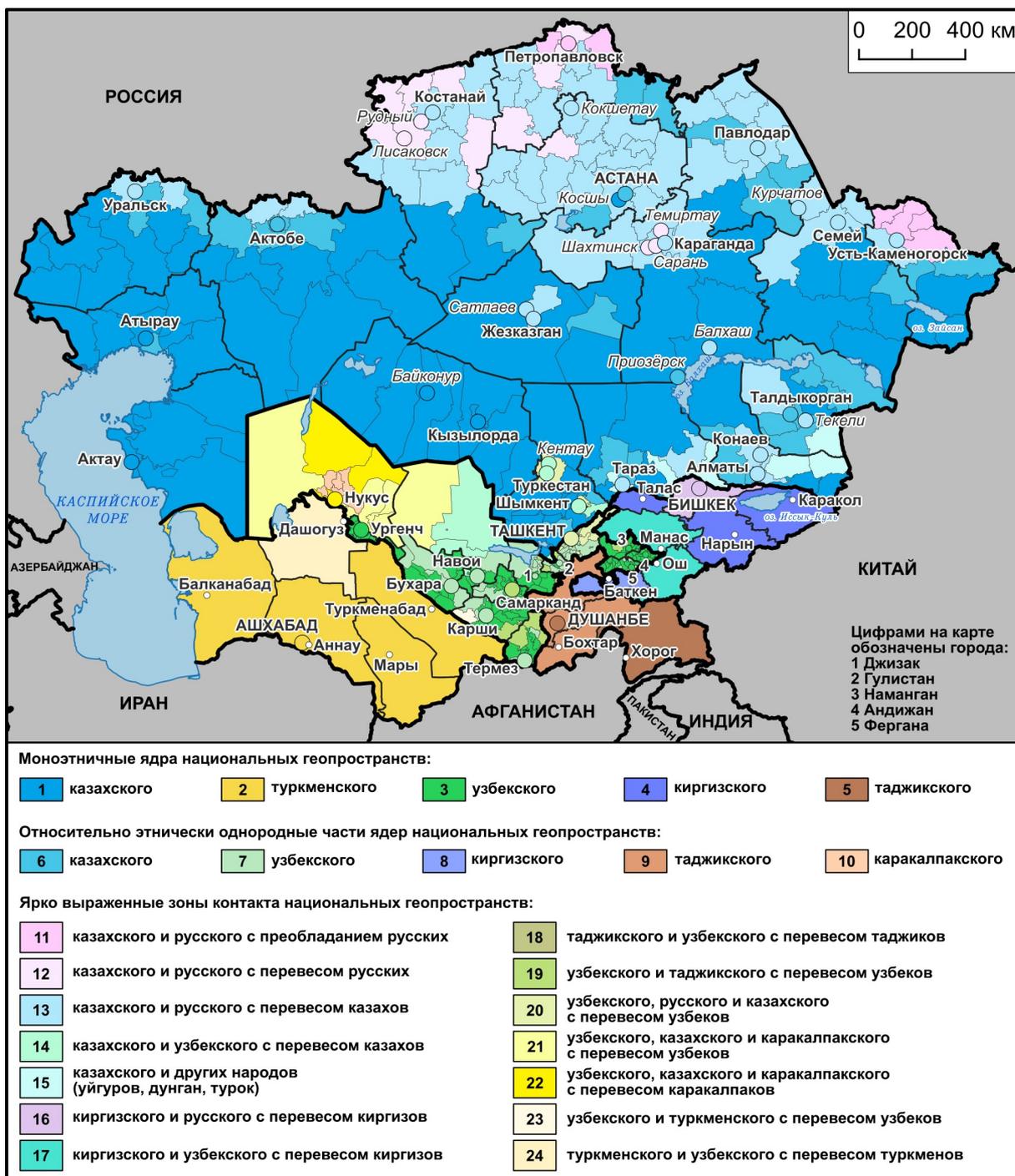

Рисунок 73 — Элементы территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральноазиатского региона в начале 2020-х гг.

(составлено автором)

Для оценки однородности геоэтнокультурного пространства на метаэтническом уровне использована следующая методика. Наиболее значимые культурные различия в Центральной Азии в настоящее время характеризуют группы народов, исповедующих ислам и христианство (включая приверженцев

православия, католицизма, различных направлений протестантизма), при явном доминировании первых. Для оценки вероятности контакта между этими двумя группами населения можно воспользоваться индексом религиозной контактности (ИРК), предложенным Н.К. Терениной и Р.Н. Кроток [211]), а точнее, его модифицированным вариантом (по С.А. Горохову [57; 58]), благодаря чему значения индекса будут укладываться в интервал от нуля до единицы.

Формула для расчета модифицированного индекса религиозной контактности (ИРК_М) выглядит следующим образом:

$$\text{ИРК}_M = 4 * n_A * n_B,$$

где n_u — удельный вес в населении территориальной ячейки приверженцев ислама, n_x — удельный вес в населении территориальной ячейки приверженцев христианства.

При этом, для оценки степени однородности религиозного пространства используется противоположный ему показатель — модифицированный индекс религиозной однородности (ИРО_М = 1 — ИРК_М).

Однако, конфессиональный состав населения в постсоветской Центральной Азии фиксировался только в национальных переписях, проведенных в Казахстане в 2009 и 2021 гг. [270]. Анализ итогов этих переписей позволил проследить связь между этническим и конфессиональным составом населения. Так, во-первых, можно отметить сохранение представителями разных этносов своей традиционной религии. Благодаря этому можно воспользоваться методикой определения потенциальной конфессиональной структуры населения исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов [66; 140; 180]. Во-вторых, в крупных городах, где наиболее высока доля нерелигиозного населения (включая тех, кто не дали ответа на вопрос о вероисповедании), наблюдается примерно равное распределение последних между потенциально мусульманским и потенциально христианским населением. Таким образом, результаты данного анализа позволяют перейти к оценке конфессиональной

структуры всего населения Центральной Азии, опираясь на современную этническую статистику.

На основе величины ИРОм между двумя группами народов, традиционными религиями являются ислам (почти все коренные народы Центральной Азии, и некоторые народы, основные ареалы проживания которых представлены по соседству: уйгуры, персы, курды, турки, азербайджанцы, татары, башкиры и др.) и христианство (русские, белорусы, украинцы, молдаване, ряд финно-угорских народов, грузины, армяне, немцы и др.) была определена степень однородности этноконфессионального пространства региона. Также, с опорой на величину ИРОм и долю потенциально-мусульманского населения, была составлена картосхема, где отображены элементы территориальной структуры мусульманского геопространства Центральноазиатского региона (по аналогии с выделением элементов территориальной структуры этнических геопространств).

При выделении элементов территориальной структуры мусульманского геопространства Центральной Азии использовались следующие значения индекса и доли потенциально-мусульманских народов: 1) внутренне ядро (ИРОм более 0,8); 2) срединный пояс ядра (ИРОм от 0,4 до 0,8); 3) внешний пояс ядра (ИРОм менее 0,4, но доля потенциально-мусульманского населения выше 50 %); 4) ближняя периферия (ИРОм менее 0,1, но уже с перевесом потенциально-христианского населения); 5) дальняя периферия (ИРОм от 0,1 до 0,2); 6) крайняя периферия (ИРОм выше 0,2). Таким образом, в качестве ядра мусульманского геопространства рассмотрены территории с долей потенциально-мусульманских народов выше 50 %, а его периферии — с долей менее 50 % (рис. 74).

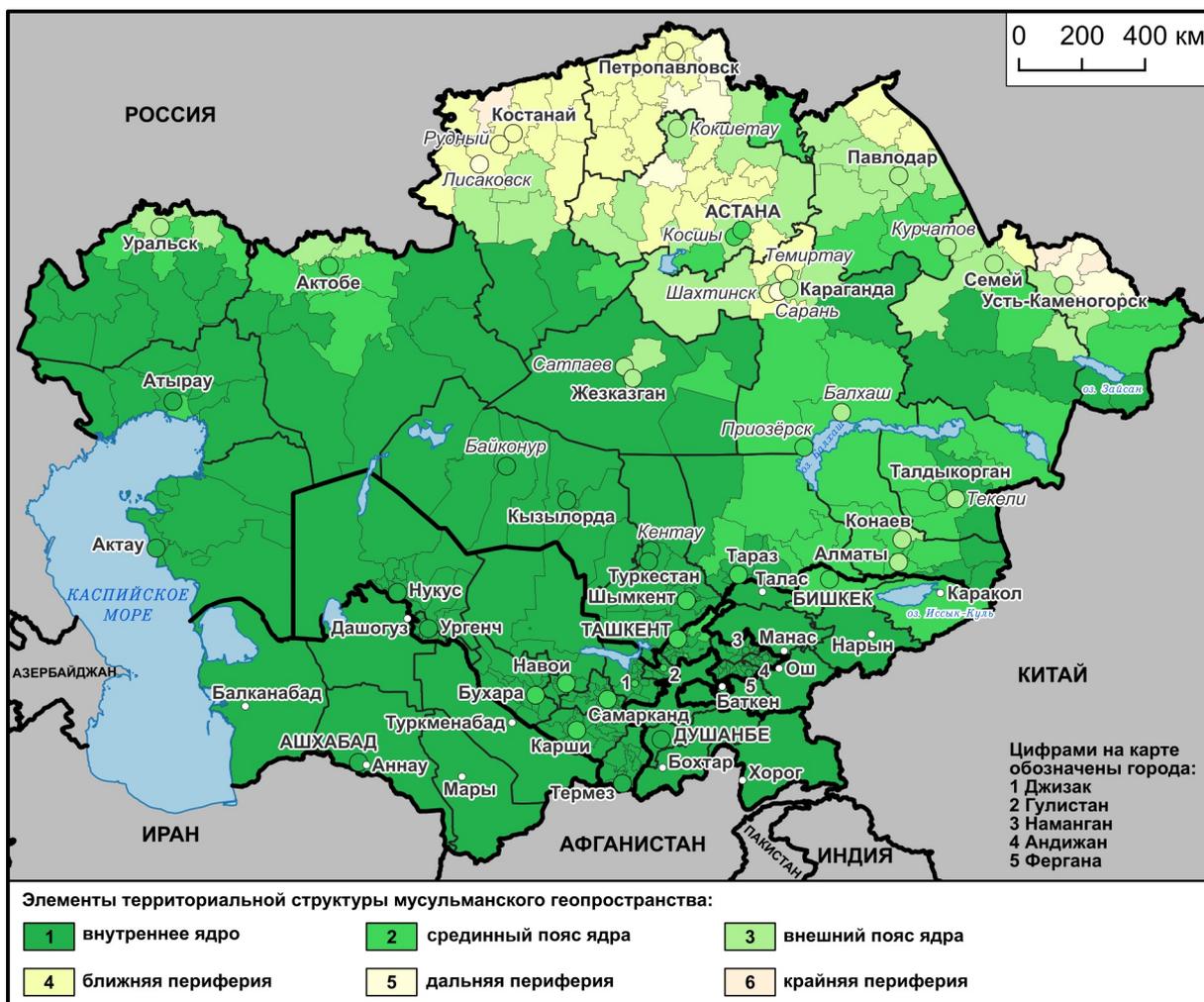

Рисунок 74 — Элементы территориальной структуры мусульманского геопространства в Центральноазиатском регионе на основе этнической статистики по итогам национальных переписей населения 2020/2022 гг. (составлено автором по [265; 267–270])

На начало 2020-х гг. почти всю территорию Центральноазиатского региона можно было включить в состав ядра мусульманского геопространства, лишь на северной окраине региона были представлены небольшие участки, входящие в состав его периферии. При этом примерно половину региона, а точнее, полностью его юго-западную часть, охватывало внутреннее ядро мусульманского геопространства. Срединный и внешний пояса ядра были представлены только на территории Казахстана и Кыргызстана.

Выводы по главе 4. Несмотря на сохранение значительного миграционного притока в регион до начала 1960-х гг. (включая массовые перемещения населения в годы Великой Отечественной войны, прием депортированных народов, трудовые миграции на освоение целины и др.), первые признаки роста этнической однородности в Центральной Азии в пользу титульных народов республик проявились между переписями населения 1939 и 1959 гг., но пока они характеризовали только сельскую местность в южной части региона (в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане), при этом аналогичные тенденции в Казахстане и Киргизии обозначились после 1959 г. В полной мере тренд к росту однородности геоэтнокультурного пространства Центральной Азии проявил себя с 1959 г., а после распада Советского Союза произошло ускорение данных процессов, вызванное как увеличением естественного прироста титульных народов республик региона, так и значительным миграционным оттоком нетитульного населения.

В динамике территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральной Азии на метаэтническом уровне (в качестве двух основных метаэтнических групп рассматривается коренное и некоренное население, или же, в соответствии с конфессиональным признаком, мусульмане и христиане) следует отметить начало нарастания однородности в пользу коренных народов в южной части региона начиная с 1939 г., но вплоть до 1959 г. сохранялся рост метаэтнической однородности в пользу нетитульного населения в северной части региона (главным образом в Казахстане и на севере Киргизии). В позднесоветское время (с 1959 г.) наметился общий тренд на рост метаэтнической однородности в пользу коренных народов на всей территории региона, и в постсоветский период только на северной окраине региона (в Казахстане) остались небольшие участки территории, где сохранилась неоднородность геоэтнокультурного пространства на метаэтническом уровне благодаря относительной многочисленности там некоренных народов.

Заключение

При осуществлении диссертационного исследования были получены следующие наиболее значимые выводы:

1. Подход к выделению элементов территориальной структуры геоэтнокультурных систем, разработанный в рамках соответствующей концепции, требует заметной корректировки. Так, методика определения элементов территориальной структуры геоэтнокультурных систем, формируемых титульными народами стран ближнего зарубежья, строится исходя из их взаимодействия с русским геопространством. Однако в настоящее время русское геопространство сохраняет значительное присутствие в пределах Центральноазиатского региона только на территории Казахстана. Вместе с тем, предлагается перейти полностью к центр-периферийной модели при определении элементов территориальной структуры национальных геопространств (т.е. геопространств титульных этносов республик) Центральной Азии. Поэтому в их территориальной структуре не выделяются этноконтактные зоны, но последние являются важнейшим структурным элементом всего геоэтнокультурного пространства региона, представляющего собой результат наложения составляющих его этнических геопространств.

2. Существует значительное различие между динамикой уровня этнической однородности городского и сельского населения Центральной Азии. Этническая однородность сельского населения региона снижалась в первые десятилетия советской власти, и формально достигла минимума в 1959 г., после чего начался ее стабильный рост, ускорившийся в постсоветский период. Пик этнической однородности городских поселений в Центральной Азии был зафиксирован переписью 1939 г., но это было связано с тем, что тогда почти половину городского населения составляли русские, с уменьшением доли которых в последующем стала снижаться и этническая однородность городских поселений региона, достигшая в настоящее время минимума за последний столетний интервал.

3. Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии, осуществленное в 1920–30-е гг., позволило не только закрепить внешние границы этнических ядер народов, признанных титульными (т.е. которые обрели «свои» республики), но и задать тренд на укрепление этих ядер в перспективе. Почти сразу после национально-территориального размежевания обозначилась тенденция к концентрации титульных народов на территории своих республик, которая лишь стала более заметной после распада Советского Союза. Однако сам период национально-территориального размежевания (20–30-е гг. XX в.) характеризовался наиболее интенсивным миграционным притоком в Центральную Азию нетитульного населения, что в условиях низкого естественного прироста титульных народов привело к нарастанию этнической неоднородности во всех республиках региона.

4. Несмотря на сохранение значительного миграционного притока в регион до начала 1960-х гг. (включая массовые перемещения населения в годы Великой Отечественной войны, прием депортированных народов, трудовые миграции на освоение целины и др.), первые признаки роста этнической однородности в Центральной Азии в пользу титульных народов республик проявились между переписями населения 1939 и 1959 гг., но пока они характеризовали только сельскую местность в южной части региона (в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане), при этом аналогичные тенденции в Казахстане и Киргизии обозначились после 1959 г. В полной мере тренд к росту однородности геоэтнокультурного пространства Центральной Азии проявил себя с 1959 г., а после распада Советского Союза произошло ускорение данных процессов, вызванное как увеличением естественного прироста титульных народов республик региона, так и значительным миграционным оттоком нетитульного населения. Аналогичной была динамика территориальной структуры геоэтнокультурного пространства Центральной Азии на метаэтническом уровне (в качестве двух основных метаэтнических групп в исследовании рассмотрены коренные и некоренные народы, или же, в соответствии с конфессиональным признаком, приверженцы ислама и христианства).

Литература

1. Абашин С.Н. Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 252–278.
2. Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab imperio*. 2008. № 4. С. 456–471.
3. Абашин С.Н. Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2015. 720 с.
4. Абашин С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии (проблема сартов в XIX — начале XXI в.): дисс. ... докт. ист. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008. 354 с.
5. Абиров В.Э. Вопросы этногенеза узбекского народа в этнографических исследованиях Узбекистана в годы независимости // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 120–131. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-9.
6. Абросимова И.В. Формирование и современное состояние этноконфессионального пространства Курганской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Пермь, 2013. 23 с.
7. Айдарбаева Р.К. Демографические последствия освоения целины в Казахстане // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40-х — 90-х гг. XX века. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения советского государственного и политического деятеля Михаила Васильевича Карамеева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2019. С. 84–93.

8. Аламанов С.К. Анклавы в Центральной Азии: история вопроса и современные проблемы // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 5. С. 451–460.
9. Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С. Население Казахстана в 50–80-е годы XX века: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 8. С. 127–142.
10. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. 157 с.
11. Алибек С.Н. «Вторая революция в Средней Азии»: присоединение Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей к Казахской АССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 106–108.
12. Алимардонов М.У. Средняя Азия и образование Таджикской АССР: национально-территориальное размежевание и автономия // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12. С. 28–35.
13. Аманжолова Д.А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии и Казахстана в контексте становления советского федерализма // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: Материалы VIII Международной научно-практической конференции и круглого стола с международным участием. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2024. С. 151–156.
14. Андреева С.И. Региональное конфессиональное пространство: структура и типология // Глобальный научный потенциал. 2014. № 11 (44). С. 7–12.
15. Андреева С.И. Структура и особенности формирования конфессионального пространства Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Ставрополь, 2015. 23 с.
16. Архипова А.С., Иванов И.А. Динамика контактной зоны славян с народами уральской и алтайской семей в Сибири в 2010-е годы // Псковский

регионологический журнал. 2025. Т. 21. № 2. С. 103–120. DOI: 10.37490/S221979310033873-3.

17. Архипова А.С., Иванов И.А. Территориальная структура контактной зоны славян с коренными народами Дальнего Востока во втором десятилетии XXI века // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21. № 3. С. 74–92. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310034129-4>.

18. Асочакова В.Н. Формирование религиозного ландшафта Хакасии в XVIII–XIX веке: к истории православных храмов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4 (38). С. 75–79.

19. Атаханов Ш.Т. Этногенетические сходства кыргызских и узбекских этносов на примере племени конгурат (краткий сравнительный анализ) // Известия ВУЗов (Кыргызстан). 2014. № 9. С. 119–121.

20. Аубакирова Ж.С., Омырзак Т.Е., Столярова Э.О., Сарсембаева Г.А., Алексеенко А. Н., Кенжебаев Г. К. Демографическое развитие Казахстана во второй половине XX — начале XXI в.: противоречия и риски // Вопросы истории. 2022. № 10–2. С. 186–197.

21. Ахатова Э.Х., Бекенова Л.М., Сейтхамзина Г.Ж. Ретроспективный анализ этапов урбанизации и тенденций развития городов в Казахстане // Вестник университета Туран. 2022. № 3 (95). С. 83–94.

22. Балабейкина О.А. Изменение конфессионального пространства в период с 1917 по 1941 гг. на примере Санкт-Петербургской епархии РПЦ // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований: мат. V Межд. конф. по исторической географии. СПб., 2015. С. 21–25.

23. Балабейкина О.А. Конфессиональное зарубежное регионоведение как направление исследований // Регионология. 2020. Т. 28. № 1. С. 111–132. DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.111-132

24. Балабейкина О.А. Санкт-Петербургская епархия: историческая география православия: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. СПб., 2005. 155 с.

25. Балабейкина О.А., Афанасьев Д.А. Доминанта конфессионального пространства Финляндии: комплексная характеристика // Географическая среда и живые системы. 2024. № 1. С. 120–136. DOI: 10.18384/2712-7621-2024-1-120-136

26. Балабейкина О.А., Дмитриев А.Л. Конфессиональное регионоведение: направления и подходы в исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 5. С. 45–56.

27. Балабейкина О.А., Дмитриев А.Л., Янковская А.А. Трансформация структурных элементов современного конфессионального пространства Европы // Мир перемен. 2021. № 4. С. 177–189. DOI 10.51905/2073-3038_2021_4_177.

28. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Евангелическо-Лютеранская церковь: история становления доминанты конфессионального пространства Эстонии // Сборник статей кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 100–103.

29. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 3. С. 113–127. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-3-6.

30. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Основные тенденции трансформации конфессионального пространства современной Польши // Псковский регионологический журнал. 2018. № 3 (35). С. 50–63.

31. Балабейкина О.А., Таланцева П.А., Афанасьев Д.А. Православная церковь в конфессиональном пространстве Польши // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2025. Т. 18. № 2. С. 21–30.

32. Батырбаева Ш.Д. Этнодемографическая ситуация в Российской империи в контексте укрепления Российской государственности на рубеже XIX–

XX вв. (на примере Кыргызстана) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 1 (17). С. 65–70.

33. Бобохонов Р.С. Национально-территориальное размежевание и образование союзных республик в Центральной Азии (1924–1936 гг.). Историография проблемы. Часть вторая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 12. С. 8–13.

34. Бобохонов Р.С. Национально-территориальное размежевание и образование союзных республик в Центральной Азии (1924–1936 гг.). Историография проблемы. Часть первая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 11. С. 4–8.

35. Бокиев Р.У. К вопросу об этногенезе таджиков в исследованиях ученых XX века // Вестник Педагогического университета. 2022. № 2 (97). С. 264–267.

36. Бочкарева И.Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 2 (106). С. 22–26.

37. Бочкарева И.Б. Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии в 1924 г.: причины и принципы проведения // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. Т. 1. № 1. С. 14–22.

38. Бочкарева И.Б., Рахматулина Е.Ю. Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии в 1924 г.: причины проведения и принципы реализации // Востоковедные исследования на Алтае. 2020. № 14. С. 26–33.

39. Брежнева С.Н. Народы Туркестана в составе Российской империи // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. Т. 4. № 1. С. 1–24.

40. Буфетова А.Н., Коломак Е.А. Национальная неоднородность в регионах России // ЭКО. 2017. № 4 (514). С. 110–123.

41. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Хржановская А.А. Национальное и религиозное разнообразие регионов Сибири // ЭКО. 2018. № 5 (527). С. 28–44.

42. Быков А.Ю., Кожирова С.Б. Формирование границ Казахстана: дискуссии и решения первого двадцатилетия советской власти // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2023. № 2. С. 165–180. DOI: 10.31857/S086919080024450-2.
43. Веденин Ю.А. Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия географическая. 1988. № 1. С. 49–56.
44. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: Д. Буланин, 1997. 212 с.
45. Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1990. № 1. С. 3–17.
46. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.
47. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер.геогр. 2001. № 1. С. 7–14.
48. Веденин Ю.А., Середина Е.В. Проблемы сохранения и развития культурного ландшафта в староосвоенных районах страны // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М., 1988. С. 6–13.
49. Владыкин Б.А., Алексеева О.С., Теренина Н.К. Изменение этнической мозаичности финно-угорских республик Предуралья и Поволжья с 1926 по 2021 год // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 2. С. 108–126.
50. Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издание Я. А. Исакова, 1868. 373 с.
51. Герасименко Т.И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 152–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161.

52. Герасименко Т.И., Болхосоева Е.Б., Котомина М.А. Бурятия как этноконтактная зона // География и природные ресурсы. 2025. Т. 46. № 2. С. 124–134. DOI: 10.15372/GIPR20250212.
53. Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве городов: специфика и подходы к классификации // Вестник ЗКУ. 2023. № 4 (92). С. 170–188. DOI: 10.37238/1680-0761.2023.92(4).83.
54. Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Этноконтактные зоны как вид этнокультурных регионов // Социально-экономическая география // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 51–59.
55. Герасименко Т.И., Святоха Н.Ю. Роль трансграничных миграций в формировании и трансформации этноконтактных зон (пример Российско-Казахстанского порубежья) // Географический вестник. 2024. № 1 (68). С. 41–58.
56. Горина К.В. Географическая специфика формирования конфессионального пространства Забайкальского края: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Улан-Удэ, 2011. 23 с.
57. Горохов С.А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
58. Горохов С.А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. М., 2017. 394 с.
59. Горохов С.А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2014. № 2. С. 21–30.
60. Горохов С.А. Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 56–61.
61. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Материал собран Г. Вышнегорским. Ташкент: Типолитография С. И. Лахтина, 1889. 205 с.

62. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1999. 495 с.
63. Дашковский П.К. Некоторые итоги изучения эволюции религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии // Религиоведение. 2018. № 4. С. 26–36.
64. Дворников Ю.В. Этно-конфессиональный фактор центральноазиатской идентичности // Вестник географического факультета. Сборник научных трудов / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Т. 1. СПб.: Амадеус, 2001. С. 57–59.
65. Дементьев В.С. Подходы к изучению структурных элементов конфессионального пространства Северо-Запада России на рубеже XIX–XX вв. // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2 (46). С. 117–131.
66. Дементьев В.С. Подходы к оценке современного конфессионального состава населения России // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21. № 1. С. 75–92. DOI: 10.37490/S221979310032666-5.
67. Дементьев В.С., Кроток Р.Н. Конфессиональные контактные зоны Российской империи в разрезе уездов и округов по итогам переписи 1897 года // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 1. С. 91–106. DOI: 10.37490/S221979310029977-7.
68. Диноршоев А.М., Коваленко Г.В. Правовые основы разграничения территорий между Таджикистаном и Кыргызстаном — взгляд через призму истории // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. 2022. Т. 2. № 3 (26). С. 87–96.
69. Дирин Д.А. Концепт «геокультурное пространство» в общественной географии. Социально-экономическая география // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 146–160.
70. Дирин Д.А. Основные подходы к исследованию культурных ландшафтов в российской культурной географии // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 24–37.

71. Дирин Д.А. Этнокультурные ландшафты Алтая: особенности формирования, пространственной организации и развития // Вопросы географии. Вып. 138. 2014. С. 327–345.
72. Дмитриева Е.Л. Постсоветская Центральная Азия: этнотерриториальные споры и пограничные конфликты (обзор) // Россия и мусульманский мир. 2018. № 4 (310). С. 45–55.
73. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 151 с.
74. Дуйшеналиев Ч. География этнической идентичности Кыргызстана // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 2–5 (48). С. 312–315.
75. Дуйшеналиев Ч. Политическая география и проблемы национального самосознания, идентичности Кыргызстана // Евразийский союз ученых. 2018. № 2–2 (47). С. 9–11.
76. Жаркенова А.М. Белорусы в Казахстане: численность и территория расселения (1897–2017 гг.) // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2018. № 4 (98). С. 51–55.
77. Жаркенова А.М. Изменения в численности и этнической структуре населения регионов Казахстана в современный период // Вестник ЗКУ. 2019. № 1 (73). С. 290–299.
78. Жаркенова А.М. Региональные особенности этнического расселения населения Республики Казахстан в период независимости // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2015. № 1 (189). С. 35–39.
79. Жаябаева Р.Г., Шамшудинова Г.Т. Миграционные процессы в Казахстане: этнический состав и их роль в национальной идентичности // Вестник Торайгыров университета. Гуманитарная серия. 2022. № 4. С. 6–17.
80. Жильцов С.С., Слизовский Д., Шуленина Н., Маркова Е. Формирование национальной идентичности в странах Центральной Азии: итоги, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21. № 1. С. 40–54.

81. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
82. Захаров И.А. География религий: трансформация конфессионального пространства Африки. М.: Институт Африки РАН, 2020. 148 с.
83. Захаров И.А. Динамика конфессионального пространства Эфиопии в условиях демократических преобразований // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2023. Т. 87. № 5. С. 690–700. DOI: 10.31857/S2587556623050096.
84. Захаров И.А. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX — начале XXI веков: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2019. 168 с.
85. Зимовина Е.П. Динамика численности и состава населения Казахстана во второй половине XX в. // Демоскоп Weekly. 2003. № 103–104.
86. Зимовина Е.П., Агаджанян В.С. Система миграционного взаимодействия Казахстана и стран Центральной Азии в постсоветский период // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 108–125.
87. Зотова Н.А. История расселения таджиков на территории Северо-Западной Ферганы. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 2003. 232 с.
88. Зубык А.И. Украинская диаспора в странах Центральной Азии: численность и особенности расселения // Вопросы географии и геоэкологии. 2015. № 4. С. 87–95.
89. Иванов И.А., Манаков А.Г., Теренина Н.К. Пространственные аспекты развития этноконтактной зоны в Карелии // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 116–129. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.55.116.
90. Иванова Н.П., Брюханова Е.А., Калиева К.С., Егоренкова Е.Н. Дискуссионные вопросы по оценке материалов переписи 1897 г. как источника по истории казахского народа и Казахстана (обзор историографии) // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 2 (106). С. 54–58.

91. Игнатъева Л.Н. Влияние миграции на этнодемографическую ситуацию в Казахстане в 30–90-е гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5 (115). С. 85–90.
92. Игнатъева Л.Н. Миграционные процессы в Казахской ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4 (37). С. 38–40.
93. Игнатъева Л.Н. Миграция как фактор формирования населения Казахской ССР в 40–50-е гг. XX в. // Общество: философия, история, культура. 2023. № 6 (110). С. 136–140.
94. Игнатъева Л.Н. Роль миграции в формировании населения Казахстана (1926–1959 гг.). Усть-Каменогорск, 2015. 221 с.
95. Игнатъева Л.Н. Формирование населения Казахстана в конце 40-х — 50-е годы XX в. // Востоковедные исследования на Алтае. 2014. № 8. С. 145–158.
96. Искалиев Д.Ж. Трансформация городского расселения Казахстана в постсоветский период: дис. ... канд. геогр. наук: 1.6.13. Псков: Псковский государственный университет, 2024. 266 с.
97. Искалиев Д.Ж., Герасименко Т.И., Терещенко Т.А. Основные тенденции этнической трансформации городского населения Казахстана // Город и люди: пространство и время: Сборник статей Международной конференции, Смоленск, 28–30 апреля 2023 года. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2023. С. 331–341.
98. Исмаилов А.И. Из истории спорных территорий при национально-государственном размежевании в Средней Азии в 1924–1925 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 109–111.
99. Исмаилов С.С., Бисембаева А.К., Маканова А.Ж., Молдахметова Г.М. Вопросы формирования национальных автономий в составе СССР в 1920-е годы (на примере Казахской АССР) // The Europe and the Turkic World: Science, Engineering and Technology Materials of the international scientific-practical conference. Editorial Board: Chairman of the Board S. Midelski. 2016. С. 308–313.

100. Историческая география России: теория, методы, практика: Коллективная монография / Л.Б. Вампилова, В.С. Дементьев, А.Б. Елацков, Н.В. Каледин, А.Г. Манаков, А.А. Соколова, С.А. Тархов; под общ. ред. А.Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет, 2019. 300 с.

101. Каганский В.Л. Центр — Провинция — Периферия — Граница: основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Москва-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 72–101.

102. Калуцков В.Н. Культурная география России. Часть 1. Теоретический и специальный разделы. М.: Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 2016. 140 с.

103. Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение. М.: Географический факультет МГУ, 2011. 112 с.

104. Ковальская С.И., Федорова А.В., Хизат А. Репатриационная политика Республики Казахстан: от «оралмана» до «кандас» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135).

105. Ковальская С.И., Хизат А. Возвращение казахов-репатриантов из Монголии на историческую родину // История повседневности. 2022. № 4. С. 50–64.

106. Корженевский К.Б. Разграничение Омского уезда между Омской и Акмолинской губерниями в 1921–1922 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 25–33.

107. Корженевский К.Б. Формирование северной границы Казахской автономии в 1920–1921 гг.: переход Акмолинской и Семипалатинской областей в ведение Казахстана // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск: Нижневартковский государственный университет, 2017. С. 18–21.

108. Краснобаева Н.Л. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным I Всесоюзной переписи 1926 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2004. № 4 (34). С. 17–21.

109. Краснобаева Н.Л. Народы Восточного Казахстана в конце XIX века: на основе данных всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и текущей статистики // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2023. № 11. С. 19–24.

110. Краснобаева Н.Л. Статистика 1930-х гг. как основной источник для характеристики населения Казахстана в предвоенные годы // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–1 (80). С. 38–43.

111. Кроток Р.Н. Динамика конфессионального пространства на территории Эстонии в XIX веке // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 4. С. 84–101.

112. Кроток Р.Н. Историко-географические подходы к изучению конфессиональных контактных зон // Исторический подход в географии и геоэкологии: Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии, Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2023 года / отв. ред. Л.Б. Вампилова. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 720–723.

113. Кроток Р.Н. Территориальная структура конфессионального пространства Латвии в конце XIX — начале XX вв. // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 24–39.

114. Кроток Р.Н. Трансформация конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX — начале XXI вв.: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 1.6.13. СПб., 2025. 22 с.

115. Кроток Р.Н., Теренина Н.К. Динамика контактных зон христианского и нехристианского населения России в XVIII — начале XX вв.: картографический анализ // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 3. С. 34–44.

116. Кулешова М.Е. Принципы и методы оценки культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 37–67.

117. Кушубеков А.Т. Основные тенденции в трансформации этнической структуры населения регионов Кыргызстана в советский и постсоветский периоды // Наука и новые технологии. 2008. № 7–8. С. 75–78.

118. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX веков (геокультурный аспект). М.: Институт Наследия, 1998. 128 с.

119. Лобанов В.Б., Ищенко М.Г. Освоение целины как продолжение переселенческой политики царской администрации // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71–4. С. 77–80.

120. Логашова Б.Р. К проблеме этнической истории туркмен // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы). СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2000. С. 164–166.

121. Лысенко А.В., Водопьянова Д.С., Азанов Д.С. Этноконтактные зоны Северного Кавказа // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 3. С. 165–170.

122. Манаков А.Г. Выделение основных элементов территориальной структуры этнокультурного пространства Азиатской России конца XIX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. 2023. Т. 45. С. 68–79. DOI: 10.26516/2073-3402.2023.45.68.

123. Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с.

124. Манаков А.Г. Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран // Географический вестник. 2021. № 2 (57). С. 22–35. DOI: 10.17072/2079-7877-2021-2-22-35.

125. Манаков А.Г. Национально-государственное размежевание Центральной Азии в 1920-е гг.: современный взгляд с позиции концепции этнокультурного пространства // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. № 2. С. 3–16. DOI: 10.31857/S0869607120020044.

126. Манаков А.Г. Основные тренды в трансформации этнического пространства Центрально-Азиатского макрорегиона с 1897 по 2017 г. // Региональные исследования. 2020. № 1 (67). С. 53–64. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-1-5.

127. Манаков А.Г. Особенности территориальной структуры этнического пространства Средней Азии на рубеже XIX и XX столетий // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 42–57. DOI: 10.37490/S221979310008989-0.

128. Манаков А.Г. Русский язык как родной на постсоветском пространстве в сравнении с итогами переписи 1989 г. // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2 (46). С. 79–98. DOI: 10.37490/S221979310013894-6.

129. Манаков А.Г. Сдвиги в территориальной структуре этнокультурного пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона в период с 1939 по 1959 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2020. № 16. С. 55–71.

130. Манаков А.Г. Структура геокультурного пространства России: походы к делимитации // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 22–35.

131. Манаков А.Г. Структура и динамика геокультурного пространства Северо-Запада России: дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. СПб., 2003. 290 с.

132. Манаков А.Г. Территориальная структура этнокультурного пространства Европейской России на рубеже XIX–XX вв // Псковский регионологический журнал. 2019. № 1 (37). С. 84–98.

133. Манаков А.Г. Территориальная структура этнокультурного пространства Казахстана и Средней Азии по итогам переписей населения 1959 и 1970 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 1 (41). С. 51–66. DOI: 10.37490/S221979310008534-0.

134. Манаков А.Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX — начале XXI в. // Географический вестник. 2019. № 2 (49). С. 13–24.

135. Манаков А.Г. Трансформация этнического пространства в странах Центральной Азии в постсоветский период // География и природные ресурсы. 2021. Т. 42. № 2. С. 167–177. DOI: 10.15372/GIPR20210218.

136. Манаков А.Г. Этническая неоднородность городского и сельского населения регионов России по итогам переписи 2021 года // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 4. С. 49–61. DOI: 10.37490/S221979310027430-6.

137. Манаков А.Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.

138. Манаков А.Г., Андреев А.А., Иванов И.А., Павлова К.В. Картографирование этнической динамики по регионам России в межпереписные периоды с 1897 по 1959 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 4. С. 70–81.

139. Манаков А.Г., Васильев Н.М., Кондратьева П.А. Этническая неоднородность населения в разрезе уездов и округов Российской империи по итогам переписи 1897 г. // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». 2023. Т. 16. № 2. С. 23–35.

140. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 1. С. 92–108.

141. Манаков А.Г., Изотов Д.Д., Хайдаров Н.Ф., Манаенков М.В. Особенности динамики этнического разнообразия регионов России по десятилетиям между переписями 1959 и 1989 гг. // Вестник Псковского

государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 3. С. 21–33.

142. Манаков А.Г., Кроток Р.Н., Иванов И.А. Трансформация конфессиональной структуры населения Северо-Запада России и Прибалтики (конец XIX — первая четверть XXI века) // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 175–192. DOI: 10.5922/2079-8555-2025-2-8.

143. Манаков А.Г., Николаева Е.Д., Евдокимов С.И. Оценка этнической контрастности политических границ (на примере российско-казахстанской границы) // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21. № 3. С. 61–73. DOI: 10.37490/S221979310035480-1.

144. Манаков А.Г., Суворков П.Э. Сдвиги в конфессиональном пространстве России в XVIII — начале XX в.: историко-географический анализ // Известия Русского географического общества. 2018. Т. 150. № 2. С. 3–15.

145. Манаков А.Г., Теренина Н.К. Этническая неоднородность регионов России: динамика по десятилетиям в постсоветский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. № 68 (4). С. 783–797. DOI: 10.21638/spbu07.2023.410.

146. Манаков А.Г., Теренина Н.К. Этнодемографические процессы в Крыму в начале XXI века // Известия Русского географического общества. 2024. Т. 156. № 1. С. 77–90. DOI: 10.31857/S0869607124010066.

147. Манаков А.Г., Теренина Н.К., Владыкин Б.А. Динамика этноконтактных зон в финно-угорских республиках Предуралья и Поволжья в постсоветский период // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология, 2024. № 4. С. 60–70. DOI: 10.17308/geo/1609-0683/2024/4/60-70.

148. Манаков А.Г., Теренина Н.К., Иванов И.А. Динамика этноконтактных зон в тюркских республиках Урало-Поволжья в постсоветский период // Регионология. 2024. Т. 32. № 1. С. 108–125. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.108-125.

149. Манаков А.Г., Теренина Н.К., Хохрин А.Г. Оценка перспектив этнодемографической трансформации Центральной Азии в соответствии с геополитическими сценариями развития // Известия Русского географического общества. 2022. Т. 154. № 1. С. 17–27. DOI: 10.31857/S0869607122010062.

150. Манаков А.Г., Хохрин А.Г. Владение русским языком в странах постсоветского пространства: динамика с 1989 по 2010 гг. // Известия Русского географического общества. 2021. Т. 153. № 2. С. 3–17. DOI: 10.31857/S086960712102004X.

151. Манаков А.Г., Хохрин А.Г. Динамика численности титульных народов республик Центральной Азии в XX — начале XXI вв. // Этнодемографические и этнокультурные процессы в России и мире: тенденции, перспективы, модели и прогнозы. Материалы Международной научно-практической конференции. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 95–108.

152. Манаков А.Г., Хохрин А.Г. Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 55–70. DOI: 10.37490/S221979310008580-1.

153. Манькова И.Л., Нечаева М.Ю. Концепт «религиозный ландшафт» — «двуликий Янус» в современных исторических исследованиях // Уральский исторический вестник. 2020. № 2 (67). С. 89–98. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-89-98.

154. Митин И.И. Мифогеография: пространственные образы и множественные реальности // *Communitas / Сообщество*. 2005. № 2. С. 12–25.

155. Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // *Социум и власть*. 2014. № 6 (50). С. 95–102.

156. Момбекова Ж.К. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней / пер.: Сардарбек Кызы Н. Бишкек: Улуу тоолор, 2020. 592 с.

157. Мукомель В.И. Урбанизация Средней Азии и проблемы социально-экономического развития региона // Проблемы освоения пустынь. 1988. № 5. С. 45–50.

158. Николаева Е.Д. Геоэтнокультурное пространство Казахстана: подходы к выделению структурных элементов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2026. Т. 19. № 1. С. 80–94. DOI: 10.37490/S0037336-9.

159. Николаева Е.Д. Изменения в этническом пространстве Туркменистана в постсоветский период (по итогам переписей населения 1989 и 2022 гг.) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2025. Т. 18. № 1. С. 41–52.

160. Николаева Е.Д. Метаэтническая неоднородность городского и сельского населения на территории Казахстана и Средней Азии в 1939–1970 годах // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 4. С. 102–120. DOI: 10.37490/S221979310031931-7.

161. Николаева Е.Д. Опыт оценки изменения метаэтнической неоднородности территорий Центральной Азии с 1970 по 1989 годы // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 69–85. DOI: 10.37490/S221979310031656-4.

162. Николаева Е.Д., Иванов И.А. Региональные различия в динамике этнической структуры населения стран Центральной Азии в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. Т. 20. Вып. 2. С. 89–101.

163. Николаева Е.Д., Хайдаров Н.Ф. Территориальные различия в этнической мозаичности Среднеазиатского региона в начале XX века // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 3. С. 50–65.

164. Омурзакова Т.О. Термин «сарт» в исторических источниках Кокандского ханства // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2019. № 2 (17). С. 1–4.

165. Орлов А.Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 120–124.

166. Ормоналиев К.О., Закиров М.А. Постсоветская Центральная Азия и территориальные пограничные споры // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 11. С. 507–514. DOI: 10.33619/2414-2948/84/65.

167. Ормоналиев К.О., Сабиров Р.К. Этнотерриториальные и пограничные разногласия Центральноазиатских государств в Ферганской долине // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2023. № 2. С. 166–170. DOI: 10.26104/NNTIK.2023.53.94.035.

168. Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент: Типография газеты «Среднеазиатская жизнь», 1908. 296 с.

169. Плоских В.В. Промежуточная перепись населения 1916 года (между двух переписей: Первой всероссийской 1897 г. и первой всесоюзной 1926 г.) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 4. С. 202–206.

170. Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во МГУ, 1980. 168 с.

171. Поплавский Р.О., Корандей Ф.С., Черепанов М.С. Ландшафтная концепция и география религий (на материалах англоязычной географии) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2024. Т. 88. № 1. С. 90–99.

172. Попов Д.В. Описание и классификация русскоязычного населения Узбекистана // ISJ Theoretical & Applied Science. 2022. № 04 (108). С. 113–119. DOI: 10.15863/TAS.2022.04.108.21.

173. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Том 4. Антропология / отв. ред.: Литвинский Б.А., Жданко Т.А. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1991. 130 с.

174. Ражепаева Ф.З. Татары Казахстана: численность и размещение (по материалам переписей населения 1989, 1999 и 2009 гг.) // Историческая этнология. 2020. Т. 5. № 3. С. 416–434.

175. Рахимкулов Ш.С. Особенности этнического состава населения Казахстана в период независимости в региональном контексте // Известия ВУЗов (Кыргызстан). 2015. № 9. С. 87–90.

176. Рудов Г.А. Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации // Обозреватель. 2014. № 11 (298). С. 16–28.

177. Рязанцев С.В., Гарибова Ф.М. Демографическое развитие Ферганской долины как приграничного региона Центральной Азии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 49–58. DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.4.

178. Сари Я. Связь конфликта с идентичностью на примере событий в Ферганской долине // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. № 4. С. 7–19.

179. Сауран Э.С., Найманбаев Б.Р. Этническая структура населения южного Казахстана в 1991–2020 гг. // Sciences of Europe. 2022. № 87–1 (87). С. 32–37. DOI: 10.24412/3162-2364-2022-87-1-32-37.

180. Сафронов С.Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. Т. Нефедовой, П. Полян, А. Трейвиш. М., 2001. С. 443–460.

181. Сафронов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.

182. Сафронов С.Г. Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России // Региональные исследования. 2013. № 4 (42). С. 87–100.

183. Сидоренко Н.А. Этническая мозаичность в реалиях этносоциальной истории Крыма XX века // В мире научных открытий. 2015. № 3–6 (63). С. 2798–2808.

184. Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123. DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804.
185. Стрелецкий В.Н. Геопространство в культурной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005. С. 330–332.
186. Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 73–91.
187. Стрелецкий В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М., 2011. С. 146–176.
188. Стрелецкий В.Н. Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) // Вестник исторической географии, № 1. Смоленск: Изд. СГУ, 1999. С. 31–53.
189. Субботина И.А. Русские в Казахстане: миграционная ситуация накануне и после распада СССР // Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. С. 154–175.
190. Сулайманов Ж.М. Киргизские племена в XIX веке: между Россией и Кокандским ханством // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Сборник научных трудов международного семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / под науч. ред. Д.В. Васильева. М.: Издательство «ОнтоПринт», 2019. С. 64–78.
191. Суций С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 27–46. DOI: 10.31857/S013216250019640-7.
192. Суций С.Я. Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 22–37.

193. Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 1994. 576 с.

194. Табулденов А.Н. Динамика численности депортированных народов в Северном Казахстане в 30–40-е гг. XX в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 3 (27). С. 34–47. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(3).34-47.

195. Тенчиков А.А. Казахстан: индекс этнической мозаичности // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 43–4. С. 8–10. DOI: 10.18411/lj-10-2018-73

196. Тенчиков А.А. Этноконфликтогенный потенциал территории: особенности и проблемы оценки на примере Республики Казахстан // Региональные геосистемы. 2023. Т. 47. № 1. С. 23–33. DOI: 10.52575/2712-7443-2023-47-1-23-33.

197. Теренина Н.К. Динамика этнической неоднородности регионов России с 1959 по 2021 г. // Географический вестник. 2024. № 3 (70). С. 38–48. DOI: 10.17072/2079-7877-2024-3-38-48.

198. Теренина Н.К. Изменение этнической мозаичности городского и сельского населения республик Северного Кавказа в советский и постсоветский периоды // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 3. С. 3–20.

199. Теренина Н.К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–116. DOI: 10.37490/S221979310018427-2.

200. Теренина Н.К. Опыт оценки этнической контрастности границ республик Урало-Поволжья // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2023. № 3. С. 40–50. DOI: 10.5922/gikbfu-2023-3-3.

201. Теренина Н.К. Оценка сложности структуры и разнородности компонентов этноконтактных зон Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. Т. 20. № 4. С. 211–224.

202. Теренина Н.К. Оценка степени выраженности локальных этноконтактных зон Республики Башкортостан // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 2. С. 83–95. DOI: 10.37490/S221979310030064-3.

203. Теренина Н.К. Пространственные особенности динамики славяно-тюркских контактных зон в Поволжско-Уральском регионе в 2010–2021 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2025. № 1. С. 5–17. DOI: 10.5922/vestniknat-2025-1-1.

204. Теренина Н.К. Расчет коэффициента этнической контрастности на примере республик Урало-Поволжья // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 4. С. 81–94. DOI: 10.37490/S221979310027528-3.

205. Теренина Н.К. Фазы развития этноконтактных зон: от зарождения до растворения // Исторический подход в географии и геоэкологии. Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии / отв. ред. Л.Б. Вампилова. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 741–744.

206. Теренина Н.К., Алексеева О.С., Владыкин Б.А., Иванов И.А. Пространственные особенности развития контактной зоны между славянскими и финно-угорскими народами на северо-западе Европейской России // Арктика и Север. 2025. № 60. С. 263–276. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.60.263.

207. Теренина Н.К., Владыкин Б.А. Динамика коэффициента этнической контрастности в республиках Урало-Поволжья с 1926 по 2021 гг. // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 1. С. 60–76. DOI: 10.37490/S221979310029516-0.

208. Теренина Н.К., Владыкин Б.А. Развитие зон контакта с коренными народами Урало-Поволжья на протяжении XIX века // Псковский

регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 3. С. 90–107. DOI: 10.37490/S221979310027007-0.

209. Теренина Н.К., Иванов И.А., Владыкин Б.А., Алексеева О.С. Динамика контактной зоны между славянскими и финно-угорскими народами на северо-востоке Европейской России в 2010-е годы // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 4. С. 68–83. DOI: 10.37490/S221979310032224-9.

210. Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Изменение этнической неоднородности регионов России в 2010–2020 годах в свете концепции этноконтактных зон // География и природные ресурсы. 2024. № 4. С. 5–15. DOI: 10.15372/GIPR20240401.

211. Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Использование индекса религиозной контактности в изучении пространственно-временной динамики конфессионального пространства Российской империи // Религиоведение. 2024. № 1. С. 120-130. DOI: 10.22250/20728662_2024_1_120.

212. Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Опыт классификации регионов России по динамике этнической мозаичности в постсоветский период // Известия РАН. Серия Географическая. 2025. Т. 89. № 2. С. 155–164. DOI: 10.31857/S2587556625020029.

213. Теренина Н.К., Манаков А.Г., Кроток Р.Н. Стадии развития этноконтактных зон Эстонии, Латвии и Литвы с конца XIX века // Балтийский регион. 2024. Т. 16, №2. С. 144–156. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-2-8.

214. Теренина Н.К., Николаева Е.Д., Архипова А.С. Контактные зоны славян с коренными народами азиатской части Российской империи в конце XIX века // Тихоокеанская география. 2025. № 2. С. 20–28. DOI: 10.35735/26870509_2025_22_2.

215. Теренина Н. К., Суворков П. Э. Оценка разнородности этнической структуры населения муниципальных образований Приволжского федерального округа // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21. № 3. С. 45–60. DOI: 10.37490/S221979310035315-9.

216. Трифонова З.А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2008. № 2. С. 62–67.
217. Трифонова З.А., Лобастова О.А., Ростовцева М.М., Викторов О.Н. Динамика расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 года по 2010 год // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 146–153.
218. Трифонова З.А., Ростовцева М.М. Особенности расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 по 1989 г. // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сборник научных статей. Смоленск: Универсум, 2016. С. 569–576.
219. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998. 210 с.
220. Федирко О.П. Влияние процессов глобализации на изменение конфессионального ландшафта российского Дальнего Востока в период с 1980-х до 2019 г. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 11 (67). С. 50–55.
221. Федорко В.Н., Янчук С.Л., Курбанов Ш.Б. Современная этническая география Узбекистана // Географический вестник. 2020. № 4 (55). С. 63–80. DOI: 10.17072/2079-7877-2020-4-63-80.
222. Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. М.: Наука, 2004. 224 с.
223. Филимонова И.Ю. Структура и развитие конфессионального пространства Оренбургской области: дис. ... канд. геогр. наук. Оренбург, 2006. 174 с.
224. Хахалин К.В. Территориальная самоидентификация нации: постановка проблемы на основе исследования материалов по разграничению постсоветских стран Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 65–79.
225. Центральная Азия в составе Российской империи / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова, О.В. Боронин и др. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

226. Цыряпкина Ю.Н. Русские в Республике Узбекистан: демография, идентичность и социальная динамика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 4. С. 178–191. DOI: 10.15688/jvolsu4.2023.4.14.

227. Шустов А.В. Восточно-славянское население Средней Азии после распада СССР: этнодемографические процессы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 4. С. 114–122.

228. Шустов А.В. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии (1990-е — первое десятилетие 2000-х гг.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 5. С. 98–115.

229. Шустов А.В. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. № 3. С. 90–104.

230. Шустов А.В. Формирование этнонациональной структуры независимых государств Средней Азии: 1990-е — начало 2010-х гг. М.: ООО Товарищество научных изданий КМК, 2016. 209 с.

231. Шустов А.В. Этнотерриториальные проблемы и потенциал этнического сепаратизма в Центральной Азии // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 3 (9). С. 12–16.

232. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

233. Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения) / ред. И.И. Крупник. М.: МФГО, 1989. 163 с.

234. Этнокультурная трансформация постсоветского пространства: факторы, тренды, перспективы / под ред. А.Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет, 2022. 344 с.

235. Abashin S. Empire and demography in Turkestan: numbers and the politics of counting // *Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts*, 2012. P. 129–150.

236. Abashin S. Ethnographic views on socialist reforms in Soviet Central Asia // *Exploring the Edge of Empire: Soviet Era Anthropology in the Caucasus and Central Asia* / eds. F. Mühlfried, S. Sokolovskiy. Berlin: LIT Verlag, 2011. P. 83–98.

237. Abashin S. Nation-construction in post-soviet Central Asia // *Soviet and Post-Soviet Identities*. Cambridge University Press, 2012. P. 150–168. DOI: 10.1017/CBO9780511894732.012.

238. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization// *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. P. 155–194.

239. Alesina A., Ferrara E. Ethnic diversity and economic performance // *Journal of Economic Literature*. 2005. Vol. 43. P. 762–800.

240. Baigabatova N.K., Toibayev A.Zh., Iskakova G.M. Migration processes in Kazakhstan in the 19th — early 20th centuries and their impact on the ethnic structure of the population (on the case of Semirechensk region) // *Voprosy Istorii*. 2022. No. 10–2. P. 150–163. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202210 Statyi59

241. Bufetova A.N., Khrzhanovskaya A.A., Kolomak E.A. Cultural heterogeneity and economic development in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. Vol. 13. Iss. 4. P. 453–463.

242. Campos N., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth // *Journal of International Trade and Economic*. 2011. Vol. 20. P. 129–152.

243. Churchill S. A. Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata // *Economic Issues*. 2019. Vol. 24. Part 1. P. 21–34.

244. Dankov A. Ferghana Valley: problems of maintaining economic stability // *Central Asia and the Caucasus*. 2007. No. 2(44). P. 114–125.

245. Davis S., Sabol S. The importance of being ethnic: minorities in post-Soviet states — The case of Russians in Kazakstan // *Focus on Kazakstan: history,*

ethnicity and society / Crowe D., Junusova Zh., Sabol S. (eds.). N.Y.: Nationalities papers. 1998. Vol. 26. No. 3. P. 473–491.

246. Duygu D. A view from the Ferghana valley to the causes of ethnic conflicts in Central Asia // Конфликтология. 2019. Т. 14. № 4. С. 179–185.

247. Fearon J. Ethnic and Cultural Diversity by Country // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. P. 195–222.

248. Fedorko V. Change in the ethnic structure of population and settlement of the main ethnos in the Republic of Uzbekistan in the Post-Soviet period // Herald of the Geographical society of the Republic of Srpska. 2021. Vol. 25. P. 93–107.

249. Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100.

250. Gerlach J. Nationalism and Identity Construction in Central Asia. Dimensions, Dynamics, and Directions // Europe-Asia Studies. 2016. No. 68(5). P. 948–950. DOI: 10.1080/09668136.2016.1187942.

251. Gil A. Demarcations in Soviet Central Asia in the 1920s and 1930s as a Manifestation of the Control of the Political Center over its Peripheries // Res Historica. 2024. Vol. 57. P. 1347–1362. DOI: 10.17951/rh.2024.57.1347-1362.

252. Greenberg J.H. The Measurement of Linguistic Diversity // Language. 1956. Vol. 32. No. 1. P. 109–115.

253. Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia: The Mountain Communities of Pamir. London: Routledge, 2018. 316 p. DOI: 10.4324/9781351124263.

254. Khokhrin A.G., Fedorko V.N. The dynamics of the number of Russian-speaking title population in the states of Central Asia in the post-Soviet period // Pskov Journal of Regional Studies. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 3–20. DOI: 10.37490/S221979310018640-7.

255. Limonov L., Nesena M. Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? // Area Development and Policy. 2016. Vol. 1. Iss. 1. P. 63–93.

256. Manakov A.G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017 // *Regional Research of Russia*. 2020. No. 10 (4). P. 574–582. DOI: 10.1134/S2079970520040176.

257. Musayev O., Abidoya Z., Abdalov U.M., Orzikulov B., Narkulov S.D., Rakhimov S., Salaev I.B., Iskandarov S.A., Nematov O. Issues of national identity in the people of Central Asia // *Journal of law and sustainable development*. 2023. Vol.11, No. 12. P. 1–19.

258. Németh Á. Ethnic diversity and its spatial change in Latvia, 1897–2011 // *Post-Soviet Affairs*. 2013. 34 p.

259. Papyrakis E., Mo P. Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels // *Economic Inquiry*. 2014. Vol. 52. P. 1204–1218.

260. Posner D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *Amer. J. Political Sci.* 2004. Vol. 48. No. 4. P. 849–863.

261. Sauer C.O. The morphology of landscape. University California Publ.: *Geography*. 1925. № 2. P. 19–53.

262. Schlüter O. Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // *Geographische Anzeiger*. 1920. Bd. 21. S. 145–152, 213–218.

263. Soroko E. How the methods of natural sciences can help in the studies of ethnically mixed families? // *Journal of Physics: Conference. Ser. 2: Computer Simulations in Physics and Beyond, CSP 2017*. 2018. P. 012035.

264. Sushchiy S. The Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period // *Demographic Review*. 2020. Vol. 7. No. 5. P. 100–120. DOI: 10.17323/demreview.v7i5.13200.

Информационные источники

265. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 20.10.2025).

266. Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 19.10.2025).

267. Итоги сплошной переписи населения и жилищного фонда Туркменистана — 2022. Национальный состав населения и владение языками. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.stat.gov.tm/population-census-pdfs/results/ru/4.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

268. Материалы Государственного комитета по статистике Республики Узбекистана по национальному составу населения республики и ее регионов по состоянию на 1 января 2021 г.

269. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://stat.gov.kg/ru/publications/perepis-naseleniya-i-zhilishnogo-fonda-kyrgyzskoj-respubliki-2022-goda-kniga-i-osnovnye-socialno-demograficheskie-harakteristiki/> (дата обращения: 25.12.2025).

270. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 14.12.2025).

Приложения

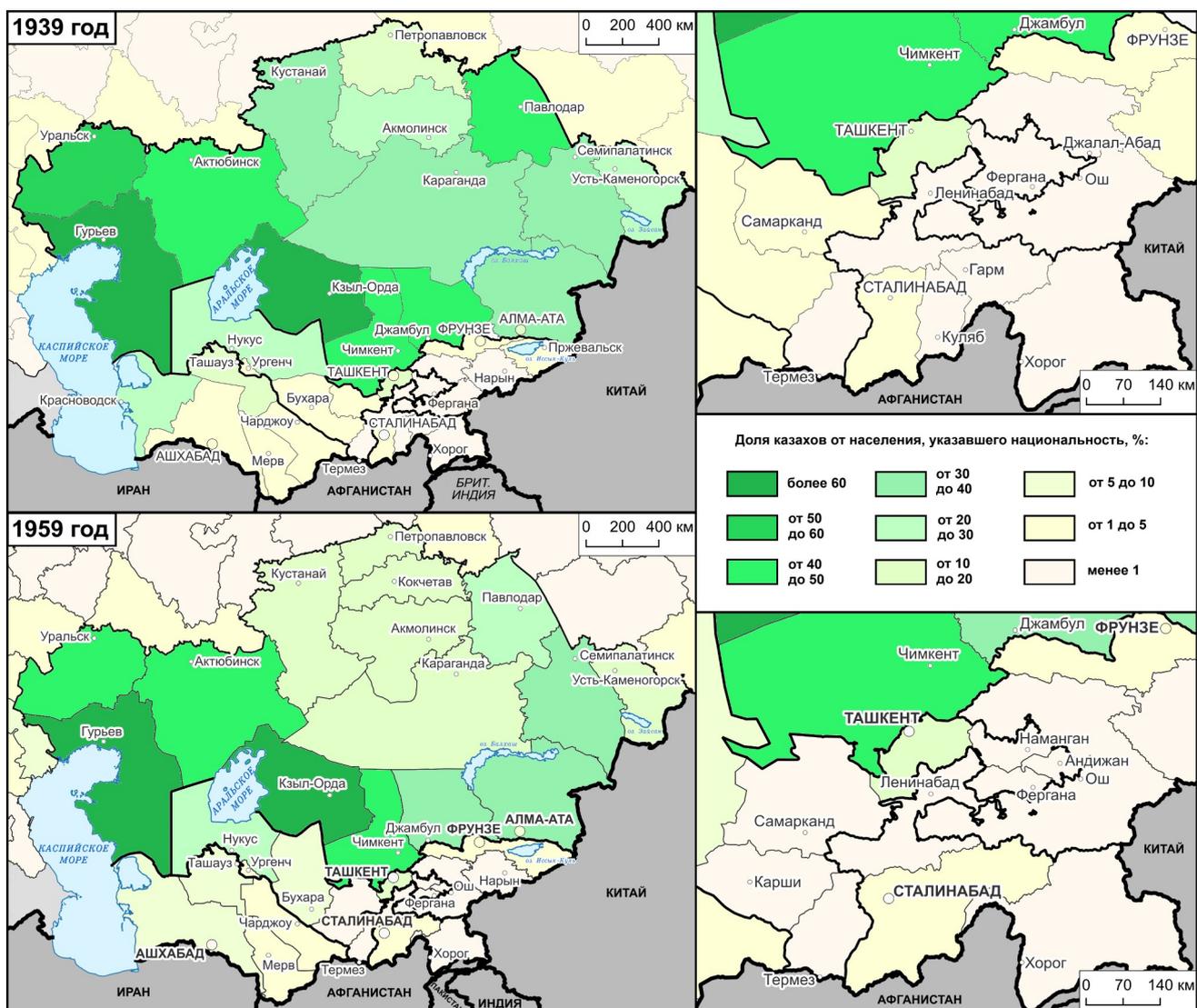

Рисунок П.1 — Доля казахов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг.

(составлено автором по [266])

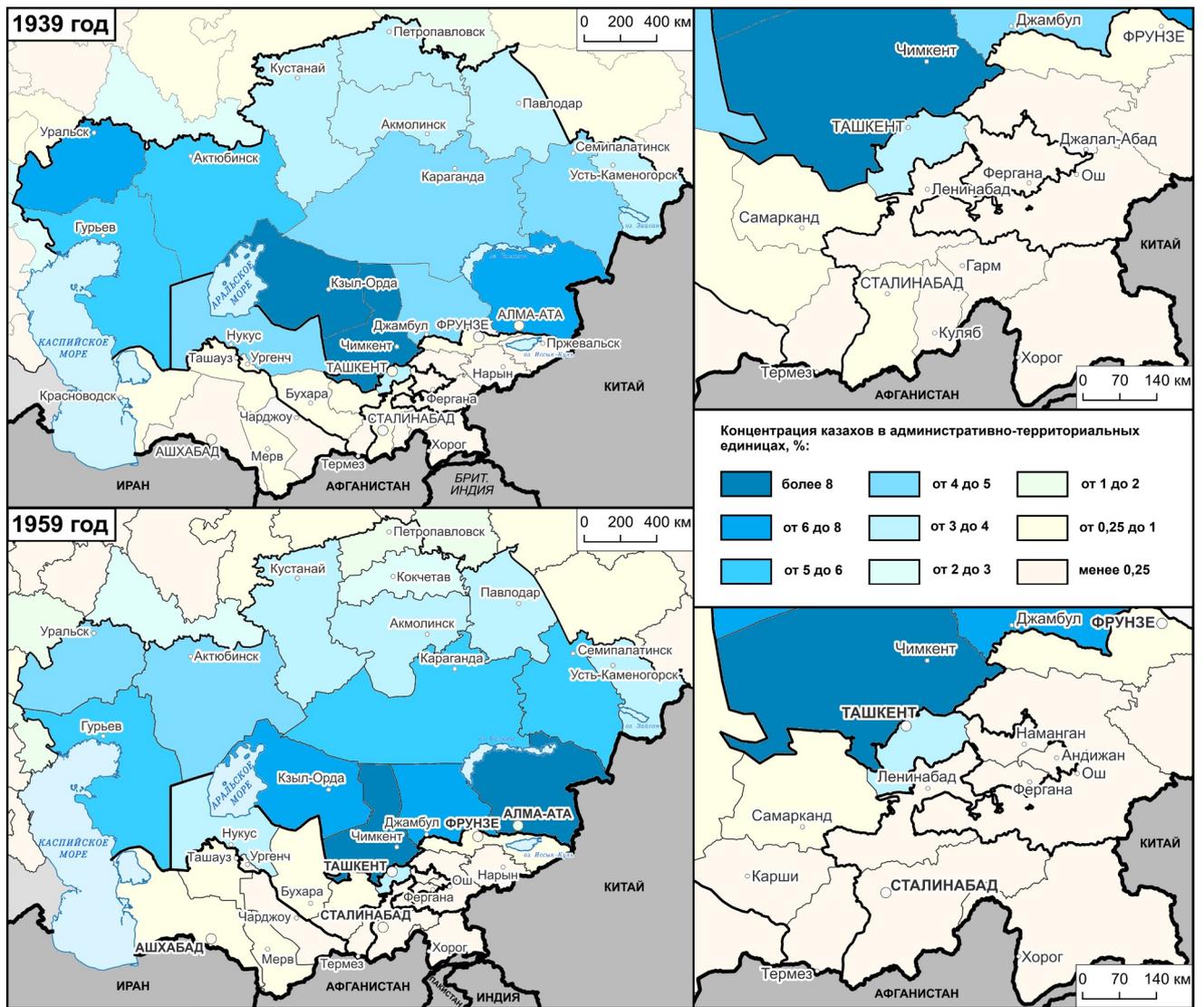

Рисунок П.2 — Коэффициент концентрации казахов в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

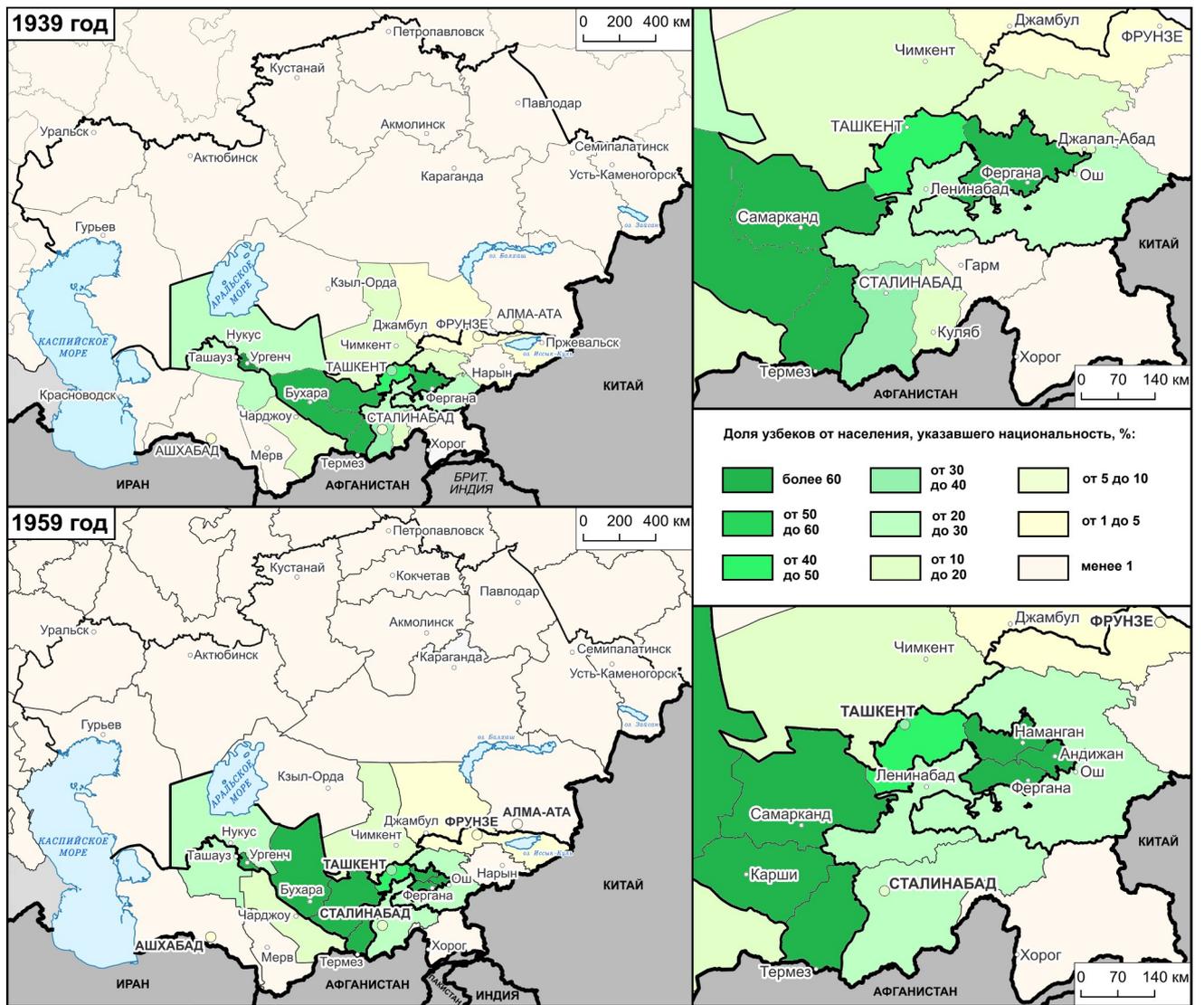

Рисунок П.3 — Доля узбеков в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

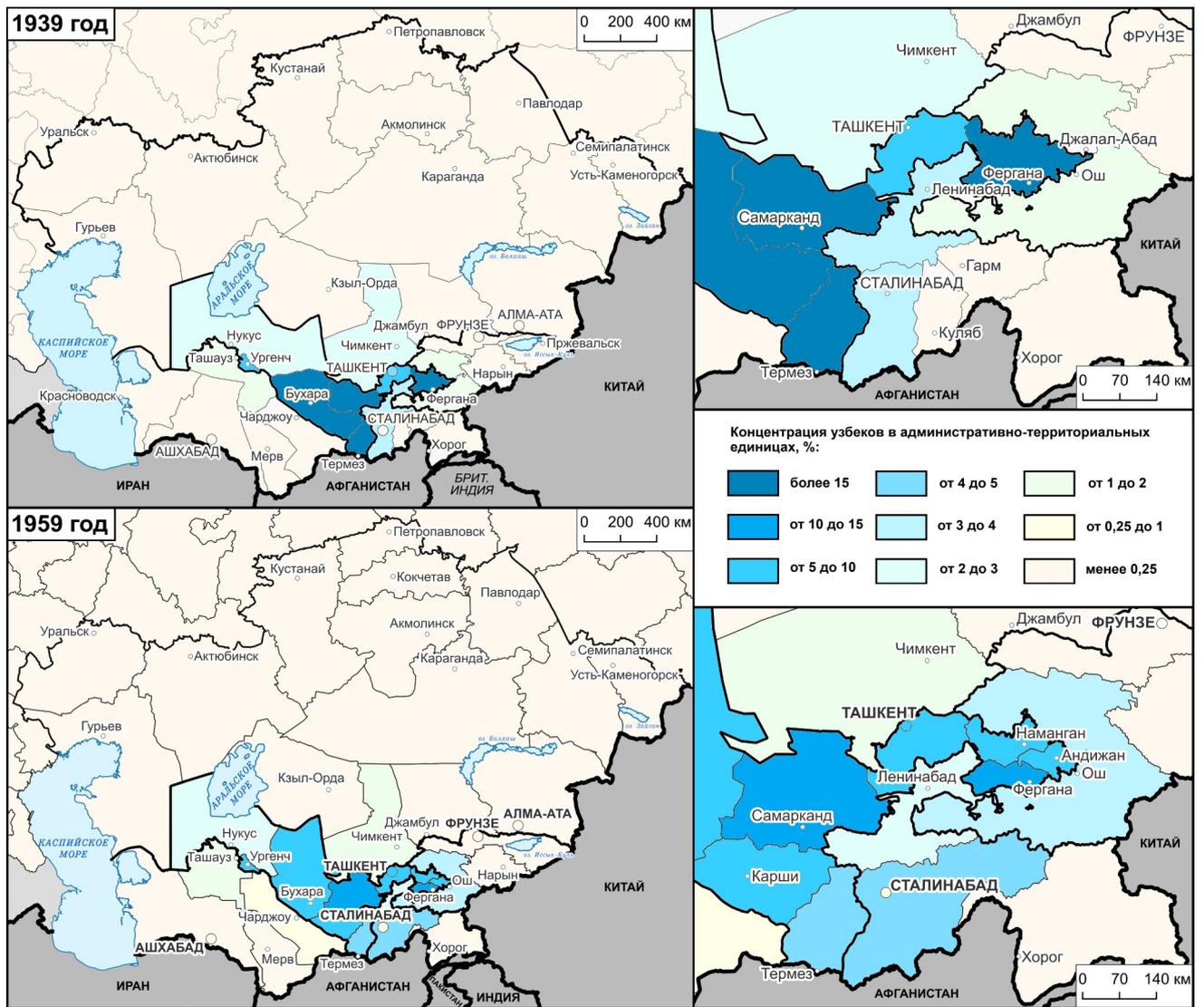

Рисунок П.4 — Коэффициент концентрации узбеков в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

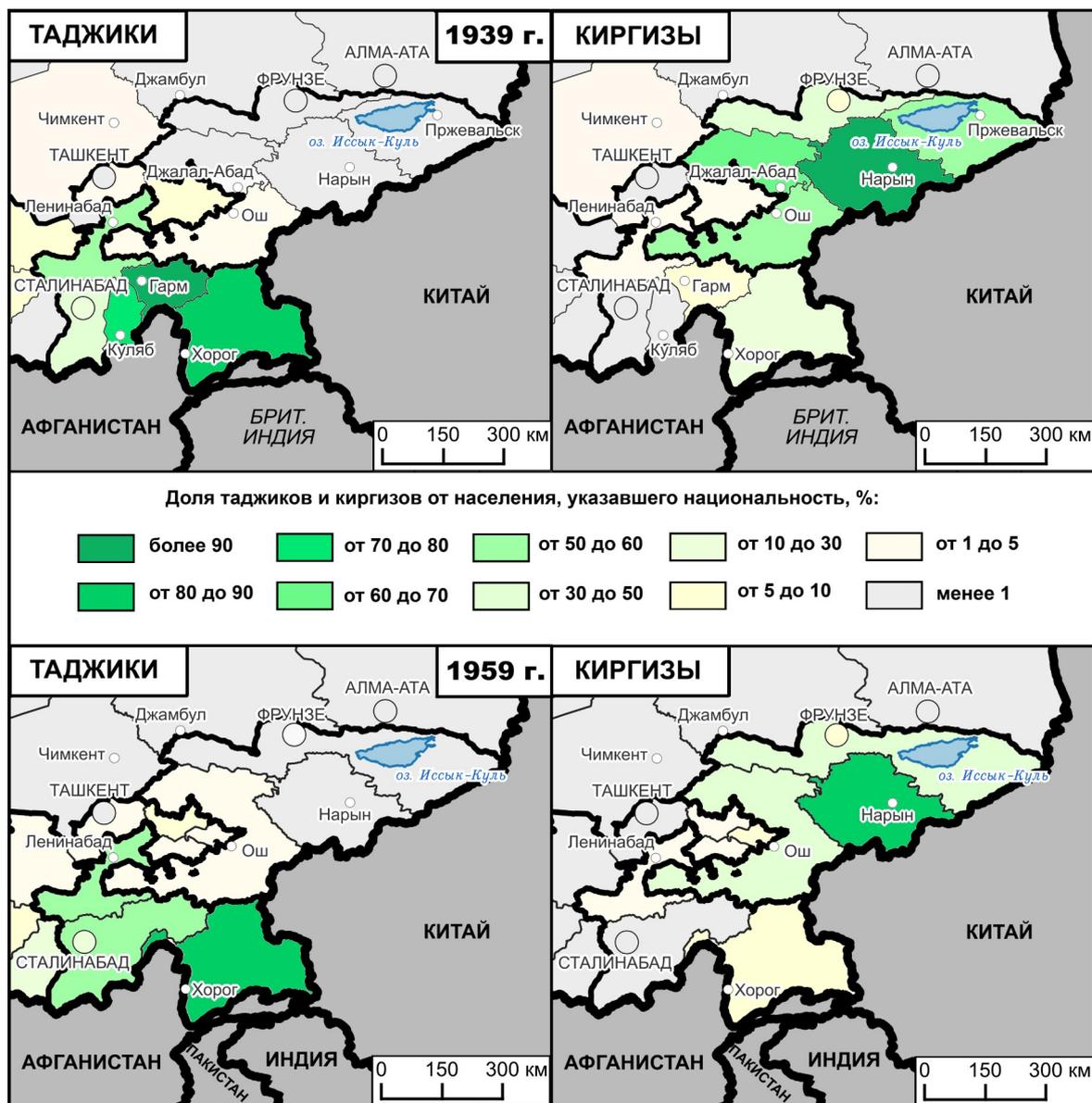

Рисунок П.5 — Доля таджиков и киргизов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

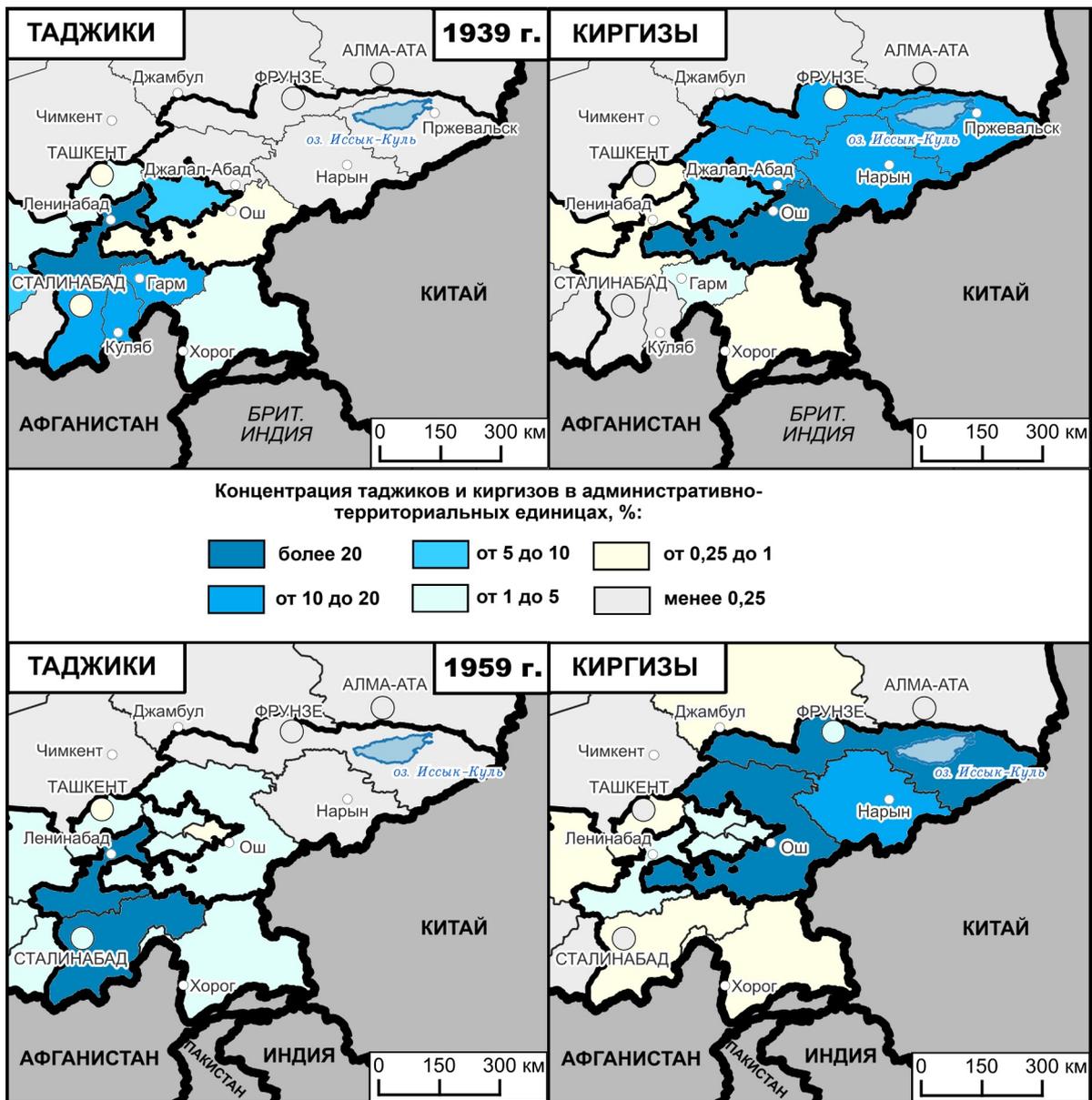

Рисунок П.6 — Коэффициент концентрации таджиков и киргизов в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

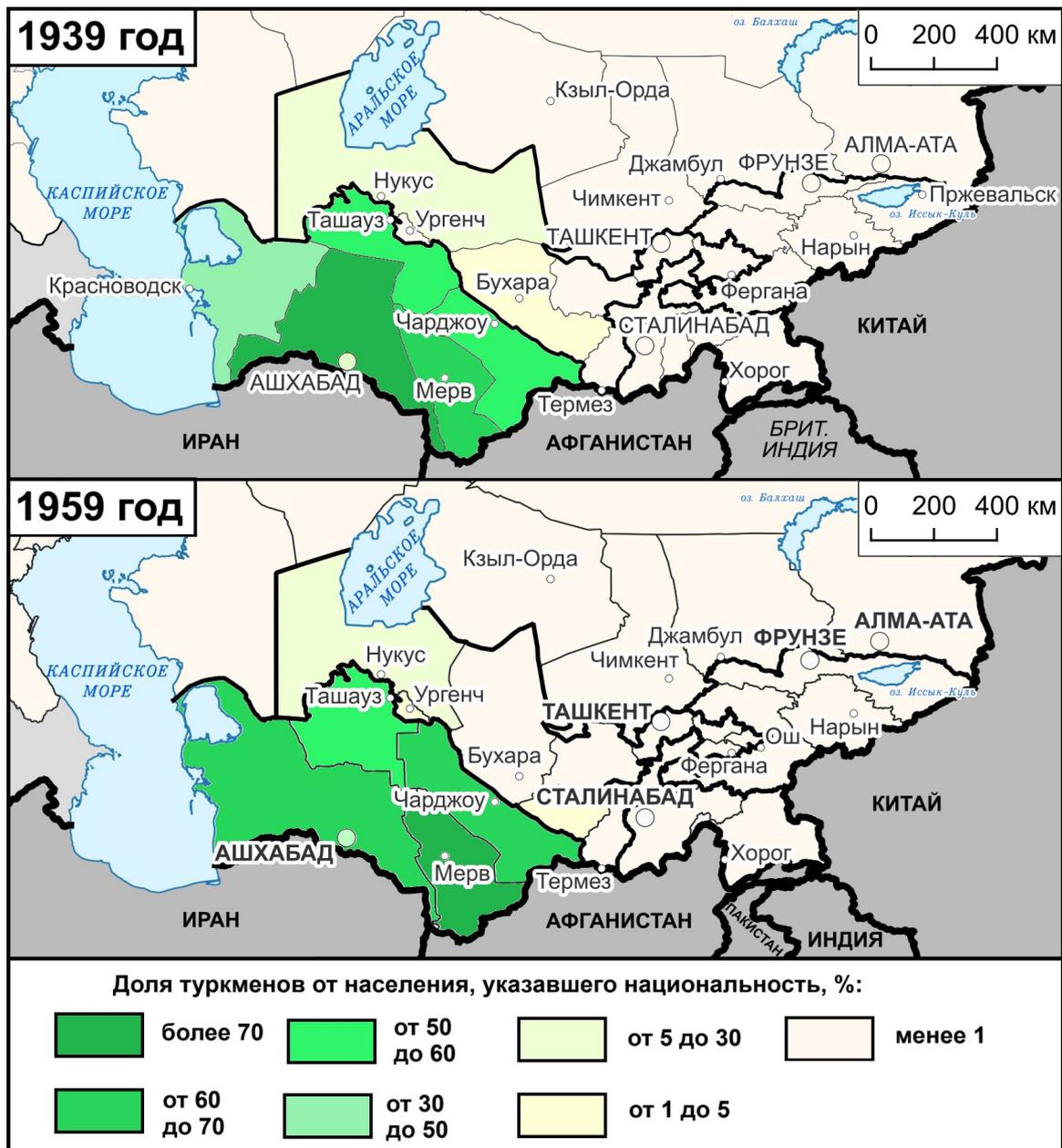

Рисунок П.7 — Доля туркмен в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг.

(составлено автором по [266])

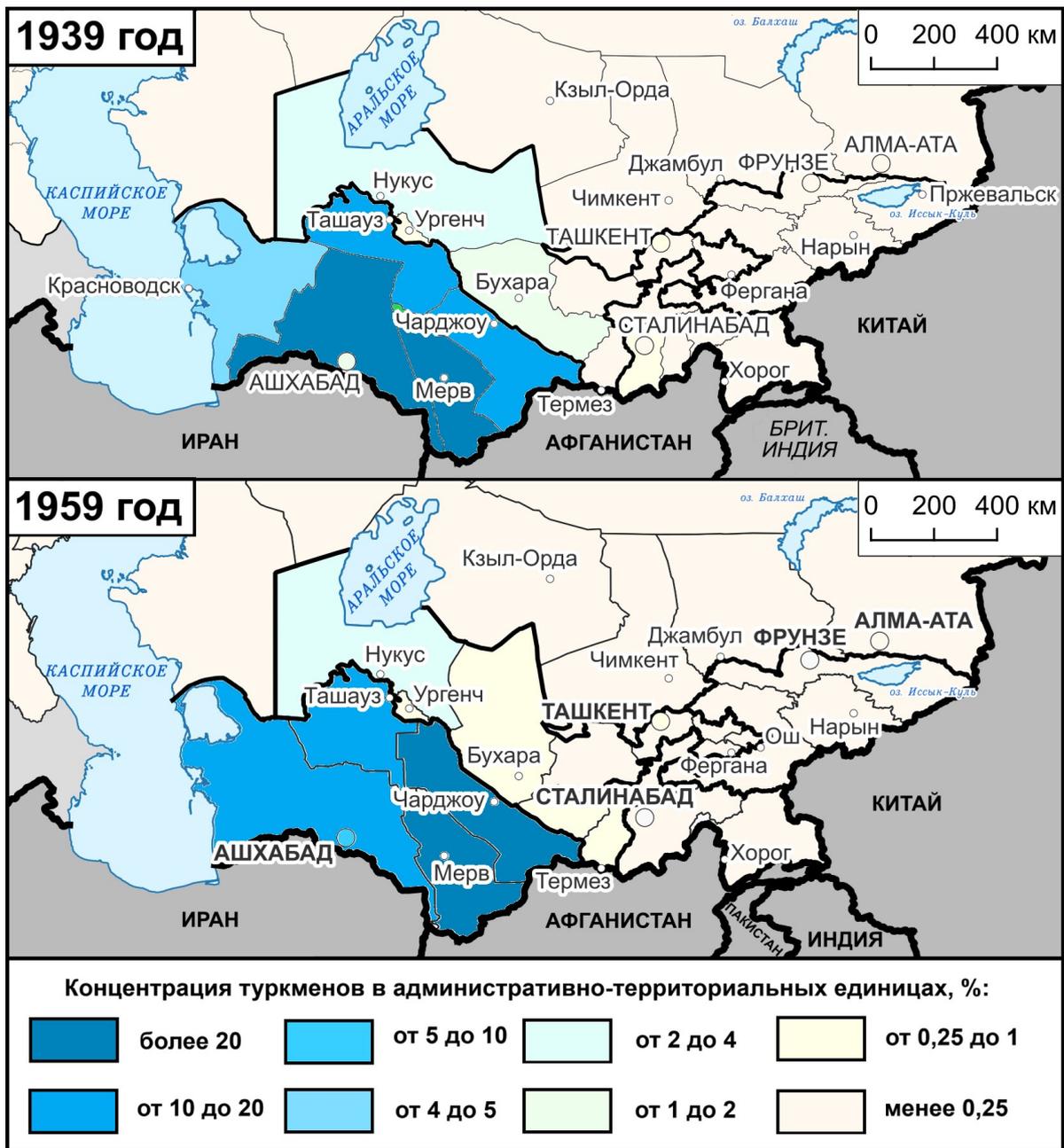

Рисунок П.8 — Коэффициент концентрации туркменов в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1939 и 1959 гг. (составлено автором по [266])

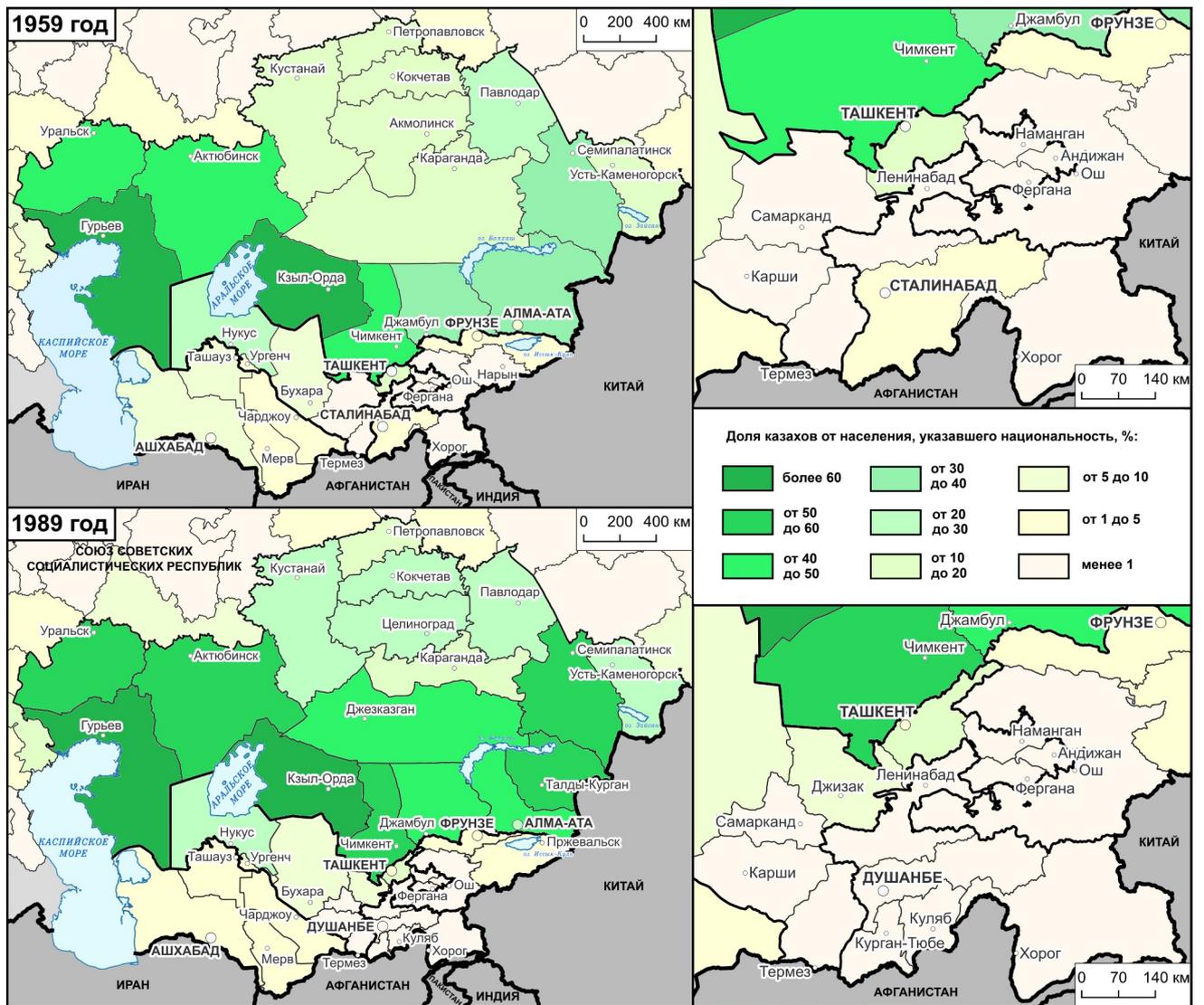

Рисунок П.9 — Доля казахов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

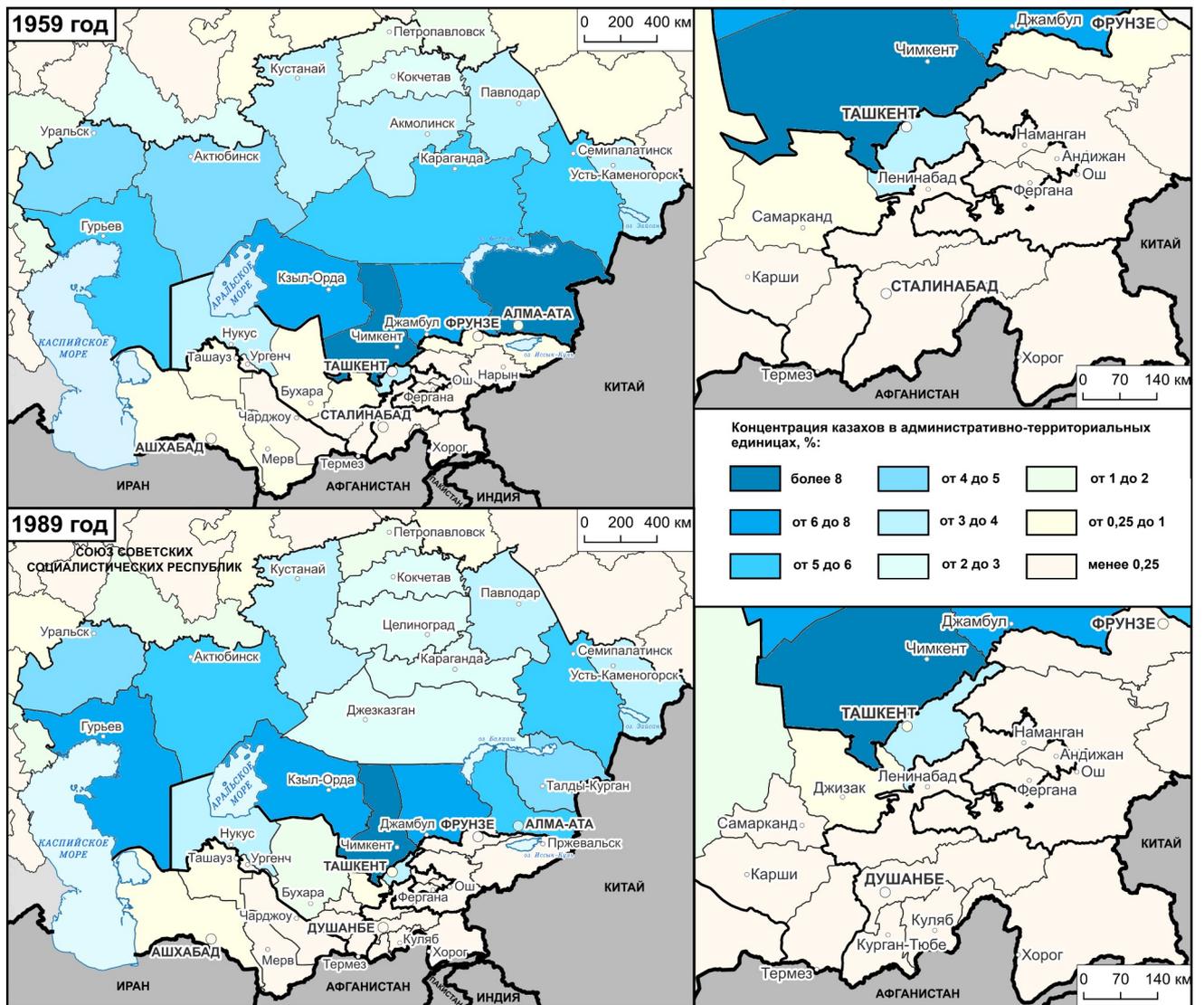

Рисунок П.10 — Коэффициент концентрации казахов в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

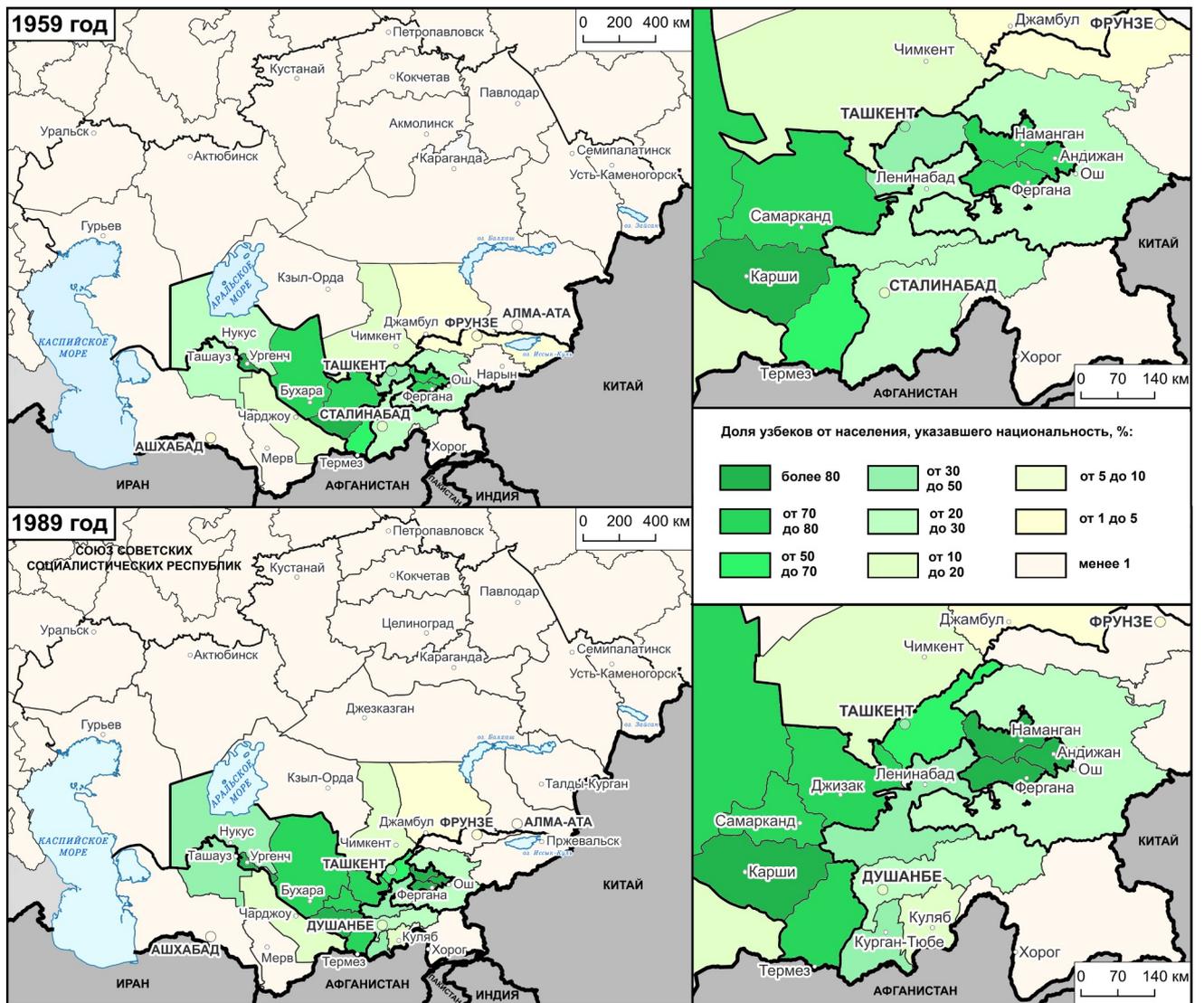

Рисунок П.11 — Доля узбеков в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

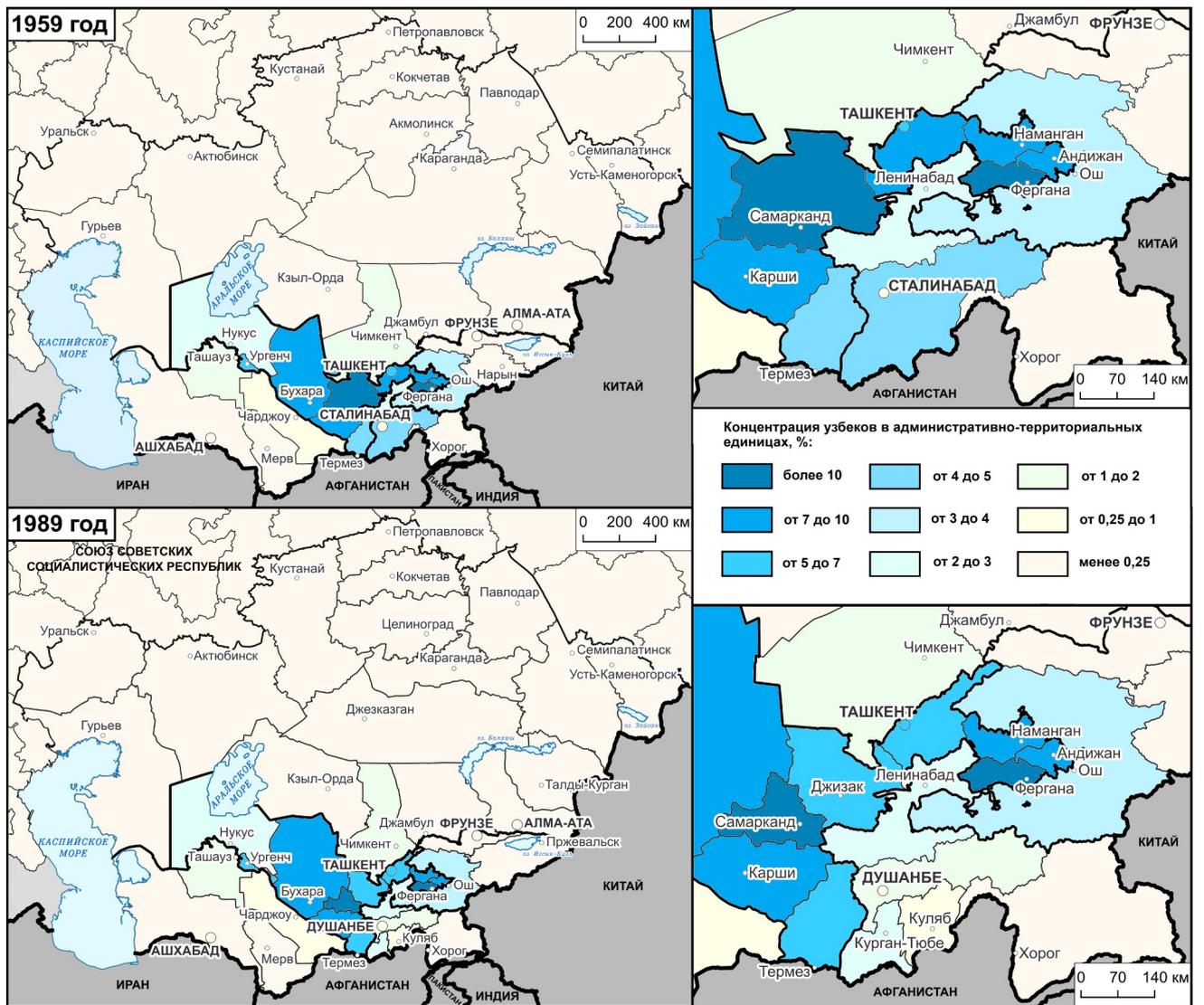

Рисунок П.12 — Коэффициент концентрации узбеков в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

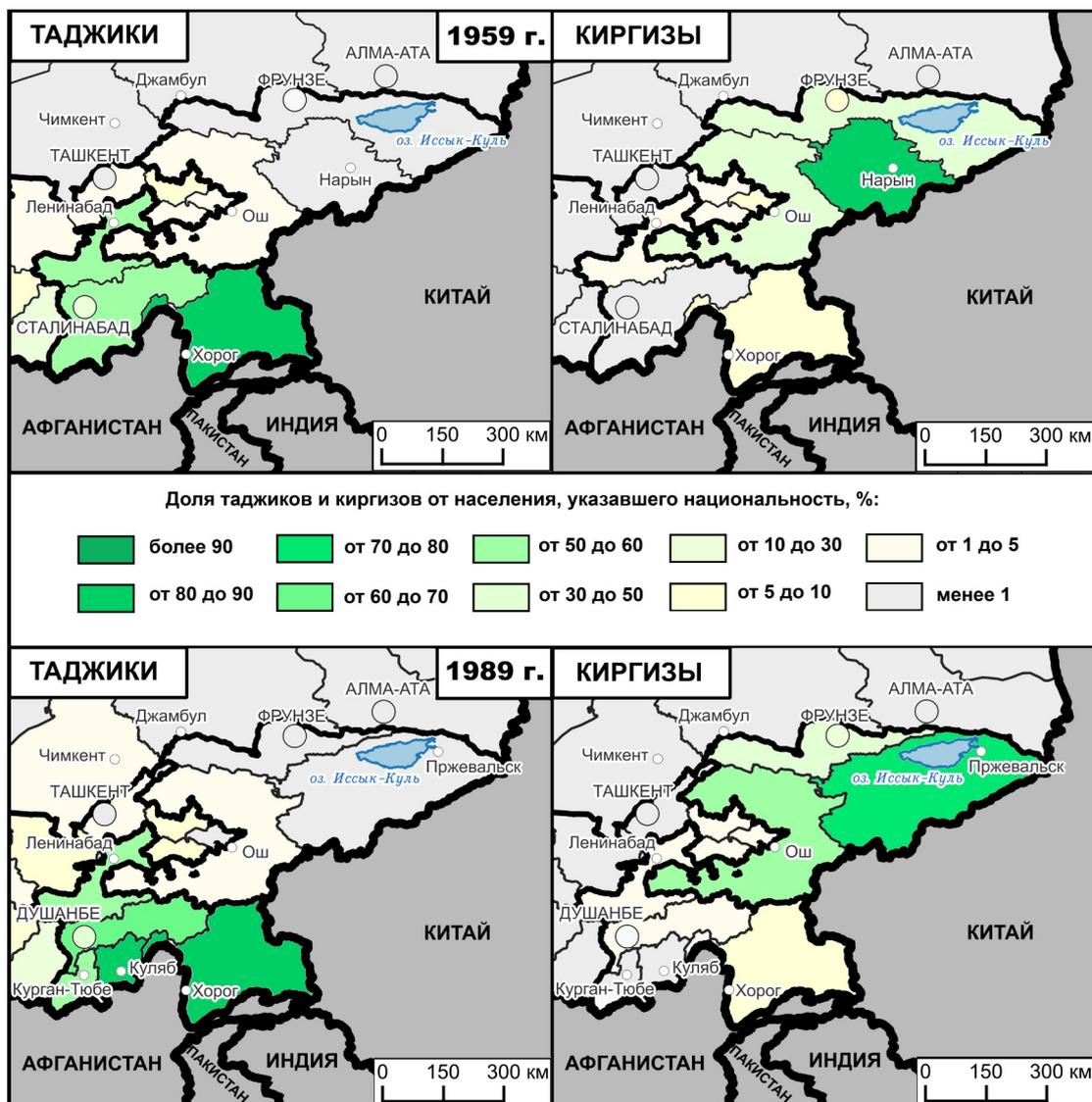

Рисунок П.13 — Доля таджиков и киргизов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

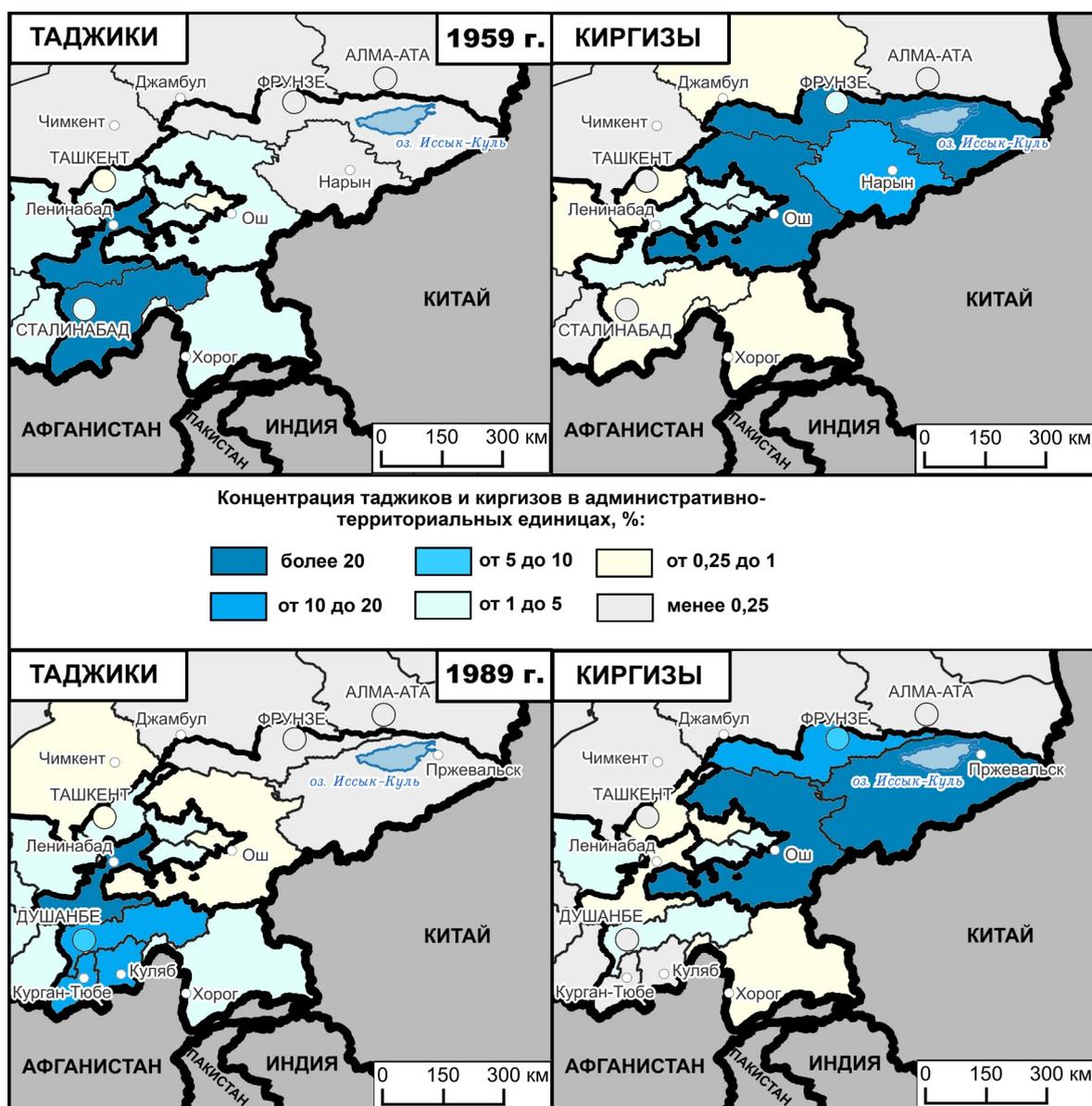

Рисунок П.14 — Коэффициент концентрации таджиков и киргизов в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по

[266])

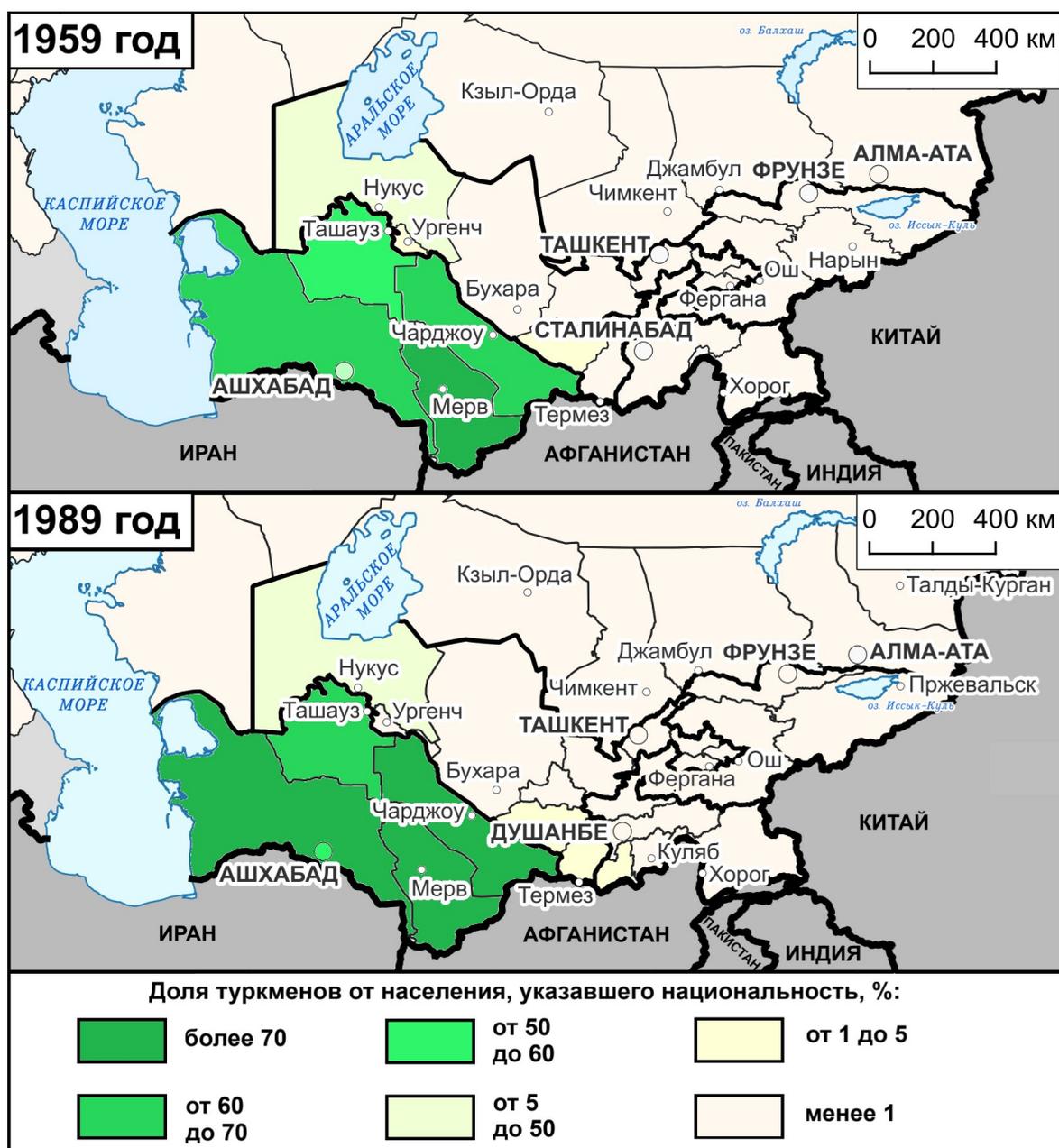

Рисунок П.15 — Доля туркмен в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

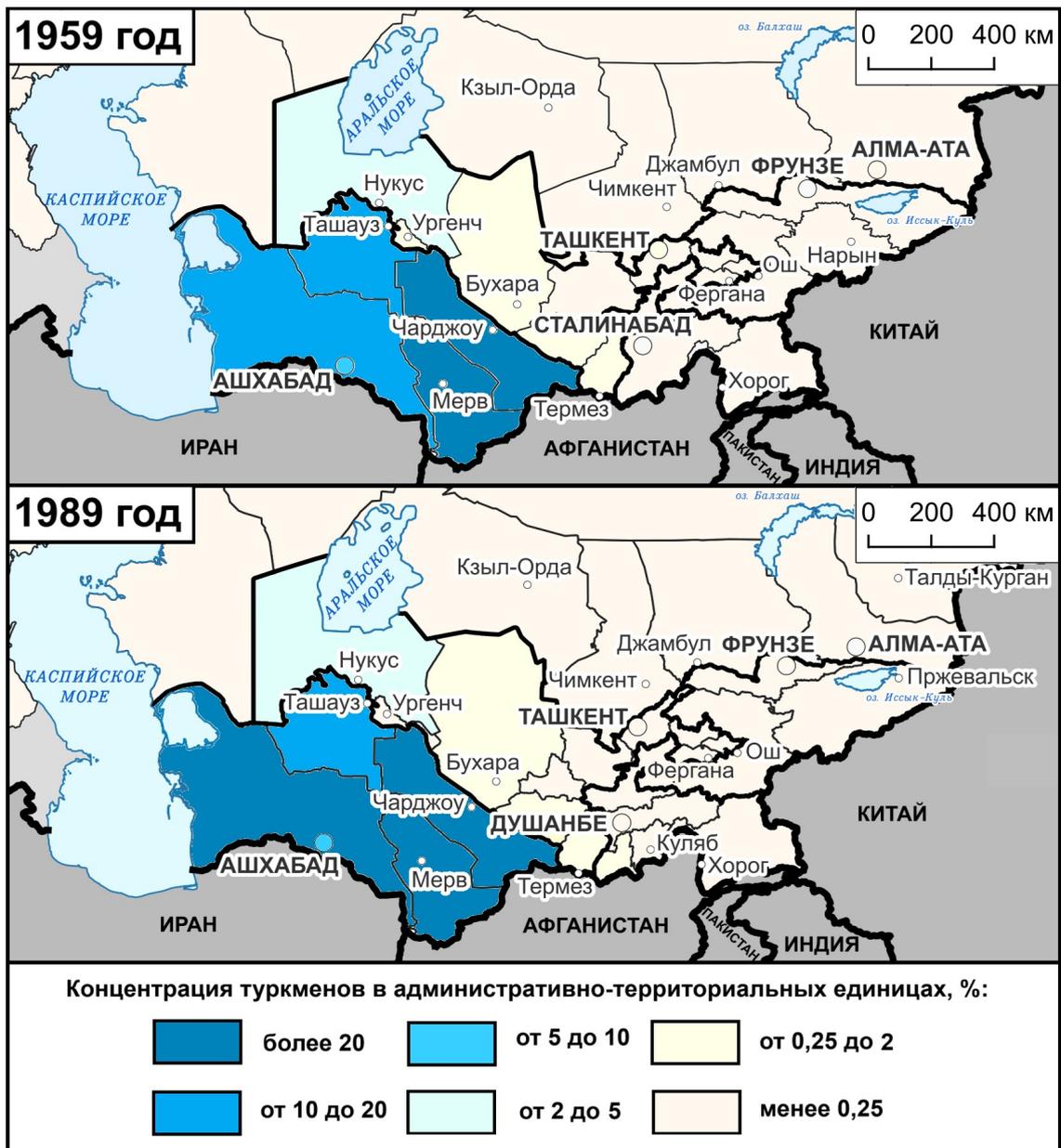

Рисунок П.16 — Коэффициент концентрации туркменов в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1959 и 1989 гг. (составлено автором по [266])

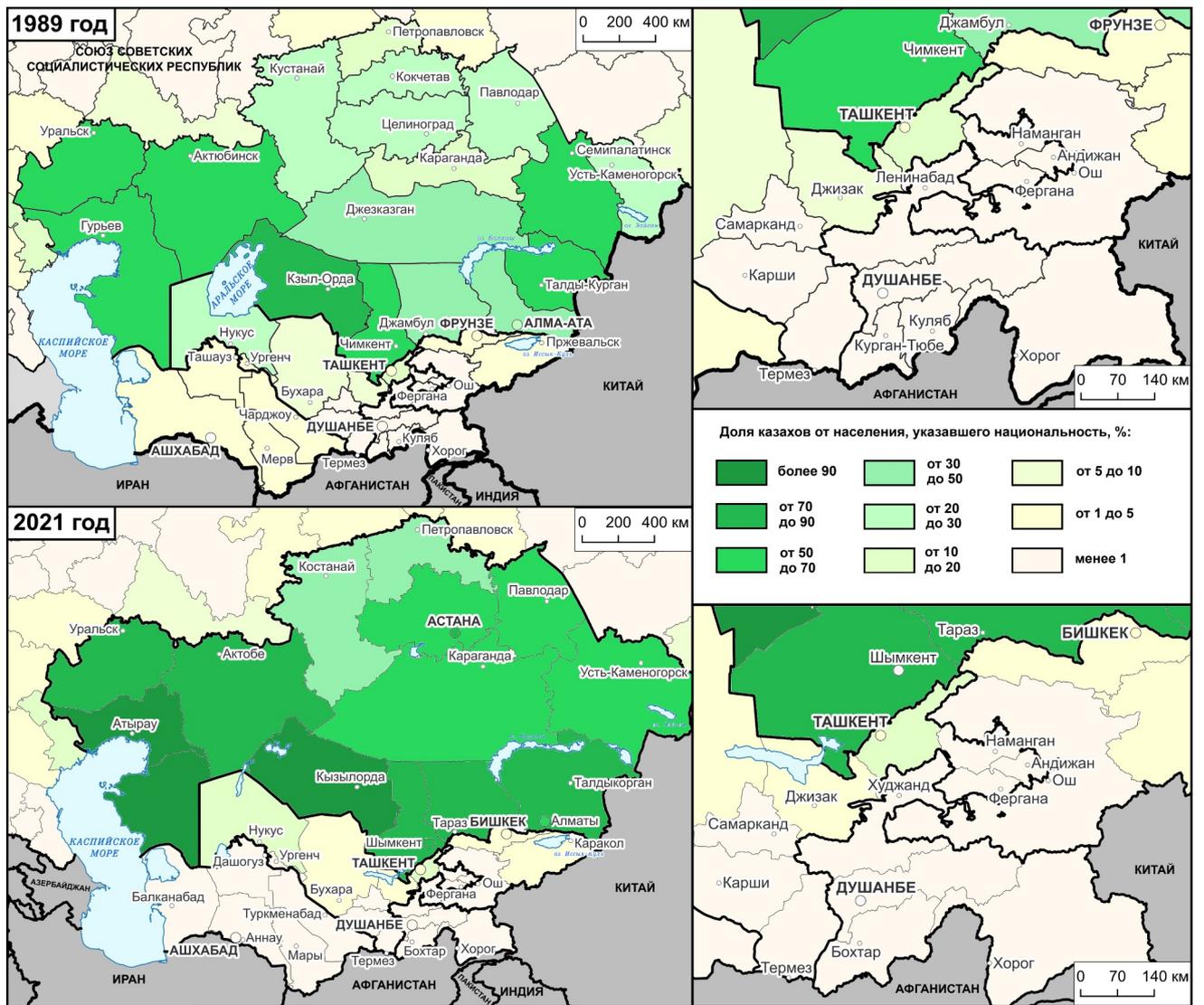

Рисунок П.17 — Доля казахов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1989 и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

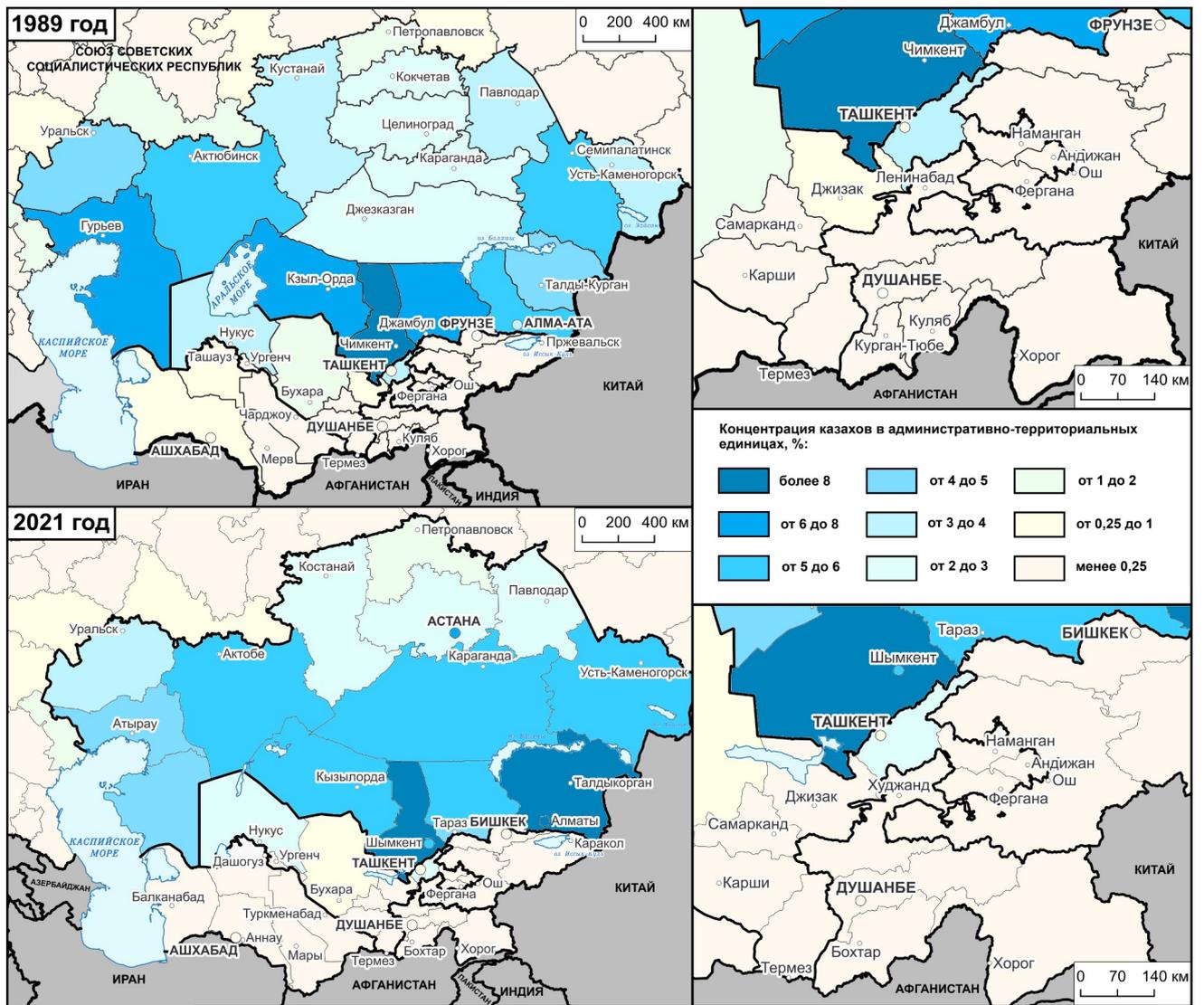

Рисунок П.18 — Коэффициент концентрации казахов в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1989 и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

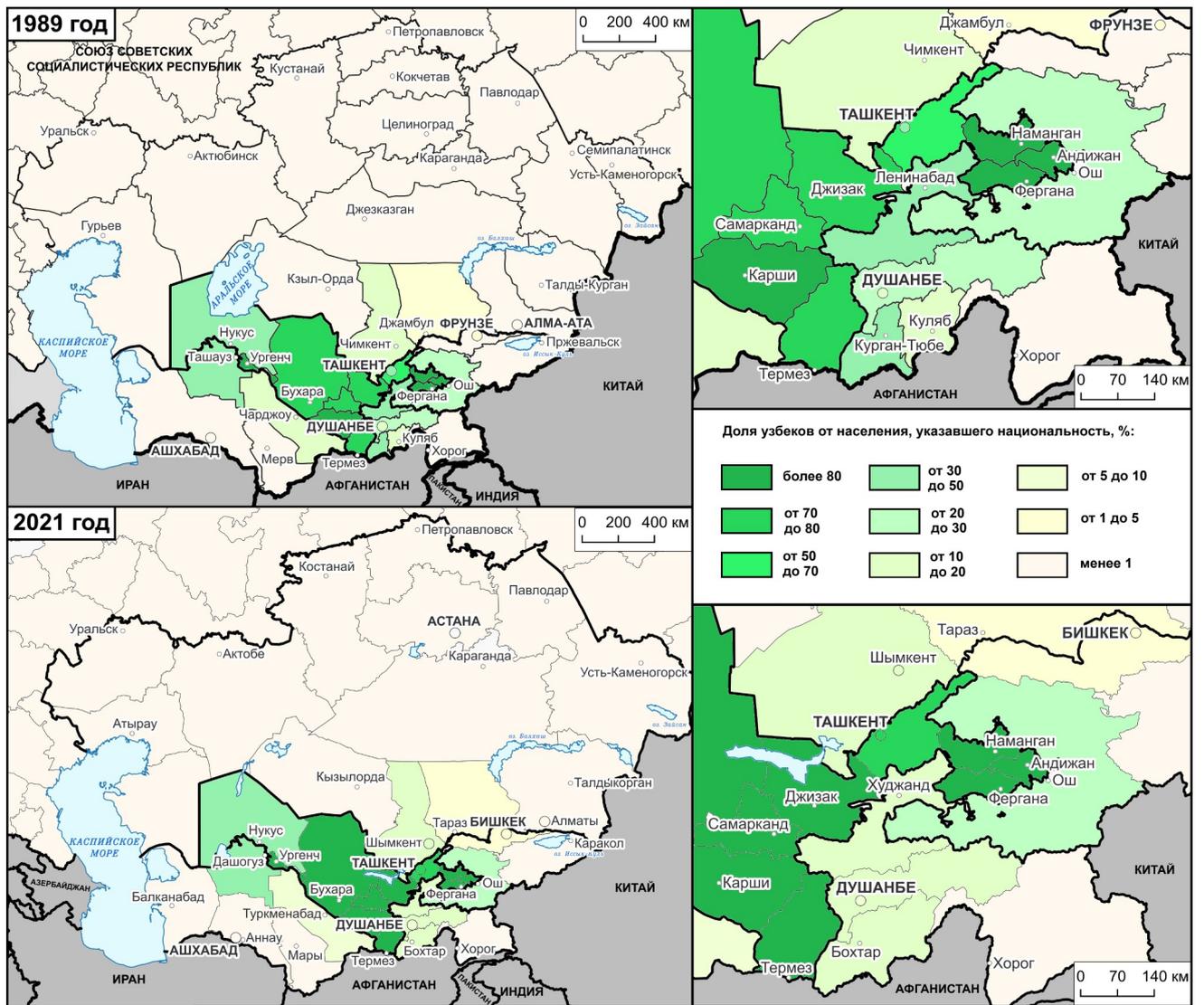

Рисунок П.19 — Доля узбеков в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1989 и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

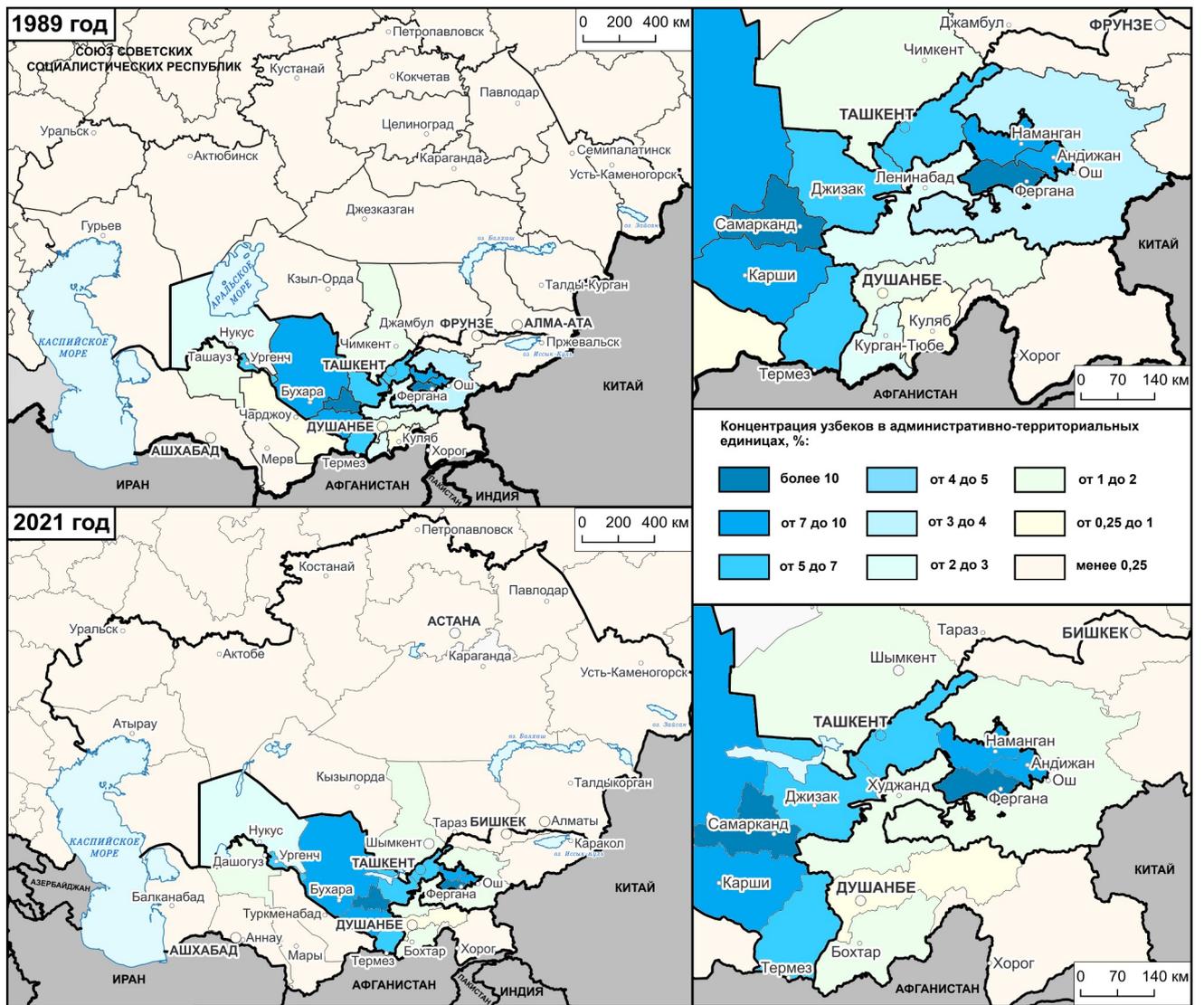

Рисунок П.20 — Коэффициент концентрации узбеков в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1989 и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

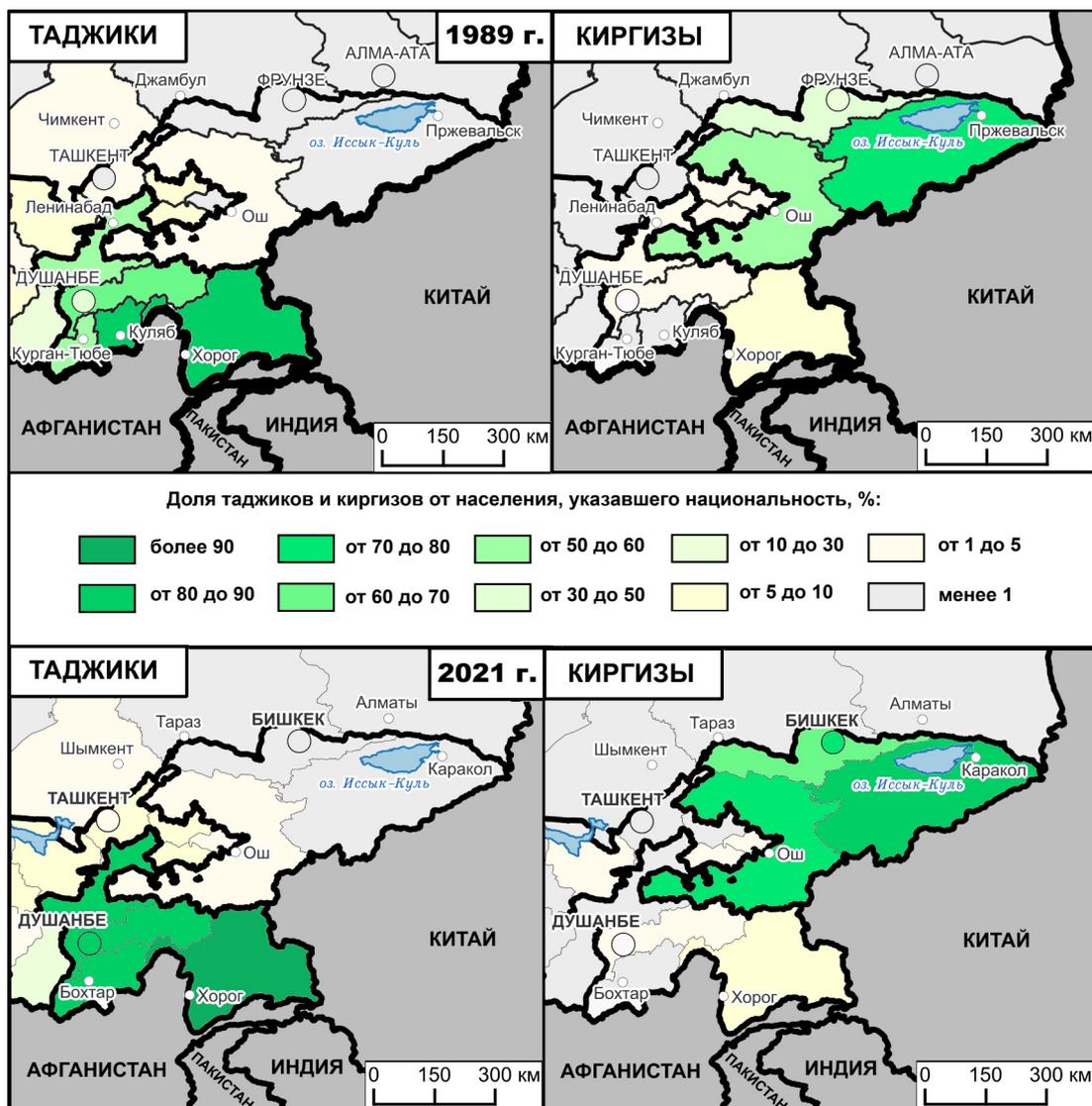

Рисунок П.21 — Доля таджиков и киргизов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1989 и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

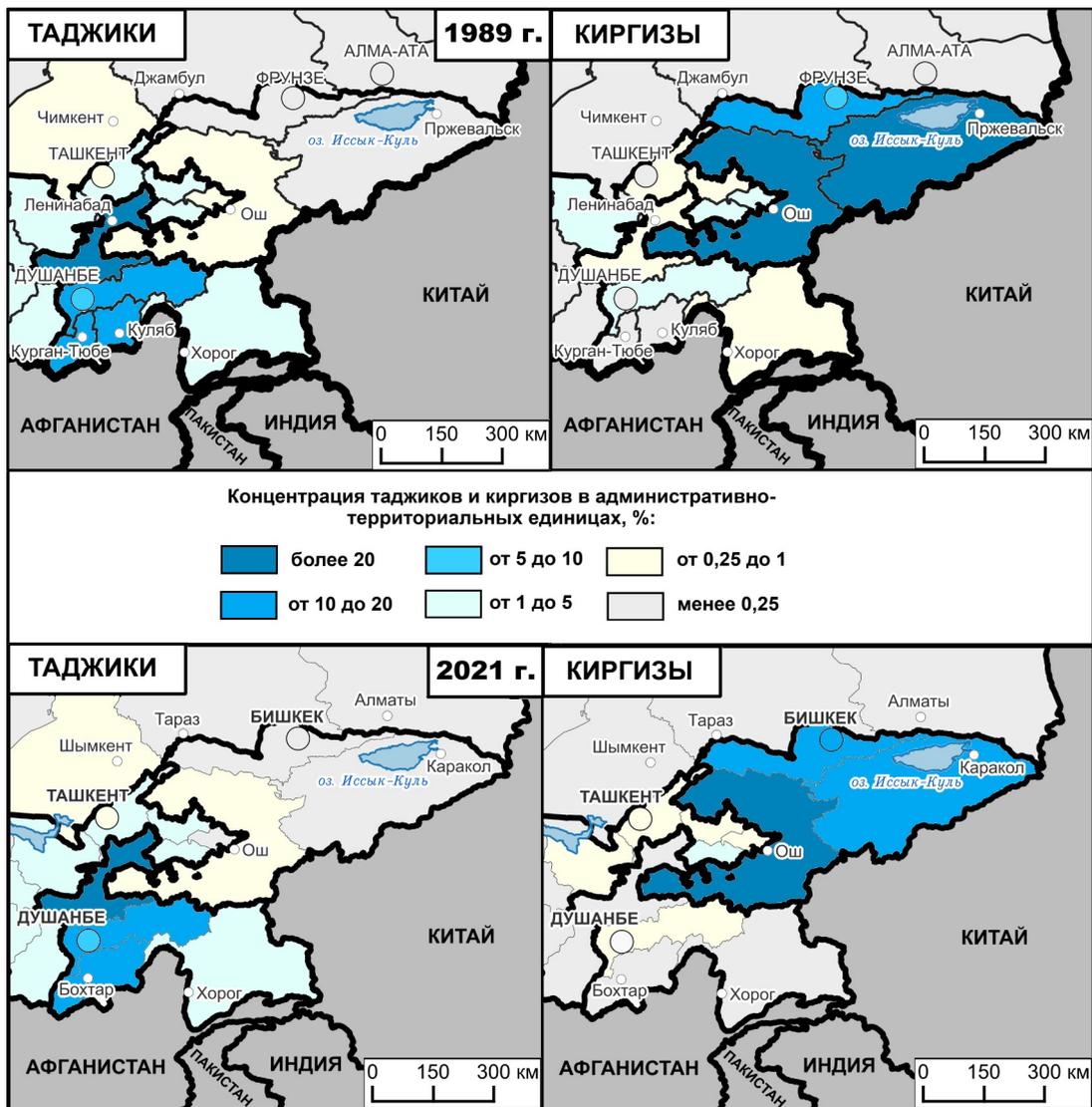

Рисунок П.22 — Коэффициент концентрации таджиков и киргизов в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1989 и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

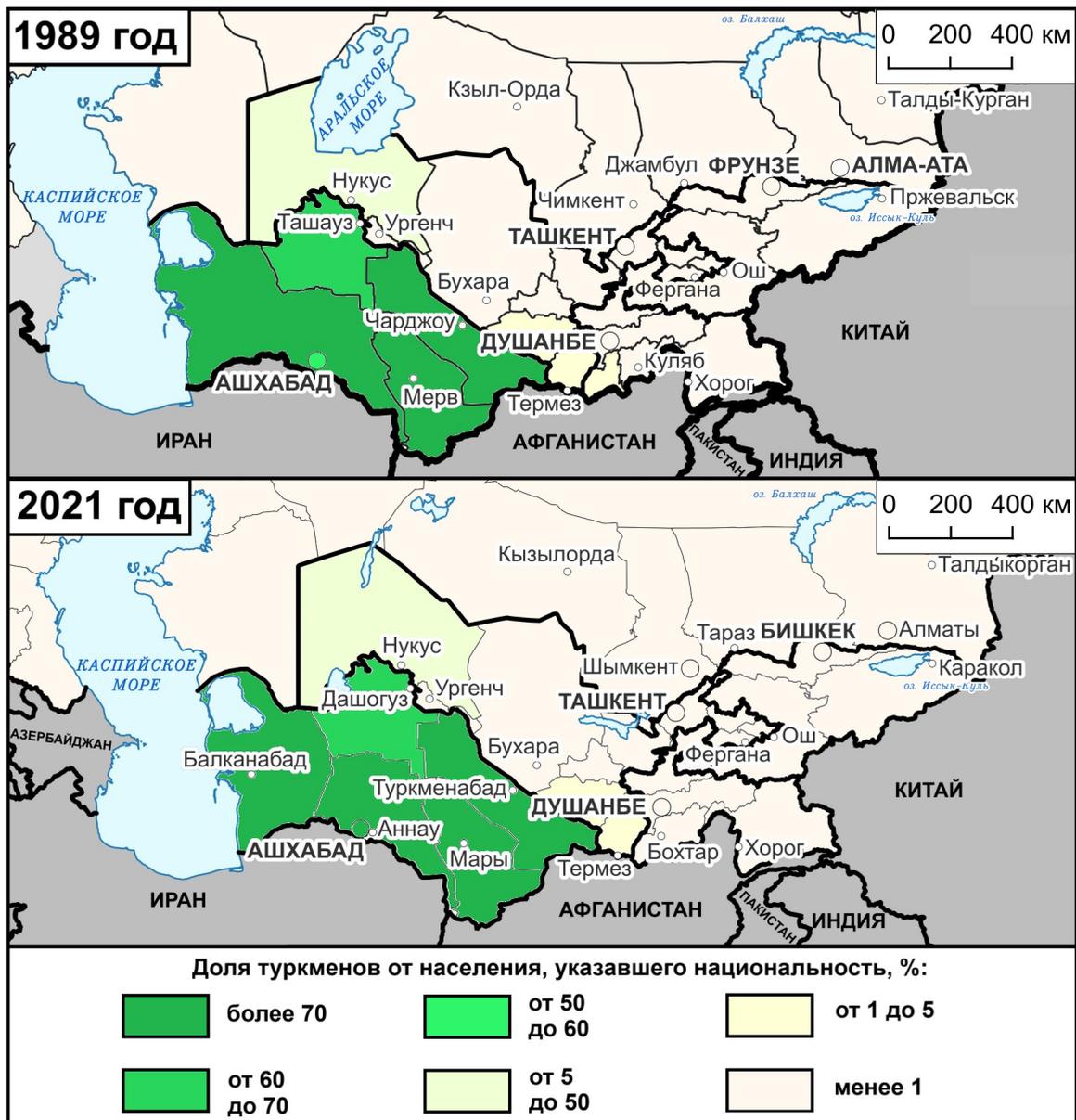

Рисунок П.23 — Доля туркменов в населении административно-территориальных единиц Центральной Азии по итогам переписей населения 1989 и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])

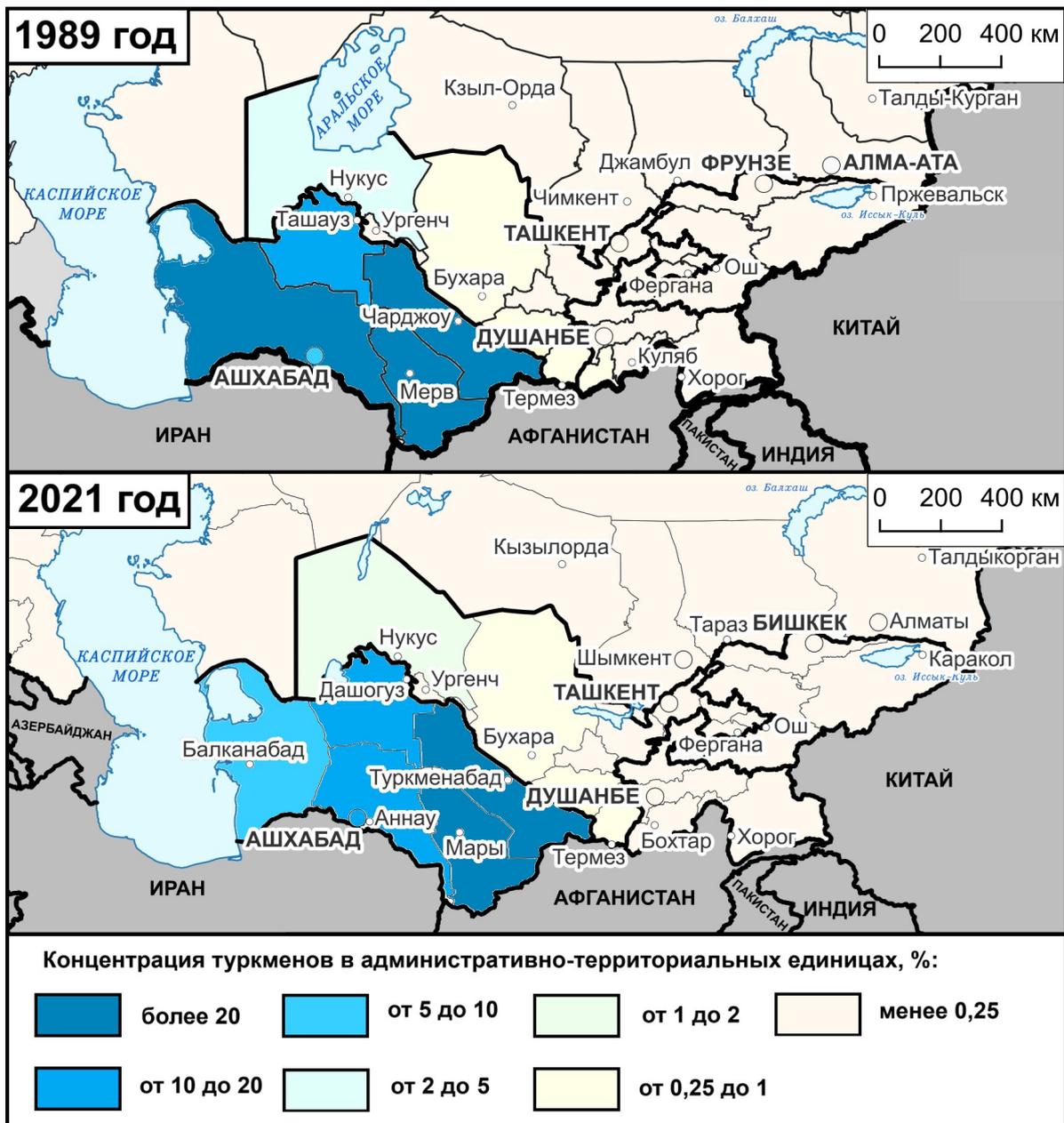

Рисунок П.24 — Коэффициент концентрации туркмен в административно-территориальных единицах Российско-Центральноазиатского региона по итогам переписей населения 1989 и начала 2020-х гг. (составлено автором по [265–270])